Он же капрал Вудсток

Овидий Александрович Горчаков

SHOUT
SHARE
IT

- Горчаков Овидий Александрович

Горчаков Овидий Александрович
Он же капрал Вудсток

Овидий Александрович Горчаков

Он же капрал Вудсток

Приключенческая повесть

Приключенческая повесть о работе советского разведчика в тылу врага в годы Великой Отечественной войны. В основу некоторых боевых эпизодов положены действительные события, участником которых был сам автор.

* Часть первая *

1. Взрыв над "Братской могилой"

Это случилось во время смены часовых на посту, и потому-то потайной люк землянки был открыт и все в "братской могиле" сразу услышали внезапно возникший гул. Несколькими секундами раньше никто не обратил особого внимания на этот отдаленный вибрирующий гул. Ведь немецкие и советские самолеты нередко пролетали над лесом. Но на этот раз гул нарастал, рокоча, так стремительно, словно на лес, включив для устрашения сирены, пикировал "юнкере". И не просто на лес, а прямо на землянку. И не один "юнкере", а сразу несколько, сразу целое звено или даже эскадрилья.

Странно растягивается время, когда летит на тебя бомба или снаряд. С замиранием сердца отмечаешь уже не секунды, а миллисекунды, и чем ближе к роковому взрыву, тем медленнее тянется время. Время как бы останавливается, замирает, как замирает и сердце.

Все стихло вокруг: говор, шорох осыпающегося песка в землянке, вздохи ветра в соснах. А гул нарастал, переходил в органный гром, распадался на грохочущую дробь сотен и тысяч барабанов. Евгений Кульчицкий невольно съежился, прочно уверовав в эти леденящие кровь мгновения, что землянка вот-вот взлетит на воздух и все в ней превратится в прах, и она впрямь станет "братской могилой".

Взрыв сильнее тысячи ударов грома был так оглушителен, что его не услышали разведчики, хотя у них едва не лопнули в ушах барабанные перепонки. Землянка заходила как при землетрясении. Евгений видел, как толстые сосновые жерди прогнулись будто ивовые прутья. С минуту оглушенные разведчики неподвижно сидели или стояли, согнувшись, в абсолютной тишине. Потом Евгений - глаза его успели привыкнуть к полумраку в подземелье - увидел, как шевелятся

губы у Константа, и сквозь звон в ушах услышал:

- Что это? Что это?

Округлившиеся глаза командира разведгруппы "Феликс" тускло блестели. Евгений впервые видел друга без его обычного панциря невозмутимости. А на самого Евгения уже нахлынула, как всегда в первые минуты после избавления от грозной опасности, пьянящая, окрыляющая радость.

- "Но пока что пуля мимо пролетела, - пропел он слова популярнейшей среди разведчиков его части песни, - но пока что подступ смерти отдален..."

- Ничего себе "пуля"! - тряским голосом проговорил Олег.

- Что это? - опять спросил Константа. Тут заговорили все разом.

- Огромный снаряд?

-- Подбитый бомбардировщик свалился и взорвался со всеми бомбами рядом с землянкой!

- Я уж думал, конец света...

- Может, многотонная бомба?.. Но Константа уже принял решение.

- Пойдем узнаем. Петрович и Пупок, останетесь с радисткой. Пошли!

Евгений выкарабкался из "братской могилы" вслед за командиром и остановился, пораженный. Невдалеке над лесом вырос невероятно высокий столб дыма и серой пыли. Шапка его медленно расплывалась в чисто-голубом небе, и оттого облако становилось похожим на исполинский гриб. У подножия этого гриба самые высокие сосны казались ниже травы.

- Сроду не видал ничего похожего! - в изумлении пробормотал Константа.

Поглядывая на "гриб" над лесом, разведчики почти бегом направились к месту взрыва, скользя меж сосен неслышным шагом бывалых партизан-лесовиков. Впереди с автоматом наготове шел Константа Домбров-ский. Движения его мускулистого, гибкого тела были легки и мягки, как у рыси. Через час ходу разведчики добрались до места.

Посреди сосняка кратером курилась огромная воронка, метров десять в глубину и диаметром почти полсотни метров. Вокруг же простиралась усыпанная землей, дерном и песком широкая прогалина. Взрыв испепелил ближайшие сосенки, снес под корень деревья подальше, далеко окрест расшвырял их, воздушной волной сорвал с отдаленных сосен всю хвою, навалил высокие горы бурелома у границ образованного взрывом пустыря. За завалами деревья легли огромным веером в сторону от взрыва.

- Ух ты! - только и выговорил Димка Попов.

- Может быть, шаровая молния? - вполголоса проговорил Домбровский, потирая кулаком слезящиеся от дыма глаза.

- Постой! - вдруг звонко хлопнул себя ладонью по бедру Евгений. - А вдруг это то самое "чудо-оружие" Гитлера, его "оружие возмездия"?!

Домбровский быстро взглянул исподлобья на своего заместителя.

- "Фау-1"? "Фау-2"? Зачем же немцам выстреливать ракеты в этот лес?

- Возможно, они начали обстрел освобожденных городов Восточной Польши, - все больше веря в свою догадку, ответил Евгений Кульчицкий. - Или уже бомбардируют ракетами наши города?! А это промах или недолет?

Домбровский молча оглядел кратер, стоя в своей излюбленной позе - ноги расставлены, автомат ППШ висит на груди, левая рука на кожухе, правая - на шейке приклада.

- А может, это экспериментальный запуск? - продолжал фантазировать Евгений, стоя рядом в той же позе.

- Может, скажешь, что Гитлер решил своим "чудо-оружием" по нашей землянке шарахнуть? - недоверчиво усмехнулся Димка Попов.

- Не исключено, - медленно, не слушая Димку, продолжал Домбровский, что имеется связь между выселением поляков с подлесных хуторов и гестаповским запретом ходить в этот лес.

- Конечно! Факт! - азартно подхватил Евгений, радуясь поддержке своей догадки. - Может быть, немцы сделали наш лес вовсе и не заповедником, а... полигоном!

Домбровский заметил, что дно кратера на глазах заплывало водой. Час-два, и громадная воронка чуть не до краев наполнится подпочвенными водами - местность низменная...

- Дима! Олег! - встрепенувшись, скомандовал он. - Ведите наблюдение не пожаловали бы гости!

Остальным искать в воронке и вокруг воронки осколки этой бомбы, снаряда, ракеты, метеорита, - приказал Домбровский. - Мы должны выяснить, что это такое. За дело, ребята!

Минут через пять Олег обнаружил метрах в десяти от воронки синий кусочек листовой стали размером с пятак. Еще через три минуты Константин Домбровский поднял с опаленной взрывом земли кусок алюминиевой трубки не длиннее мундштука, тоже синего цвета. Димка нашел короткий обрывок пучка закоптелых разноцветных проводов...

- Видишь, Костя, - волновался Евгений, подбегая к Домбровскому с рваным куском синего дюраля в руках, - значит, не метеорит, не снаряд и вряд ли бомба... Смотри, ясно видна

клепка!

- Тихо! - вдруг поднял руку, вскинув голову, Домбровский.

Над лесом послышался вибрирующий гул мотора. Он становился все громче, нарастая с севера.

- Скорее в лес! - почти крикнул Домбровский, срываясь с места.

Разведчики едва успели продраться сквозь завал и укрыться под сосенками, как над прогалиной появился низко, почти на бреющем полете летевший самолет. Домбровский сразу определил его марку: "физелер-шторьх", разведчик-наблюдатель.

- Ложись! - скомандовал он.

Самолет не спеша сделал несколько кругов над кратером и над прогалиной, над которой уже почти рассеялся дым. Он летел так низко, что разведчики ясно видели лица летчика и наблюдателя. Дмитрию Попову показалось даже, что сквозь плексигласовый иллюминатор он увидел у наблюдателя расшитый золотом воротник генеральского мундира. Неожиданно для разведчиков, облюбовав сверху ближайшую пятидесятиметровую, хорошо расчищенную просеку, самолет пошел на посадку.

Попов привстал и, задохнувшись от жаркого волнения, проговорил:

- Костя! Давай захватим их в плен! По-моему, один из них генерал!

Соблазн, конечно, был велик. Генерал не генерал, но уж, наверное, он знает, что за штука взорвалась в этом лесу!

Но в лесу возник вдруг многоголосый гул автомобильных моторов. Итак, гости пожаловали. Необходимо познакомиться с ними поближе. Домбровский выдвинулся с разведчиками почти к краю просеки. Вскоре они увидели целый кортеж автомашин: "опели", штабные "мерседесы", две бронемашины. Номера машин армейские, люфтваффе и СС. На некоторых машинах красовался желтый слон - эмблема химических войск вермахта. Два мотоциклиста-автоматчика в голове автоколонны остановились у самолета. Из кабины самолета вылез пилот. Он помог спуститься на землю единственному пассажиру "шторьха".

- Генерал и есть! - тихо застонал Попов, ясно увидев теперь в разрезе комбинезона с блестящей "молнией" вышитые золотой вязью дубовые листья и прочие арабески на стоячем воротнике.

Генерал подошел к поблескивающему черным лаком восьмицилиндровому "хорьху" с генеральским флажком на обтекаемом крыле и с желтой фарой. Из автомобиля вышел другой генерал - разведчики ясно увидели красные отвороты шинели и лампасы на брюках. Генералов окружила толпа

офицеров с общевойсковыми, артиллерийскими и инженерными погонами. Минуты через две-три вся эта толпа с генералами впереди направилась к месту взрыва, оставив у машин водителей и часть автоматчиков-мотоциклистов в черной кожаной форме НСКК - Национал-социалистского моторизованного корпуса.

Слышно было, как кто-то крикнул по-немецки из толпы:

- Обер-лейтенант Рюктешел, к генерал-майору!

Домбровский не спеша пополз за немцами, махнув рукой разведчикам: "За мной!" Потом он повернулся к Олегу:

- Запиши номера машин и прикрывай нас с тыла! Мы будем наблюдать за немцами вон из-за того завала.

Немцы минут десять копошились вокруг этой воронки, спускались в нее, что-то измеряли металлическими метрами, обшаривали каждую пядь взрыхленной земли, фотографировали воронку "лейками". Кульчицкий вдруг схватил Домбровского за руку.

- Кажется, заметили наши следы! - прошептал он.

- Я ж говорил... - начал было раздраженно Константин, но тут же поправился: - Ничего, почти все наши - в немецких сапогах, в советских никого.

На всякий случай Константин решил отвести группу в лес.

- Женя! - сказал он Кульчицкому. - Мы возвращаемся в "братскую могилу". Подежурь здесь с Олегом, может, узнаешь, что за взрыв, зачем приехали гансы! Только без фокусов!

Но ничего нового Евгению и Олегу не удалось уз-.нать. Немцы уехали через полчаса. Евгений долго смотрел машинам вслед, пока они не скрылись за соснами.

- Черт возьми! - сказал он тихо Олегу. - Если бы могли за ними последовать, мы бы узнали, откуда они кидают эти хлопушки!

- Позвать такси? - съязвил Олег, снимая автомат с боевого взвода.

Они пошли обратно к "братской могиле". По дороге Димка Попов нашел оглушенного зайца. Потом они . узнали, что таких зайцев и кабанов жители близлежащих хуторов собирали десятками. Кстати, почти во всех деревнях от взрывной волны вылетели стекла.

Евгений шел задумавшись, машинально глядя по сторонам. Что взорвали немцы в Бялоблотском лесу? Ракету? Бомбу? Как разведчикам узнать об этом? Может быть, этот взрыв не последний? А что, если такая ракета или бомба упадет поближе к землянке? Если это "фау", то разведгруппе "Феликс" придется бросить все силы на разгадку тайны этого нового оружия Гитлера.

Вечером следующего дня радистка Константина

каштановолосая красавица Вера связалась с Центром. Директор ответил почти немедленно.

"Впредь до особого распоряжения группе "Феликс" продолжать разведку гитлеровской обороны в районе реки Варты и военной промышленности Вартегау и Верхней Силезии. Директор".

2. По приказу Гиммлера

Это была последняя военная осень. Последняя осень в тылу врага. Последняя осень "третьего рейха". В эту последнюю осень немцы спиливали облетевшие березки для могильных крестов в лесах между Вислой и Саном, а подневольные поляки рыли окопы посреди несжатой ржи и картофельных грядок, выбрасывая лопатами подзолистую, песчаную и глинистую почву Польши на брустверы траншей и противотанковых эскарпов. Это была осень, когда из черных щупалец свастики выпали Таллин и Брюссель.

Разведчики группы "Феликс" попали в провинцию Вартеланд уже осенью, и потому им невольно казалось, что в краю этом всегда мглисто, ненастно и слякотно, по ночам замерзают руки и ноги, и пасмурные леса и поля тронуты ржавчиной увядания. Казалось, что всегда ощетинивался он, этот хмурый, чужой край, колючей проволокой и надолбами, скалил свои "драконовы зубы" и мрачно смотрел на чужаков черными амбразурами могучих железобетонных дотов. Казалось, всегда здесь неохотно светило солнце, в мертвых борах дули свирепые сквозняки, за толстыми каменными стенами и забранными решетками окнами таились бауэры с дробовиками...

Первое, что бросилось разведчикам в глаза, это отсутствие в провинции Вартеланд партизан. Польское генерал-губернаторство кишело ими, а тут, на восточных землях рейха, царила "кладбищенская тишина".

Около недели ушло у разведгруппы "Феликс" на строительство потайной землянки в Бялоблотском лесу. Лопаты и топоры взяли у батрака Юзефа Османского, люто ненавидевшего швабов. Лес добывали буквально с бору по сосенке, ночью в разных урочищах, не трогая нумерованные деревья в этом культурном сосновом лесу. И все же старый лесничий немец Меллер почти сразу же установил, что в его лесу творится нечто неладное: кто-то занимался незаконной порубкой в самых глухих уголках леса, кто-то - не зверь, а человек - проложил новые тропы в лесу, явно держась в стороне от больших дорог и просек. Кто бы это мог быть? Поляки? Им вход в лес давно запрещен. Неужели...

Старик немец решил выследить таинственных лесовиков. И выследил. В дальнем квартале - жердиннике - увидел при свете луны двух парней, рубивших сосенку. Они были одеты в

цивильное, но вооружены не только топорами, но и автоматами. Меллера бросило в жар, а потом в холод. Он хотел было незаметно ускользнуть, вернуться в свою лесничевку, но в этот момент что-то жесткое ткнуло его в бок.

- Тихо! - негромко произнес Константа. - Мне не хотелось бы стрелять. Ночь тиха и хороша, как в рождественском гимне.

Лесничий упал на колени.

- Пощадите меня! Я ни в чем не виноват перед вами. Я несчастный человек. У меня погиб на фронте единственный сын... Я докажу вам, докажу, что я знал, что вы здесь, и никому, никому не сказал ни слова...

Это заявление, понятно, заинтересовало Константа. Лесничий повел его в свой дом, стоявший на запущенном старинном тракте посреди леса. В маленькой конторе с оленьими рогами на стене он показал Константу при свете "летучей мыши" свой толстый гроссбух.

- Вот здесь, видите, и здесь я начал регистрировать незаконную порубку... число, месяц, кварталы, в которых обнаружена порубка, тип дерева... И все зачеркнул!.. Я не настоящий немец, я фольксдойче, родился и жил среди поляков в Польше на Волыни, потом сюда всех нас переселили. Только в сороковом году меня сделали рейхсдойче... У меня жена - полька... Спросите любого поляка в этих местах: я никогда не был зверем, выполнял лишь свой долг... Я давно уже, когда погиб под Смоленском мой сын, понял, что немцы проиграли войну, и стал другом поляков, за ничтожное вознаграждение отдавал им дрова...

Константа бегло просмотрел карту Бялоблотского леса и прилегающих лесных участков, входивших в лесничество Меллера.

- Ну смотри, Меллер, - сказал Константа, подумав, - если выдашь, если обманешь, мы найдем тебя под развалинами гитлеровской Германии, куда бы ты ни забрался!

Кончилось тем, что лесничий клятвенно пообещал не выдавать разведчиков и оказывать им всяческую помощь. И слово свое старик сдержал. Он исправно опускал в "почтовый ящик" - дупло в дереве недалеко от землянки разведчиков - записку, предупреждающую группу о готовившейся новой охоте немцев на кабанов в Бялоблотском лесу.

Чаще других охотились офицеры из крупнейшего эсэсовского учебного центра в Трескау, в пятнадцати километрах от Позена. Загонщиками на охоте служили поляки: и местные фольксдойче. Во время "полуванья" - охоты Османские, отец и сын, не раз уводили охотников за кабанами подальше от того квартала, в

котором прятались в своем подземелье разведчики... Но это не всегда удавалось, мешали местные фольксдойче, и тогда разведчикам приходилось сидеть без часового, буквально ниже травы, тише воды, а эсэсовцы проходили и пробегали в охотничьем азарте по крыше землянки, и сверху сыпался струйками песок, и в душном, спертом воздухе землянки, поморгав, гасла "летучая мышь". Тогда-то и сравнил Пупок землянку разведчиков с братской могилой. По три дня, бывало, ничего не ели, выпотрошив сухарное крошево пополам с табаком из уголков вещмешков.

Но особенно туго приходилось группе, когда немцы устраивали очередное прочесывание леса. Эта операция напоминала игру в кошки-мышки. И немцы никогда не настигали разведчиков только потому, что командир группы "Феликс" ввел одно новое правило в эту игру.

Тщательно изучая повадки врага, Констант Домбровский заприметил за эсэсовцами и за служащими вермахта весьма интересную особенность: неукоснительное следование уставу и всякого рода пунктам положений, даже вопреки здравому смыслу.

Так, однажды эсэсовцы "прищучили" его группу в районе Шнайдемюля. Была светлая лунная ночь, немцы шли за разведчиками по пятам и вдруг, как по команде, остановились, отстали, дали разведчикам уйти. Наутро, внимательно повторив весь ночной путь по карте, Констант с изумлением увидел, что эсэсовцы отстали как раз на границе двух имперских провинций - Померании и Вартеланда. Как убедились разведчики, немцы вовсе не намеревались нарушать границу провинций, каждая из которых находилась в ведении почти совершенно обособленных ведомств - полиции и СС, подчиненных РСХА в Берлине.

- Черт их знает, - заявил Констант, - может, это у них осталось от тех времен, когда вся Германия была похожа на сшитое из разноцветных кусков одеяло - вся состояла из множества королевств, герцогств и княжеств лилипутов.

Позднее, когда эсэсовцы из Трескау пытались уничтожить группу "Феликс" в Бялоблотском лесу, Констант затеял с ними нехитрую игру, каждый раз удирая из Вартеланда за границу сопредельной Верхней Силезии. Офицеры СД из Позена, столицы провинции Вартеланд, неизменно заканчивали погоню на этой границе, а штурмбаннфюрер СС Отто Вехтер, шеф зихерхайтдинста в Бреслау, не торопился протянуть руку помощи своим познаньским коллегам - у самого забот полон рот. Взаимные попреки Позена и Бреслау, их постоянные апелляции к рейхсфюреру СС на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине привели наконец к грозному приказу Гиммлера: покончить со всеми

дрязгами и координировать свои действия против врагов рейха, действующих в стратегически важной зоне близ границы обеих провинций, на берлинском направлении.

Вскоре разведка "Феликса" сообщила: переговоры двух высоких сторон - СД Вартегау и Верхней Силезии - начались в Бреслау.

Константа организовал наблюдение за большим мрачным зданием на Музеумштрассе в Бреслау. Его люди незаметно фотографировали всех достойных внимания офицеров и штатских лиц, входивших и выходивших из охраняемого эсэсовцами подъезда. Они видели, как в ворота здания по ночам въезжали крытые фургоны с номерами СС, набитые арестованными шахтерами из Силезского угольного бассейна, слышали крики, доносившиеся из огромных подвалов и камер пыток на третьем этаже.

После очередного тура переговоров офицеры СД едут отдохнуть на Швайдницштрассе. Это очень устраивает людей Константа: в ресторане "Танненхофе" есть свой человек, поляк-официант, которому удалось выправить документы фольксдойче. Случается, он обслуживает самого герра Вехтера, шефа СД. А к нему, бывает, подсаживается армейский контрразведчик полковник Лош, начальник Абверштелле-Бреслау. Так, несколько слов, брошенных оберстом из абвера, привели к тому, что Константа организовал на подступах к Бялоблотскому лесу круглосуточное дежурство с целью обнаружения автофургонов оперативной группы радиопеленгации, которую оберст собирался послать к лесу одновременно с направлением такой же группы из Познани...

"Слухачи" СД и пеленгаторы функабвера в Позене и Бреслау уже давно запеленговали рации в Бялоблотском лесу. У наших разведчиков тогда, увы, не было передатчиков, работающих на ультракоротких волнах, которые не отталкиваются от ионизированного "хэвисайдова слоя", а распространяются по прямой и потому на месте их зарождения не детектируются. В журналах и картотеках многих пунктов пеленгации и подслушивания функабвера занесены подробнейшие сведения о времени выхода в эфир радиста группы "Феликс", о точном месторасположении рации, позывных, диапазонах работы, продолжительности связи. Тщательно записаны группы пятизначных цифр неизвестного, не поддающегося разгадке шифра. Копии всех шифрограмм размножены и направлены в Берлин. Наиопытнейшие "слухачи" - фельдфебели по "почерку" радистов определили пол, национальность, примерный возраст, класс работы по количеству передаваемых и принимаемых знаков

в минуту, даже основные черты характера, темперамент, настроение радиста группы "Феликс".

По сведениям Константа, Позен и Бреслау теперь готовили совместную большую облаву на "русских и польских шпионов, свивших себе гнезда в Бялоблотском лесу..."

В таких-то условиях разведгруппе "Феликс" удалось сделать немалое дело: добыть исчерпывающие данные о гитлеровской обороне в районе "ворот Берлина" - на реках Нотец и Варта. Эти данные, жизненно необходимые войскам 1-го Белорусского фронта для скорого наступления, которое взломало бы эти крепкие ворота, Константа Домбровский добыл с помощью поляков.

Как-то во время ночной встречи с польским крестьянином Юзефом Османским, помогавшим разведгруппе в сборе сведений, а в трудные дни и продуктами, Юзек пожаловался Константу:

- Наших хлопов швабы собираются завтра погнать на окопы. За отказ бросят в концлагерь в Познани. Многие ребята не хотят работать на Адольфа, думают в лесу отсидеться...

- На окопы, говоришь? Так это же замечательно, Юзек! Як бога кохам! Именно тебе и твоим товарищам и надо идти на окопы.

- ?

- Не удивляйся, Юзек. Разбросай всех надежных ребят по разным командам, а сам сделай так, чтобы ты мог раз-два в неделю навещать семью. Будешь собирать и регулярно передавать мне сведения о строительстве оборонительных рубежей.

За какую-нибудь неделю Константа и Юзек поставили это важное дело на широкую ногу. Из отрывочных сведений, полученных от поляков, мобилизованных организацией Тодта, складывалась полная картина строительства оборонительных поясов, прикрывающих путь в сердце Третьей империи... И когда гитлеровцы возвели семь оборонительных рубежей между Вислой и Одером, группе "Феликс" с помощью поляков удалось добыть исчерпывающие данные о третьем рубеже (Торунь - Пиоткув - Познань - Острув) и пятом, прикрывавшем границу "старого рейха" - довоенную государственную границу Германии. От имени Центра Директор выразил Домбровскому благодарность и сообщил, что командование представило всех разведчиков группы "Феликс" к правительственным наградам.

На следующий день после этого радостного известия Пупок принес два экстренных сообщения из лесных "почтовых ящиков".

Первое приятное, по-польски:

"Догнали и добили раненого кабанчика. Спрятали его от немцев в дровах на большой вырубке. 002. Приятного аппетита".

"002" - это Юзек Османский. Он же Тесть.

Второе неприятное, по-немецки:

"Шеф СС и полиции Вартегау приказал в трехдневный срок провести прочесывание лесов в этом районе с одновременной ликвидацией всех банд парашютистов. Специально указывается, что парашютисты укрываются в лесу в подземных убежищах. Кроме того, рейхсфюрер СС Гиммлер приказал лесному управлению объявить Бялоблотский лес и ряд других близлежащих лесов государственным заповедником, прекратить все лесозаготовки, запретить всему населению вход в эти леса, заблокировать все дороги, ведущие к ним, выселить все фольварки в радиусе пяти километров, а также всех лесников и лесных объездчиков... Фавн". "Фавн" - это Меллер.

- Немцы затевают что-то очень серьезное, - забеспокоился Констант. Надо посоветоваться с нашими поляками - Казубским и Исаевичем. У них большие связи в Познани.

Но Богумил Исаевич, заместитель командира раз-ведгруппы Войска Польского Казика Казубского, ничем не мог помочь своим русским друзьям.

- Да, у меня имеются свои люди - тайные бойцы Армии Людовой в аппарате гаулейтера Вартеланда Грейзера, - сказал он, придя ночью в землянку разведгруппы "Феликс". - Имеются и в штабе шефа СС, и в полиции провинции СС-группенфюрера и генерал-лейтенанта полиции Гейнца Рейнефарта. На днях я получил характеристику этого главного и непосредственного нашего противника в этом краю. Его номер в СС 56 634, юрист по образованию. После убийства Гейдриха являлся генеральным инспектором рейхспротектората Богемии и Моравии. В ноябре прошлого года сменил СС-обергруппенфюрера Вильгельма Коппе, который стал правой рукой Ганса Франка в Польском генерал-губернаторстве, на посту шефа СС и полиции в Вартегау. Рейнефарт один из самых лютых генералов СС. За участие в подавлении варшавского восстания и зверское истребление варшавян 30 сентября этого года Гитлер наградил его "дубовыми листьями" к Рыцарскому кресту. В Варшаве он был убийцей номер два после СС-обергруппенфюрера фон дем Баха. Кстати, то, чт" Рейнефарт по приказу Гиммлера, приезжавшего в Познань в августе, срочно перебросил подчиненные ему части СС и полиции из Вартегау в Варшаву, помогло нам с вами продержаться здесь последние три месяца. Сообщения Меллера мои люди подтверждают полностью, но и они не всемогущие боги, доступа в сейфы Рейнефарта не имеют. Известно, что за голову каждого из нас назначена премия в десять тысяч рейхсмарок. Судя по всему, здешние гитлеровцы отлично понимают, что Красная Армия

скоро перейдет в новое наступление, и заранее хотят очистить от разведчиков будущий прифронтовой район. Вот они и собираются провести "гроссфандунг" - "большую облаву".

- Словом, надо быть готовыми ко всему, - сказал Констант, выслушав поручника. - Если немцы выселят Османских, всех поляков, Меллера, будем жить как робинзоны... В общем, наступают горячие денечки.

3. Разговор с Гитлером

И они наступили, эти денечки. Началась "гроссфандунг" - "большая облава". Трое суток отсиживались в землянке. Когда кончились продукты и пришлось взяться за НЗ, Констант предложил разделить концентраты по ложке на брата, плюс сухарь в сутки. Его заместитель Евгений не согласился с ним.

- Предлагаю выдать весь харч сразу. Чем раньше кончится все, тем быстрее и решительней мы что-нибудь придумаем. Безвыходных переплетов не бывает. Костя обрекает нас на голод-мы обессилеем, впадем в апатию, а потом тихо скончаемся в этой "братской могиле".

- Надо любой ценой переждать блокаду, - упорствовал Констант.

А совсем рядом с потайной землянкой, у края загайника денщики эсэсовских оберштурмфюреров и га-уптманов распаковывали ранцы и чемоданчики с судками-термосами, сервировали обед из походных пластмассовых сервизов. Офицеры садились на удобные складные стулья, уплетали консервированные длинноствольные франкфуртские сосиски, гамбургские котлеты, глотали горячий чай с ромом и, рыгая, утирали жирные губы белоснежными салфетками. И затем, справив нужду, снова приступали к "гроссфандунгу".

На пятый день Домбровский вывел группу из "братской могилы" и попытался просочиться сквозь эсэсовские и жандармские цепи в другой, отдаленный лесной квартал, но не смог этого сделать. "Коронный" - то есть выпускной класс эсэсовского училища в Трескау держался стойко. Юнкера СС, вооруженные автоматическими карабинами, неплохо дрались в лесу, Из разведчиков прорвались только трое - Евгений, Димка Попов и Олег. Только они пришли на явку в условленном месте.

Темнело. В лесу слышались командирские свистки, у эсэсовцев происходила какая-то перегруппировка штурмовой группы батальона СС "Позен". Видимо, фрицы не собирались, как обычно, уходить на ночь из леса.

- Давай ударим в спину! - предложил Димка Попов, взводя автомат. - А то бегаем, как кабаны. У меня уж давно руки чешутся.

- Что толку от наших трех пукалок? - резонно возразил ему Пупок.

- Вот что, - сказал Евгений. - Выходим из лесу, расходимся в трех направлениях и поднимаем шум-гам на трех фольварках за спиной карателей. Обязательно подальше от польских хуторов. Да побольше шуму, чтобы немцы решили, что партизаны вырвались из Бялоблотского леса, и помчались бы за нами.

- Это дело, - согласился Пупок. - Аида!

- Пустое задумали, - проворчал Димка. - Лучше бы из автоматов вдарить...

- Заодно набирайте на фольварках побольше продуктов! - напутствовал Евгений товарищей, прощаясь с ними за деревней Лендек.

Сам Евгений решил наведаться в гости к одному престарелому барону, о котором он не раз слышал от Юзека Османского.

А почему бы и нет!

Обстоятельства управляют тобой или ты обстоятельствами - вот подлинное мерило настоящего разведчика.

От Османского он слышал, что барон фон Югенбург, полковник в отставке, отец двух эсэсовцев, сильно притеснял "остарбайтеров" - "восточных рабочих".

Сначала Евгений, подобравшись к большому господскому дому, расположенному в живописном парке недалеко от берега Варты и городка Бремен, хотел было оборвать телефонные провода, но потом раздумал: пригодятся - он давно собирался поговорить кое с кем по телефону... Почти полчаса потратил он, пока облюбовал окно с балконом на втором этаже, осторожно выдавил стекло и забрался в дом. В темном коридоре он услышал чье-то астматическое, со свистом дыхание. Луч фонарика выхватил из темноты жирное бульдожье лицо с закрученными в футлярчики усами а-ля Вильгельм II. Барон был в золотисто-желтом стеганом шелковом халате и держал в дрожащих руках двустволку. За его могучей спиной грозно смотрели с полотен в золоченых рамах Фридрих II и фельдмаршал Гинденбург.

Евгений затащил тучного барона в первую попавшуюся комнату. Комната оказалась спальней барона с громадной кроватью под балдахином. На ковре лежали все двенадцать томов мемуаров Джованни Джакомо Казаковы в старинном издании Брокгауза. Так вот что читал на сон грядущий престарелый барон. Евгений с удовлетворением увидел на тумбочке старомодный телефонный аппарат, наверняка помнивший еще времена Томаса Альвы Эдисона. Посадив обескураженного барона-оберста на кровать и приказав ему держать руки на спинке кресла, Евгений

поднял телефонную трубку.

- Я не трону вас, барон, если вы будете благоразумны. Считайте, что я просто зашел позвонить. Да и взять у вас кое-что из еды на дорогу, поскольку магазины закрыты. Итак, барон, вы обещаете быть паинькой?

- У меня нет иного выбора, - прохрипел барон.

- Прекрасно! Как вызвать междугородную?

- Не хотите ли вы говорить с Москвой? - попытался усмехнуться барон, кривя в усмешке лиловые губы. Обвисшие, как у сенбернара, щеки все еще тряслись.

- Позен? Междугородная? - через две-три минуты негромко говорил в трубку Евгений. - Дайте мне рейхсканцелярию! Живо! Рейхсканцелярия? Прошу срочно соединить меня с фюрером! Это дело первостепенной государственной важности. Алло? Я не слышу - какой-то треск в мембране... Кто спрашивает? Представитель Красной Армии. Откуда говорю? Из-под Берлина. Фамилия? Воинское звание? Это я скажу вашему фюреру. Кто пьяный? Сами вы алкоголик! Никто вас не разыгрывает. Акцент непохожий? Что?! Оставьте свои угрозы при себе... Неслыханная наглость? С кем я говорю? Какой адъютант?.. Слушай ты, фашистская штабная крыса! Я поговорю с тобой особо, паразит, когда мы придем в Берлин, а сейчас давай-ка мне лично Адольфа Гитлера. Что?.. Как я тебя назвал?.. Па-ра-зит! Фюрера нет в Берлине? А где он? У, сбежал, гад?.. Ты не обязан мне отвечать?.. Алло! Передай своему фюреру, что представитель Красной Армии предлагает ему немедленно капитулировать. И чтобы безоговорочно!.. И еще хочу спросить: заказал ли фюрер себе гроб? Пора, говорю!.. Наши уже ждут. Как говорил Шиллер: "Я знаю своих молодцов!" До встречи в Берлине!

Разведчик взглянул на барона, обрюзгшее лицо которого стало иссиня-багровым - вот-вот хватит апоплексический удар. Монокль барона давно выпал из глаза...

- Не забудьте уплатить за междугородный разговор. Мне, право, очень жаль, барон, что не удалось поговорить с фюрером, иначе я передал бы Адольфу привет от вас лично.

- Но ведь гестаповцы уже установили, что вы говорили по моему телефону!.. - сдавленно прохрипел барон.

- Не сомневаюсь в этом, - заулыбался Евгений, наматывая на кулак телефонный шнур. - Поэтому не смею задерживать вас. Надеюсь, вы извините меня за эти мелкие неприятности.

С этими словами он с силой дернул телефонный шнур, вырывая его из аппарата.

- Это для того, чтобы вы не спешили со своей реабилитацией, герр оберст. Я советую вам хорошенько продумать вариант

защиты. Думаю, что сердитые господа из гестапо, учитывая близость Позена, приедут сюда не позже чем через час. Они наверняка спросят, куда я ушел. - Он аккуратно стер отпечатки пальцев с телефонной трубки. - Так скажите этим господам, что я иду по следу фюрера. За сим - ауфвидерзейн! Извинить за беспокойство не прошу. Согласитесь, барон, пока еще вы и ваши сыновья эсэсовцы причинили нам гораздо больше беспокойств, чем мы вам.

- Вы меня хотя бы связали, молодой человек...

- Простите, барон, образование не позволяет. Я по возможности избегаю грубого насилия. Ограничусь тем, что суну кляп вам в рот и запру вас в вашей спальне.

- С меня спросят гестаповцы...

- Разберутся. Это их призвание.

- Ох, вы не знаете гестапо.

- Ошибаетесь. Уж кто-кто, а я знаю гестапо слишком хорошо. Ваш "форд" на ходу?

- Я уже давно забыл, как пахнет бензин. Мне отказали в пайке. Не верите, можете заглянуть в гараж.

- Придется позаимствовать одну из ваших лошадей... Прощайте!

Дмитрий и Пупок немало удивились, когда Евгений прискакал в лес на чистокровном скакуне тракененокой породы, рослом кауром жеребце, с двумя альпинистскими рюкзаками, набитыми разной снедью. Сбросив рюкзаки к ногам остолбеневших друзей, он соскочил на заиндевелую землю.

- Прощай, дружок, - хлопнул он коня по теплой, чуть влажной шее. - Ты хоть и фриц, а парень хороший! Скачи домой, а то мои голодные приятели, чего доброго, вспомнят о вкусе вареной партизанской конины.

Он хлестнул коня баронским стеком, и тот, всхрапнув, понесся галопом по лесной заснеженной дороге.

Евгений вздохнул, глядя вслед коню:

- Это четвероногое будет спать в отличной теплой конюшне. А вот где мы, горемычные, преклоним голову, одному богу известно!

Димка и Пупок быстро рассовали окорока, консервы, хлеб по заплечным мешкам.

- Тебе, Женьк, видать, здорово повезло, - проговорил Димка, жуя колбасу. - Майн готт! Бутылка коньяку! Погоня будет?

- Будет, - уверенно ответил Евгений. - Главное, думаю, сделано. Отвлек противника ложными действиями. Группенфюрер Рейнефарт снимет свой эсэсовский отряд из Бялоблотского леса и перекинет его в Гронжин-ляс...

Евгений явно наслаждался произведенным эффектом.

- Еще как! В Берлине было слышно. Слава Эдисону! Все решила техника! Я всегда говорил, что в нашем деле вот это серое вещество, - он постучал по лбу, - важнее мускулов. Фантазия художника нужнее знания уставов!

И Евгений, смеясь, на ходу рассказал товарищам о том, что звонил фюреру.

- С этой идеей, ребята, я давно носился, - признался Евгений друзьям. Она пришла мне в голову в первый же наш визит в немецкое поместье. А тут подходящая обстановка; шуметь надо, и чем громче, тем лучше. Я еще в партизанах подбил ребят послать личное письмо Гитлеру по почте из Брянска. Как только я увидел почтовый ящик с имперским гербом, так и загорелся желанием черкнуть пару строк Адольфу. Получилось похоже на письмо запорожских казаков турецкому султану. Смеху было!..

* * *

СС-группенфюрер Гейнц Рейнефарт действовал точно так, как и предположил Евгений Кульчицкий. Сняв батальон СС-"Позен" и отряд по истреблению парашютных десантов из района Бялоблоты - Лендек, он перекинул его к Гронжинлясу, вызвал подкрепление из эсэсовского училища и гарнизона Позена и начал усиленно прочесывать все леса вокруг поместья герра оберста.

Самого барона фон Югенбурга гестаповцы арестовали и увезли в "черном вороне" в познаньскую цитадель, где его допрашивал лично шеф познаньского отдела "зихерхайтдинст" - СД. Разведгруппа Константа Домбровского вышла таким неожиданным образом из безвыходного положения. Но сам Константин не пришел в восторг, услышав о новой проделке Евгения.

- Пижонский авантюризм! - ворчал он. - Звонить Гитлеру - надо же было додуматься! Воюешь по Дюма. Тоже мне д'Артаньян. Черт знает что! Сумасбродство какое-то!

Однако Константу пришлось признать, что именно "сумасбродству д'Артаньяна", направившему ищеек "гроссфандунга" по ложному следу, обязан он спасением своей группы.

В диверсионно-разведывательной части Евгений Кульчицкий слыл парнем гордым и высокомерным. Но Константин знал: это у Женьки напускное, от застенчивости. Потом он заметил, что Женька действительно стал высокомерен, но только с теми, кто незаслуженно ставил себя по опыту и отваге выше его или на одну доску с ним. В Женьке чрезвычайно сильно развился дух соревнования, вообще отличавший молодых зафронтовых

разведчиков. Кроме того, в нем жило и обостренное чувство исключительности, тоже свойственное людям этой редкой профессии, которую они ставили превыше всех прочих военных специальностей: летчика или моряка, танкиста или артиллериста.

- Идя в разведку, - наставлял Константа еще в сорок первом командир диверсионно-разведывательной части, - не бери самого великолепного исполнителя, если он только и умеет, что исполнять чужие приказы. Не бери зубрилу, который назубок знает все уставы, но не видит дальше них. Не бери отличника строевой подготовки, умеющего только пыль поднимать - не на парад идешь. Не бери подхалима. Бери человека самостоятельного, независимого, инициативного, с фантазией. Такие ребята обычно самолюбивы, ершисты, с начальством не ладят, липовых авторитетов не признают, характер у них сложный, а о себе они самого хорошего мнения. Иначе они и не подумали бы идти в нашу отборную часть. Только неумный начальник, опасаясь за свое место, окружает себя посредственностями, льстецами, подхалимами, опасными карьеристами. Начальник деловой и толковый окружает себя людьми блестящих способностей, которые дополняют, а в случае необходимости всегда могут и заменить его.

Именно таким разведчиком и был Евгений Кульчицкий.

Группа "Феликс" вернулась в "братскую могилу", так и не обнаруженную немцами, а на следующий день опять разорвался в Бялоблотском лесу таинственный снаряд. Вечером Константа послал Центру подробную шифровку о загадочном взрыве. Когда радистка через сутки приняла и расшифровала ответную радиограмму от Директора, Константа пробежал ее глазами и молча протянул Евгению.

"Феликсу". Ваши сведения о взрыве ракет в Бялоблотском лесу очень интересны. Немедленно сообщайте о возможных новых взрывах, собирайте осколки, особенно с фирменными знаками и заводскими номерами. По-прежнему ждем от вас дополнительные данные о военной промышленности Вартегау и Силезии. Сосредоточьте внимание агентуры на ракетных заводах. Директор".

Константа и Евгений вышли из землянки, чтобы обсудить новый приказ. Над частоколом сосен мерцали звезды.

- Похоже, что немцы и впрямь тут бросаются ракетами, - заметил Евгений, глядя, как Константа поджигает трофейной австрийской зажигалкой листок с радиограммой Директора.

- Не думаю, что нам удастся выполнить этот приказ, - расстроенным тоном проговорил Константа. - Все наши помощники - крестьяне, а горожан рабочих почти нет.

- Устроим смычку города и деревни, - предложил Евгений. - Вон Тесть говорил, что у него два двоюродных брата в городе работают: один в Познани, на машиностроительном заводе, другой - в Бреслау. Найдется городская родня и у других наших поляков в Пыздрах, Лендеке, Яроцине.

- Да я расспрашивал Тестя об этих его братьях, Зигмунте и Мечиславе. Зигмунт работает на военном электротехническом заводе в Бреслау конторским служащим. Беда в том, что ему, видно, засорили мозги и он сочувствует реакционной Армии Крайовой. Крайовцы популярны в городском подполье, у них довольно большие связи, они многое знают... но ведь ты помнишь этих гавриков по Восточной Польше: мечтают о панской Польше буржуев и помещиков, морочат народу голову, одинаково пугают его и немцами и русскими. Под Люблином они не только отказывались помогать нам, советским разведчикам и Армии Людовой, но даже часто вредили как могли: выдавали гестаповцам, нападали на наших из засады, убивали...

- Да, этим летом они троих моих друзей по спецшколе ночью под Парчевом зарезали. Есть среди рядовых крайовцев, конечно, и настоящие патриоты, только замороченные, оболваненные. А фашист он везде фашист: немец, итальянец, украинский националист-бандеровец, поляк, русский власовец...

- Так как же нам выполнить новое задание? Крайовцев не заставишь на себя работать... Оки молятся на Лондон и уповают на свое эмигрантское правительство в Лондоне. Их так и называют "лондонскими поляками". Вот если бы ты был англичанином, они бы в лепешку расшиблись.

- Если бы я был англичанином?..

- Ну да! Тогда бы они все для тебя сделали.

- Костя! А что, если мне стать англичанином? Я убежден, что "аковцы" знают больше нас о "чудо-оружии"...

- Как это - стать англичанином?

- Ты же знаешь, отец у меня был дипломатом, я много лет жил и учился в Англии и Америке, знаю английский, как русский1.

- Чепуха ерундейшая! Тоже мне мистер-твистер!

- Слушай! Ну почему не попробовать? По отношению к нашим британским союзникам это вполне лояльно. Английскому народу тоже выгодно, чтобы "лондонские поляки" не занимались междоусобной дракой, а боролись против бошей. А до этих интриганов в лондонском эмигрантском польском правительстве нам дела нет.

- Ну и фантазер же ты, Женька!

Евгений понимал, что ему трудно будет убедить Константа:

тот любил такие операции, которые он мог наперед рассчитать с математической точностью, заранее все предусмотрев, взвесив все опасности, а тут уравнение с множеством неизвестных...

- Ты же сам говоришь, что у них большие связи, что они многое знают. Представлюсь им как английский разведчик, придумаю "легенду"...

- Такой маскарад закончится безымянной могилой.

- Я выдавал себя за полицая, за власовца, а среди полицаев даже за немецкого обер-лейтенанта, хотя не ахти как знаю немецкий язык. А за англичанина среди поляков я вполне сойду.

- По виду, пожалуй. И по языку, может быть... Но ведь ты уж сколько лет как не бывал в этой самой Англии! Вечно ты так: или голова в кустах, или грудь в крестах.

- Язык, на котором говорил с детства, никогда не забудется. Елки-палки! Ну что могло измениться в этой стране загнивающего капитализма? Костя, друг! Я уверен, что справлюсь. Я всю войну жалел, что не знаю в совершенстве немецкий...

- Брось ты это! Директор не разрешит...

- Разрешит, обязательно разрешит...

Почувствовав, несмотря на рассерженный тон, что оборона Константа слабеет, Евгений атаковал друга с новой силой. Сам он все пуще загорался своей смелой, может быть, чересчур смелой идеей, но именно такие небывало дерзкие приключения любил он больше всего.

Осторожный, осмотрительный, не любящий лишнего риска Константа Домбровский сдался только на следующий день. И еще через день пришло разрешение Центра со всеми необходимыми инструкциями "Директора". К этому времени Евгений успел уже хорошенько продумать свой план...

4. Скорпион жалит самого себя

"Дора" - это концлагерь, расположенный у самого подножия мрачной горы Конштайн, километрах в четырех от городка Нордхаузен.

"Дора" - это сто пятьдесят бараков основного концлагеря, через которые прошли сто двадцать тысяч рабов, говорящих почти на двух десятках языков.

"Дора" - это дьявольский гипноз страха, постоянный гнет несносной тоски, неотступная как тень близость смерти.

"Дора" - это сто двадцать тысяч "гехаймтрегер" - "носителей тайны".

"Дора" - это большая тюрьма и крематорий с двумя мощными печами.

"Дора" - это кладбище с полуметровым слоем пепла и обугленных человеческих костей. Тайна умерла с ними. Так

думали гестаповцы.

"Дора" - это последнее, что видели десятки тысяч рабов рейха, прежде чем навсегда исчезнуть в потемках горы Конштайн.

Ночью, вскоре после отбоя, на крытых соломой нарах третьего яруса собрались подпольщики концлагеря "Дора Миттельбау". Вокруг незаметно разместились дозорные.

- Товарищи! - тихо начал Старшой. - Прежде всего почтим память наших казненных подпольщиков минутой молчания. Вставать не надо - негде. Помянем и сорок тысяч наших товарищей, которые уже погибли в подземном заводе...

Помолчав, чтобы переводчики успели перевести его слова немцам, французам, полякам, чехам, Старшой прочистил горло и снова заговорил:

- Друзья! Зверская расправа наци над нашими братьями ни у кого из нас не вызывает удивления. Чуя свой конец, фашисты окончательно теряют голову от страха и сатанеют. Доказательство тому - убийство дочери короля Италии Виктора Эммануила принцессы Мафальды, жены принца Филиппа Гессенского, в Бухенвальде. Это, конечно, акт мести за переход итальянского короля на сторону союзников... Еще одно сообщение. Не все, наверное, из вас знают, что комендант нашего лагеря Кох изобличен как вор эсэсовским трибуналом под председательством СС-группенфюрера принца Вальдека. Сначала его хотели послать в эсэсовский штрафной батальон на русском фронте, но Вальдек взял да расстрелял его. Возможно, Кох поплатился за наш саботаж. Возможно, это убийство призвано похоронить кое-какие тайны СС, этого черного ордена палачей. Как бы то ни было, скорпион жалит самого себя!

По нарам пробежал приглушенный взволнованный разноязыкий говорок.

- Наши товарищи антифашисты умерли в "Доре" как герои, спасая сотни и сотни человеческих жизней. Мы отомстим за них. Но ракеты все еще взрываются в Англии и Бельгии, сея кровавый урожай. Тысячи убитых, десятки тысяч тяжело раненных... Помните: сегодня на этом адском предприятии работают две с половиной тысячи служащих, пять тысяч немецких рабочих, пятнадцать тысяч узников, и почти все узники хотят бороться с Гитлером. А мы? Что делаем мы? Фон Браун довел производство ракет до шестисот в месяц, но многие из них благодаря вашим усилиям, товарищи, никогда не долетят до цели. Это прекрасно, это равнозначно сражению, выигранному на фронте, но мы использовали еще не все возможности. Но, к сожалению, не во всех цехах сумели мы пока наладить саботаж. Еще плохо охвачены наши товарищи в соседних концлагерях "Эрлих" и

"Гарцунг". Мы еще не охватили как следует новичков-остарбайтеров: татар, киргизов, евреев... Не все делаем мы, чтобы задержать производство этого оружия. Однако за последние несколько дней нам повезло: мы получили самую квалифицированную научно-техническую консультацию. Неоценимые сведения о конструкции и производстве ракет дал нам один немецкий товарищ. По понятным причинам я не стану называть его фамилию и номер, но скажу, что наше руководство сделает все, чтобы сохранить ел\у жизнь до прихода союзных войск. Благодаря немецкому другу у нас открываются совершенно новые возможности. Слушайте и запоминайте! Наш немецкий друг подсказал нам новые эффективные способы саботажа во всех системах ракеты. Ракета "Фау-2" - сложнейший механизм. В нем пятьдесят тысяч деталей. Пятьдесят тысяч возможностей для саботажа. Ракеты должны взрываться и падать "по неизвестным причинам" при запуске, из-за неполадок в системе включения, пожара в сопловой части, отказа электрогидравлической системы рулей, дефектов трубонасосного агрегата, выхода из строя интегратора ускорения и системы управления по радио. Самое больное место в гитлеровской программе "Фау-2" сейчас - это жидкий кислород. Без него ракеты не взлетят с земли. А немцы уже потеряли свои подземные заводы в Льеже и Саарской области, в Вит-рингене. Для заправки одной ракеты необходимо почти пять тонн. За счет естественного испарения жидкого кислорода немцы теряют почти половину его на пути от завода до ракеты. А наши "пленяги" работают и па кислородных заводах, обслуживают они и железнодорожные цистерны. Мы должны связаться с иностранными рабочими, с земляками всюду, где только можно. Надо изо всех наших сил ударить по этой ахиллесовой пяте гитлеровских ракетчиков!..

- Правильно! - поддержали Старшого из темноты. - Те, кто готовит новый побег, попадут, возможно, к партизанам. Так пусть они партизан нацелят на кислородные заводы, поезда с цистернами...

- В Польше, - продолжал Старшой, - партизаны уже уничтожили несколько пяти- и восьмитонных автоцистерн и целый эшелон сорокавосьмитонных цистерн с жидким кислородом. Посчитайте-ка, сколько ракет не взлетит! А если партизаны будут действовать не вслепую, а будут специально охотиться за ракетным горючим? Очень важно также всюду, где только можно, взрывать, сжигать спиртовые заводы - семидесятипроцентный свекловичный спирт тоже стал дефицитным в "третьем рейхе". Весь запас сахара и свеклы целиком пущен на производство спирта для ракет!

- Эх, если бы сообщить все эти данные нашим за фронт! - по-русски проговорил с тяжким вздохом кто-то неразличимый в темноте. - Вот тогда бы можно было и партизан и авиацию нашу нацелить, и союзникам объекты указать!

- Мы делаем все для того, чтобы ускорить побег,- взял слово Седой. - Но многое, сами понимаете, зависит от случая. Необходимо использовать каждую щелочку, каждую возможность побега или отправки из концлагеря "Дора".

...Вернувшись в Берлин из ставки фюрера, рейхсминистр доктор Геббельс опубликовал в "Фолькише-беобахтер" следующее зловещее заявление: "Фюрер и я, склонившись над крупномасштабной картой Лондона, отметили квадраты с наиболее стоящими целями. В Лондоне на узком пространстве живет вдвое больше людей, чем в Берлине. Я знаю, что это значит... В Лондоне вот уже три с половиной года не было воздушных тревог. Представьте, какое это будет ужасное пробуждение!.."

Последний самолет-снаряд "Фау-1", запущенный с французской территории, упал на Англию 1 сентября 1944 года. Седьмого сентября английский министр Дункан Сэндис, зять Черчилля и известный специалист по ракетам, заявил, что войну против "Фау-1" можно считать оконченной. Увы, он поспешил: 8 сентября немцы запустили из Голландии первую ракету "Фау-2"...

...Едва бредут кацетники в лагерь после нескончаемо длинного рабочего дня, но Седой, старый немецкий коммунист, человек непреклонного упорства, идя в ногу со Старшим, тихо говорит:

- Доктор Гюнтер Лейтер может быть полезен нам: он работал у главного конструктора этих ракет - у самого фон Брауна. Постарайтесь сблизиться с ним. Он из нашего блока.

Вернер фон Браун! Старшой уже не раз видел этого надменного пруссака, сына экс-рейхсминистра, в цехах подземного завода. Лет тридцать с небольшим. Типично тевтонская внешность - высокий рост, светлые волосы, светло-голубые глаза как льдинки, крутой лоб в одну линию с носом и массивным подбородком. Он появлялся то в штатском сером двубортном костюме, элегантном пальто и шляпе, то в форме штурмбаннфюрера СС с пожалованным ему Гитлером Рыцарским крестом с мечами в разрезе воротника. Его называли "ракетным бароном"...

- Я устрою вам с Лейтером место в углу. Если нужно, достану карандаш и бумагу. Записывайте все шифром. Шифр придумайте сами...

И вот вторую ночь подряд тихо разговаривают на нарах

третьего яруса, в углу, Старшой - советский инженер и Лейтер - инженер-немец...

- Это великое изобретение со временем изменит судьбу человечества! - с жаром шептал немецкий ученый. - Еще более великое, чем колесо и винт, ибо ракеты откроют человеку дорогу в космос!

Старшой блеснул в полутьме глазами.

- И вы приписываете это изобретение Брауну? - возразил он запальчиво. Да у нас еще народоволец Николай Кибальчич... А Циолковский? Еще в 1903 году...

- ...он написал "Исследование мировых пространств реактивными приборами", - перебил Лейтер. - Знаю. Научно-технические достижения нашего ракетного института, - говорил тоном лектора доктор Гюнтер Лейтер, совершенно напрасно приписывают одному Вернеру фон Брауну. Пожалуй, он самый честолюбивый и беспринципный из множества наших ученых, инженеров и техников, уже много лет занимающихся ракетами. И только. В Аугсбурге, центре нашего самолетостроения, мне однажды показали современный дизельный двигатель, равный по мощности чуть ли не всей коннице Чингисхана, по крайней мере почти десяти тысячам коням, рядом с первым мотором Рудольфа Дизеля. У Дизеля было множество соавторов. То же надо сказать о большинстве современных больших технических открытий. О вашем Циолковском мне рассказал еще наш главный теоретик, профессор Оберт, в двадцатых годах.

- Когда вы серьезно занялись ракетами?

- О полете к звездам люди мечтали во все века. Китайцы в незапамятные времена запускали пороховые ракеты. Космических прожектеров у нас, немцев, всегда хватало. Я еще в двадцать девятом чуть не взорвал себя пороховой "хлопушкой". Опель, наш Форд, пытался приспособить ракету к автомобилю, мечтал о ракетоплане. Всерьез мы приступили к работе над ракетами в тридцать втором году. Было это на полигоне Кюммерсдорфе, в двадцати пяти километрах от Берлина. Там впервые запустили мы ракету на жидком топливе. Помню, как взмыла она над елками и соснами, за которыми мы прятались. Наш первенец походил с виду на грушу и был сделан из серебристо-серого алюминия. Уже тогда мы пробовали разные смеси жидкого кислорода и семидесятипроцентного этилового спирта. Я работал тогда с инженером Риделем, великим ракетным энтузиастом. Кстати, подобно мне, он отказался от лестного предложения СС-рейхсфюрера нацепить эсэсовские руны и фуражку с мертвой головой. За это он поплатился не свободой, как я, а головой, попав в "таинственную" автомобильную катастрофу. Какая-то

бешено мчавшаяся встречная машина пошла вдруг на таран, прямо в лоб на автомобиль Риделя. "Таинственная" машина умчалась в неизвестность, полиция почему-то прекратила следствие. Все кануло в гиммлеровский "мрак и туман"...

- Так вы говорите, что заправляли ракету жидким кислородом?..

- ...и этиловым спиртом. Ридель командовал запуском, а Браун поджигал смесь особой бензиновой зажигалкой на длинной ручке. Ему было тогда около двадцати, и все звали его Студентом... Помню, как он кичился тем, что Брауны стали богемскими баронами еще в конце семнадцатого века, владели замком, некогда принадлежавшим тевтонскому рыцарскому ордену. Когда этот сынок рейхсминистра приезжает в подземный завод, я стараюсь не попасть ему на глаза. Впрочем, он никогда не смотрит людям в лицо. Зато старшим по званию этот великогерманский барон умеет нравиться. К нашему шефу - генералу Дорнбергеру, этот сынок министра и члена правления Рейхсбанка, сразу вошел в доверие.

Надо сказать, что он с огромной энергией восполнял пробелы в своем образовании. Как губка, впитывал каждое слово Риделя. Уже тогда мне казалось, что к своим звездам он пройдет, если надо, по трупам. Он безусловно причастен к аресту своего учителя - ракетчика Рудольфа Небеля, которого упрятали в концлагерь за связь с евреем Эйнштейном... В СС он вступил еще в тридцать третьем. Везло ему поразительно; он всегда каким-то чудом уходил от опасности. Раз доктор Вамке и двое его помощников взорвались, испытывая смесь перекиси водорода и спирта. Но Брауна и не поцарапало...

- Когда вы начали работать над "Фау-2"?

- Название "Фау-2" - это выдумка доктора Геббельса. "Фау" - первая буква слова "Фергельтунгс-ваффе"...

"Оружие возмездия", - мысленно перевел Старшой.

- А цифра 2 привязывает наши ракеты к самолетам-снарядам "Фау-1", к которым наш институт не имел никакого отношения. Мы же назвали наши управляемые на расстоянии баллистические жидкостные ракеты "агрегатами" - от "А-1" до "А-4". Последний из них и назвали "Фау-2" наши пропагандисты.

- Но мы отклоняемся!.. - нетерпеливо произнес Старшой.

- Когда Гитлер пришел к власти, - продолжал доктор Лейтер, - я сразу почувствовал, что новое правительство поддержит работу над ракетами. Только об этом я тогда и думал и радовался новому размаху. И со мной трагически радовались даже мои знакомые евреи - инженеры и ученые нашей военно-инженерной службы, такие же слепцы, как и я. Мы не замечали зверств

Гитлера в Германии, не сознавали, что куем этому ироду страшное оружие. Увы, мы жили только нашей работой, как живет одной работой осел, с завязанными глазами крутящий мельницу. А дела у нас шли неплохо. Уже в конце тридцать четвертого мы запустили с острова в Северном море две первые "А-2" на высоту около двух километров. Генерал Вернер фон Фрич, тогдашний командующий сухопутными войсками, стал нашим патроном. Но в тридцать восьмом Гиммлер и Гейдрих разыграли новый акт в драматической борьбе за контроль над вооруженными силами: они добились смещения Фрича, ложно обвинив генерала в противоестественной симпатии к юношам. Нового патрона мы нашли в лице генерала Кессельринга, шефа самолетостроения, подполковника фон Рихтгофена, племянника первого аса кайзера барона фон Рихтгофена. Эти влиятельные покровители и обеспечили строительство ракетно-испытательной базы в Пенемюнде. Место для базы подобрал Браун. Из соображений секретности Браун и выбрал почти необитаемый мыс острова Узедом, где бродили в лесах померанские олени да плескались в лесных озерах дикие лебеди. В тридцать шестом году мы построили базу, провели к ней ветку железной дороги. Боюсь, что гестапо прочесало все деревни в округе и бросило за решетку неблагонадежных. Но об этом я тогда не думал...

...Через три дня, шагая со Старшим в строю по дороге на подземный завод, Седой взволнованно прошептал:

- По решению нашего комитета вы и еще одиннадцать подпольщиков сегодня же уедете из "Доры"! Фон Браун срочно отправляет партию ракет в Пекемюнде. С эшелоном поедет команда кацетников для использования их на этой ракетной базе. С помощью блокшрайбера, писаря-поляка, нам удалось просунуть в эту команду двенадцать наших людей... Действуйте смотря по обстоятельствам!.. Прежде всего постарайтесь связаться с организованным подпольем, если оно имеется у них там, а нет - с надежными людьми. Мир должен знать тайну "Доры" и Нордхаузена. Люди должны знать о преступлениях Брауна и его банды. Тогда и умереть можно спокойно...

5. Полет Икара

Вот уже два месяца жил человек No 15654, в прошлом капитан Владлен Новиков, заместитель флаг-штурмана гвардейской истребительной дивизии, а ныне член подпольного комитета концлагеря, одной-единственной надеждой. И с каждым днем все больше таяла эта надежда. Таяла вместе с силами человека No 15654. А кроме него, никто из подпольщиков не мог привести в исполнение дерзкий план, предложенный самим Новиковым. По утрам он просыпался со страхом: не слишком ли

он ослаб за ночь, не заболел ли? Если бы речь шла о спасении только его жизни, он бы уже, наверное, давно отказался от своего плана. Но как он мог подвести товарищей по подполью, которые вот уже три недели, подкармливая его, отрезали кусочки от своих хлебных паек!

В то утро, 6 ноября 1944 года, человеку под номером 15654 на редкость повезло. Сразу после скудного завтрака на рассвете - эрзац-кофе и пайка формового армейского хлеба - всю команду посадили на огромный тупоносый "бюссинг" и повезли на северо-запад по бетонке, проложенной вдоль тупиковой железнодорожной ветки в сосновом бору. Новиков уже давно знал, что к юго-востоку тянется "малоинтересная" половина острова и запретной зоны "Пенемюнде с деревнями Зиновиц и Кемпин, паромом у Вольгаста, подковообразными дюнами и согнутыми ветром соснами. Но сразу за кирпичными казармами у деревни Трассенхайде начиналась "интересная" часть зоны.

Сегодня Новикову не нужно было тратить силы на восьмикилометровый пеший поход от барака к аэродрому. Сегодня его везли за казенный, немецкий счет. И потому он устроился в углу у заднего борта и крутил головой, примечая все, что можно приметить. На первый взгляд кругом видны только развалины, но Новиков знает: в этих развалинах, оставленных после бомбежек ради маскировки, вовсю кипит работа. Почти рядом с поселком Трассенхайде и городком строителей стояли казармы. В казармах по-прежнему полно войск, около четырех тысяч солдат. Дальше - шлагбаумы эсэсовского контрольно-пропускного пункта, беспрепятственно пропускающего сначала трехосный "мейллерваген" - ракетный транспортер, а за ними - грузовик с "хефтлингами" в полосатых арестантских костюмах. За бараками Карлсхагена тянется военный городок с закамуфлированными корпусами производственных мастерских сектора "Пенемюнде-Зюйд". В полутора-двух километрах к западу от этих корпусов, словно в научно-фантастическом фильме по роману Герберта Уэллса, возвышаются оливково-зеленые обелиски высотой почти в пятнадцать метров. Но если посмотришь внимательнее, то увидишь, что это вовсе не обелиски, а чудовищные остроконечные цилиндры - сверхмощные ракеты. Новиков знает: из-за этих секретных "обелисков" все военнопленные в "мертвой зоне" Пенемюнде обречены на уничтожение, все они смертники. И смерть их тем ближе, чем ближе к границам Германии союзные войска, несущие освобождение другим узникам неметчины.

Неподалеку от частокола зеленых ракет, издали похожих на огромные сталагмиты, тянется длинный голубой корпус

кислородного завода. За ним виднеются островерхие черепичные крыши деревни Пенемюнде с высоким шпилем кирки.

Еще полтора километра, и "бюссинг", ревя дизелем, въезжает в сектор производственно-сборочных мастерских "Пенемюнде-Ост", мрачно окрашенных камуфляжной краской. Сразу же за железнодорожным тупиком справа высятся зеленые вышки обслуживания экспериментальных стендовых ракет, а за ними - на северном мысе острова - площадки, или столы, для запуска "Фау-2". Слева на фоне шеститрубной электростанции простирается аэродром, оборудованный по последнему слову техники, со взлетно-посадочными и рулежными дорожками, приземистыми ангарами и остекленной вышкой управления полетами. По краям рабочей площадки аэродрома, словно на параде, стоят бомбардировщики "Хейнкель-111", одномоторные истребители "Мессершмитт-109" и двухмоторные "Мессершмитт-110".

Новиков, затаив дыхание, бросил взгляд на ближайшую рулежную дорожку: так и есть, почти к краю взлетно-посадочной полосы уже вырулил заветный одноместный "Мессершмитт-109" со знаками "5К+СМ". Только вместо плюса черный крест с желтыми обводами на клепаном алюминии узкого фюзеляжа. Новиков знал, что на этом истребителе-перехватчике за пять-десять минут до запуска баллистической ракеты "Фау-2" всегда взлетает СС-гауптштурмфюрер доктор Штейнер, чтобы проследить в воздухе на разных высотах за полетом ракеты. Штейнер - один из ближайших помощников Вернера фон Брауна, главного конструктора сверхсекретного Пенемюндского ракетно-исследовательского института.

Новиков придирчиво оглядел небо: запуски ракет в Пенемюнде производились только в летную погоду. Сквозь высокие облака, быстро плывшие через Померанскую бухту, все ярче проглядывало солнце. В поднебесье, отключив реактивный двигатель, со свистом описывал мертвую петлю новейший самолет люфтваффе - "Ме-262", названный немцами "королем истребителей". Владлен снова глянул в сторону "стодевятки" со знаками "5К + СМ", с черно-желтой свастикой на вертикальном стабилизаторе. Мотор "стодевятки" уже расчехлен, а плексигласовый фонарь как будто пуст... Успех дерзновенного плана зависел от множества неизвестных величин. И первая из них - успеет ли Новиков занять вовремя исходное положение. Весь расчет на пунктуальность аккуратистов-немцев. Какая жалость, что у самого Новикова нет часов! Подпольщики уже было договорились с фрицем-охранником сменять золотую коронку на паршивенький штампованный "цилиндр", но фриц

обманул: коронку прикарманил, а вместо часов ткнул "меняле" кованым прикладом в зубы.

Новиков переглядывается с друзьями-подпольщиками, пытается ободряюще улыбнуться им, но пересохшие от волнения губы прыгают, улыбки не получается. Старшой - седой инженер-подполковник, руководитель двенадцати, человек No9919, прошедший сквозь ад пяти лагерей смерти, - отвечает спокойным, уверенным взглядом. И спокойствие и уверенность деланные, из последних сил вымученные. Старшой один из двенадцати побывал на секретном авиазаводе "Дора" в Южном Гарце, там, где немцы производили основные части ракет "Фау-2", он многое увидел и запомнил в туннеле, вырубленном в неприступной с воздуха каменной горе, в мрачном чреве которой, как в каком-то жутком фантастическом романе, трудились во славу фон Брауна и "третьего рейха" безымянные морлоки в полосатой одежде.

Новиков привычным жестом ощупал подшитые к изнанке брюк тонкие листки бумаги, вместившие многие сведения о "Доре" и о Пенемюнде. Старшой сам изложил важнейшие тайны фон Брауна на бумажных салфетках, украденных в офицерском казино. Салфетки мягкие, не прощупываются на ощупь.

"Бюссинг" остановился резко, как вкопанный, словно водитель-немец желал подчеркнуть этим свое презрение к полосатым "хефтлингам" и полное свое нежелание церемониться с этими "доходягами".

Новикову везет: баулейтер - начальник работ - приказывает аэродромной команде засыпать воронки на взлетной полосе, воронки после вчерашней бомбежки. Немцы в Пенемюнде, судя по всем признакам, готовятся к запуску очередной гигантской ракеты. Еще из кузова "бюссинга" Новиков видел суетившихся техников с цейсовокими биноклями, наблюдателей с десятикратными перископами и стереотрубами, кинооператоров, инженеров фирмы "Симменс и Шуккерт", ракетчиков, электриков, телефонистов и радистов, пожарников и санитаров. По веренице черных "мерседесов" видно было, что прибыло какое-то важное начальство: фары у машин желтые, номера двух- и трехцифирные!.. Десятки, сотни разномундирных офицеров в белых халатах толпились на крышах всех зданий вокруг. Мощные динамики выкрикивали гортанные команды.

Столько недель мучительного ожидания, целых два месяца подготовки, истрепавшей нервы, а теперь все должно свершиться за считанные минуты.

Гауптштурмфюрер Штейнер со всегдашней точностью подъехал на своем черном "опель-капитане" к рулежной дорожке и жестом отпустил водителя-эсэсмана. Как всегда, он был в

шлеме, летном комбинезоне из коричневой кожи, как всегда, точно размеренным шагом зашагал по бетону рулежной дорожки, затем, тоже как всегда, круто повернул направо, сошел с рулежной дорожки, направляясь к небольшому бетонному строению с надписью "Нюр фюр Официрен" - "Только для офицеров".

В эту минуту решалось все. Старшой и трое других подпольщиков затеяли драку, отвлекая внимание конвоира. Новиков пошел с лопатой к офицерской уборной.

Никто на аэродроме не заметил, как он проскользнул в уборную и прикрыл за собой дверь. Никто не услышал звука от удара лопатой по голове гауптштурмфюрера. Минут через пять, а может и меньше, из уборной вышел человек в летном комбинезоне. Лицо его наполовину скрывали очки летного шлемофона. На боку поблескивал лакированный планшет. Пожалуй, только Старшой и его товарищи видели, как Новиков сделал шагов десять и вдруг остановился, повернулся и вновь зашагал в уборную. Старшой и его друзья-подпольщики переглянулись в недоумении, растерянности и страхе. Что случилось? Почему Новиков вернулся, рискуя обратить на себя внимание, теряя драгоценные минуты?

Впопыхах сбросив полосатые штаны, Новиков забыл в них пакет со сведениями. Спохватившись, он в первое мгновение не захотел возвращаться: главное, спастись самому! Но нет, он вернулся, потому что не спасение было главным для него, для двенадцати.

Сунув мягкий пакет в карман комбинезона и запихав полосатую форму в угол за урну, Новиков вышел из уборной, зашагал деревянной походкой к стоянке самолета Штейнера. Он не старался подражать Штейнеру: просто ботинки Штейнера оказались на два-три размера меньше размера ног Новикова. Этого никто не предусмотрел...

Второй этап: взлет. Надо проследить, чтобы никто не помешал. Новиков сам выбил колодки из-под колес шасси, подставил стремянку, приподнял плексигласовый фонарь... И вот он в кабине. Сон? Нет, это не сон! Вон незнакомые немецкие таблички на полукруглом приборном щитке! Но сами приборы, рычажки и разноцветные кнопки в общем знакомы. Он изучал их год назад по плакатам и схеме. Последние два месяца он восстановил схему приборного щитка и инструкцию по памяти. А вдруг этот "мессер" не простой, а модернизированный, с разными изменениями и усовершенствованиями?..

Словно по клавишам рояля, пробежал он огрубевшими в лагере пальцами по приборному щитку. Как будто все в порядке:

прогретый мотор включился сразу, как только он нажал на стартер, стрелки контрольных приборов показывают, что самолет заправлен топливом и смазкой. Вот оно когда пригодилось, знание боевой техники врага!.. Но одно дело - расположение приборов и арматуры, другое - пилотирование...

Сердце стучало со скоростью скорострельного пулемета. Как и мотор, сердце работало на максимальных оборотах. Трехлопастный винт превратился в мерцающий диск с радужным полунимбом над носом самолета. Отпустить сразу тормоза, дать газ... Боковым зрением Новиков видел, как бегут, мельтешат какие-то серые фигурки, но ему было не до них... По-бычьи наклонив нос, "мессер" вырвался на взлетную полосу, помчался, набирая скорость, задрав навстречу ветру хвостовое оперение, едва не скапотировал... Чтобы ускорить взлет, надо поставить крылышки под углом в 15 градусов. Теперь темные смазанные фигурки побежали обратно, пропадали, словно их сдувало ветром. Вцепившиеся в штурвал и секторы газа руки Новикова побелели от напряжения.

Вот, капитан Новиков, твой сто семьдесят первый боевой вылет! Раз-два-три - с треском подскочила машина, падая на колеса шасси, чуть не цепляя землю концами крыльев. Скорость - 150 километров в час. Полный газ! Нос приподнялся... 170 километров... Самолет послушно и легко, как в сказке, отделился от земли... 200 километров в час... Новиков всем своим существом почувствовал, что оторвался от земли, что летит!..

Внизу промелькнули седые дюны, пляж, вылизанный пенистым прибоем, протянулась свинцовая морская гладь с белыми барашками. На глаза набежали слезы. Новиков еще раз нащупал пакет в кармане. А потом, действуя согласно разработанному со Старшим плану, заложил резкий вираж в облаках и лег на обратный курс. Серая пелена словно ватой обложила стекла кабины.

Старшой так рассудил: "За тобой, Владлен, погонятся, решат, что ты в нейтральную Швецию махнул, ведь до Швеции, до Мальмо, всего ничего каких-нибудь сто тридцать километров, а ты дуй сразу обратно и держи курс на восток или еще лучше на юго-восток, чтобы через Восточную Пруссию не лететь. В Швеции, сам понимаешь, еще неизвестно, в чьи руки наши сведения о "фау" попадут. До наших, правда, с этого чертова острова куда дальше - километров так с полтысячи..."

И Новиков, отказавшись от сравнительно легкого перелета в Швецию, полетел по заранее избранному курсу Свинемюнде - Штеттин - Шнайдемюль Варшава...

Он все еще пел что-то, ликуя и плача, когда справа по борту

его "мессера", там, где едва виднелся в прорехе густого облака красный каменный собор в Вольгасте, вдруг ослепительно засияло и вверх взмыла громада размером с башню собора... Совсем забыл Новиков, что в ту самую минуту, когда он пел в воздухе, внизу немцы готовились запустить ракету.

Стоя на крыше железобетонного наблюдательного пункта, генерал Вальтер Дорнбергер подал команду, и группа канониров начала обратный минутный отсчет, передававшийся по громкоговорящей связи.

"Икс минус драй... Икс минус цвай... Икс минус айн!.."

Генерал Дорнбергер стоял рядом с главным инженером-конструктором Вернером фон Брауном. Два года назад, в октябре 1942 года, они были свидетелями запуска первых ракет "Фау-2", которые тогда назывались "А-4". Десять лет в обстановке чрезвычайной секретности готовил "мозговой трест" ученых "третьего рейха" это грозное оружие.

Дугой взвилась дымно-зеленая сигнальная ракета: до запуска осталось десять секунд. На ракетенфлюг-плац все готово...

- Подать напряжение на борт!.. Ключ на пуск!.. Пуск!.. Малая ступень!.. Главная ступень!..

В бункере оператор нажимает на черную кнопку посреди приборного пульта. Из-под четырех "плавников" стабилизатора ракеты вырывается облако дыма, затем дождь огненных искр, и вот в бетонную площадку под ракетой ударяет мощный смерч раскаленного багрово-желтого газа. В воздух летят обрывки каких-то проводов, куски дерна. Медленно, натужно поднимается многометровая громада весом в двенадцать с половиной тонн. Ее огненное чрево пожирает 125 литров спирта и кислорода в секунду. Из дыма, слепящего пламени и пыли взвивается она по вертикали в поднебесье. Раскат грома прокатывается над островом и замирает над Балтийским морем. На крыльях шестисот пятидесяти тысяч лошадиных сил умчалась ракета в небо, унося за собой огненный хвост.

Она-то и пронеслась ревущим метеором мимо Новикова, отшвырнув "мессер" воздушной волной... Где-то там, на немыслимой высоте в сотню километров, это знал Новиков - автоматически управляемая ракета выйдет за пределы земной атмосферы и, развив неслыханную скорость в 4500 километров в час, пролетит почти двести километров, а потом, сбавив свою сумасшедшую скорость, ударит о землю с силой, равной силе удара о каменную стену полусотни стотонных локомотивов, несущихся со скоростью девяносто километров в час.

Вот уже второй год взлетали эти ракеты из Пенемюнде, падая в море или в заповедный лес. Сначала это были

экспериментальные ракеты, а теперь уже второй месяц гитлеровские ракетные войска бомбардируют ракетами "Фау-2" Лондон и Южную Англию.

Новиков напряженно приглядывается к рычагам управления и приборам - в первый раз пилотирует он "мессер", хотя впервые побывал он в кабине "мессера" целых семь лет назад, в 1937 году, под Малагой. Это был первый сбитый им самолет, и сбил он его в небе Испании. Эх, если бы тогда провел он больше времени в кабине "мессера"! Куда увереннее чувствовал бы он себя сейчас. Хотя тот "мессер" был из гитлеровского воздушного легиона "Кондор" "Ме-109В", а этот - "Ме-109Е", что означает, что машина уже трижды модернизировалась.

Самолет то заваливается, задирая нос, то скользит с крыла на крыло. Крупные градины пота выступают на широком лбу Новикова с глубокой поперечной морщиной, все сильнее, будто в лихорадке, дрожат исхудавшие в плену, ослабевшие руки.

Спокойно, Владлен, спокойно! В каких только переделках не бывал ты! Правда, в таких вот не бывал...

Справа, в прогалине среди клубящихся облаков, пролетело на север звено "Ме-110". Еще ближе, почти встречным курсом, пронесся "дорнье" с эскортом из двух "фокке-вулъфов". Немецкие летчики не обратили никакого внимания на "стодевятку". Значит, приняли за своего; значит, снизу еще не объявили тревогу по радио, не приказали перехватить угнанный Новиковым самолет, хотя уже наверняка обнаружили, что связи со Штейнером нет... Один "фокке-вульф" даже приветственно помахал Новикову крыльями с черными крестами люфтваффе. Облегченно переведя дух, Новиков смахнул пот со лба, вновь уставился на приборы. Он даже усмехнулся краем рта: ну выручай, профессор Вилли Мессершмитт!

Ровно, басовито гудел мотор "драймлер-бенц" мощностью в одну тысячу сто лошадиных сил. Высотомер показывал три тысячи метров. Скорость почти максимальная - около пятисот километров в час.

Снова справа по борту промелькнула хищная тень "фокке-вульфа-190". Пожалуй, здесь пролегает трасса... Новиков стал осторожно снижаться, ложась на левое крыло. Из темно-зеленого крыла торчит дуло пушки, но Новиков знает: если дойдет до боя, он не сможет отбиться. Во-первых, ему не известно, заряжены ли две 20-миллиметровые пушки, установленные на крыльях, и два пулемета, а во-вторых, он не умеет стрелять из них.

Он еще раз нащупал тоненькую пачку бумаги в кармане комбинезона. Пакет с важными сведениями о секретных ракетах "Фау-2". Сведениями, по крупице собранными группой

пенемюндских подпольщиков - русскими, поляками, чехами. И этим замечательным человеком - Старшим.

- Не забудь, Владлен, прихватить планшет Штей-нера, - инструктировал его прошлой ночью Старшой. - В нем могут оказаться ценные документы. Да и полетная карта тебе пригодится!

Что в планшете Штейнера? Новиков быстро положил планшет на колени, отстегнул никелированные кнопки. Полетная карта, но карта не простая: на ней помечены секретные объекты Пенемюнде! А это что за тетрадь? Бортжурнал! Бортжурнал Штейнера, до половины исписанный аккуратным почерком. Даты, даты... Август 1944-го, сентябрь, октябрь... Какие-то математические расчеты, формулы, колонки цифр, траектории, параболы... Не иначе как данные об испытании ракет!.. Интересно, очнулся уже или нет автор этих записей, гауптштурмфюрер СС Штейнер?

Новиков застегнул планшет. Да, благодаря Старшому, благодаря подпольщикам он летит из плена на Родину не с пустыми руками! Он приземлится где-нибудь за линией фронта, обнимет русских парней и скажет: "Примите, братья, боевой привет от подпольщиков из лагерей смерти, а также секретные гитлеровские документы и в придачу этот новейший "мессер"!.. Улыбка, тронувшая уголки губ, исчезла: Новиков вернулся мысленно к Старшому и другим друзьям-подпольщикам. Многие из них будут повешены, замучены гестаповцами, просто расстреляны за его угон "мессера". Остальные тоже обречены на смерть. Увидится ли он хоть с кем-нибудь из друзей, которых он обрел в аду?

С трудом отрываясь от этих горьких мыслей, он заставил себя вновь повторить основную информацию о ракете "Фау-2", которую он по требованию Старшого и подпольного комитета давно на всякий случай выучил наизусть: "Длина 12 метров, стартовый вес 12,6 тонны. Стальная боеголовка со взрывчаткой - одна тонна, горючее - этиловый спирт и кислород - 8,9 тонны. Максимальная (сверхзвуковая) скорость до 1600 мет-: ров в секунду, потолок 100 километров, дальность полета около 330 километров. Показатели экспериментальных образцов еще более высокие. Мощность двигателя до 650777 лошадиных сил. Скорость полета у цели вследствие сопротивления воздуха снижается до тысячи метров в секунду..."

До линии фронта осталось совсем немного, всего каких-нибудь двести пятьдесят - триста километров, минут сорок лета. Только бы передать документы. Тогда не зря старались подпольщики.

6. Из записей Старшого

"Сначала, - продолжал Лейтер, - запускали пробные ракеты с островка Грейфсвальде Ойе недалеко от Пенемюнде. Ракеты туда привозили на специальном пароме в огромных длинных темно-серых ящиках, похожих на гробы сказочных великанов. На те первые запуски нас собиралось около ста двадцати ученых и инженеров в белых халатах. Фон Браун ходил по островку с охотничьей двустволкой, постреливал фазанов, уток и зайцев и, видимо, мечтал о том времени, когда он сам станет одним из "золотых фазанов", то есть приобщится к генеральской элите.

- Были ли у вас уже тогда на ракете приборы, управляемые по радио с земли? - спросил Старшой.

- Да, на ракетах "А-2" мы устанавливали радиоаппаратуру, которая по сигналу с земли отключала топливный отсек и распускала тормозной парашют. Радио играло все большую роль в управлении ракетой. Помню, фон Браун, считавший, что мы лидируем в этой области, был потрясен, когда узнал, что русские применили в Харькове в ноябре сорок первого года управляемую по радио мину, причем ею был убит немецкий комендант и начальник гарнизона Харькова генерал Браун, кажется, его родственник из северо-прусских Браунов. А первый шок фон Браун испытал еще в июле сорок первого, когда нам сообщили, что "уничтоженная" армия "отсталой и невежественной" России 14 июля под Смоленском применила батарею реактивных минометов. Это были первые в мире ракетчики. Вермахт получил приказ во что бы то ни стало захватить "катюшу", но ваши ракетчики взрывались, а не сдавались... Наш абвер никак не мог заполучить у вас секреты ваших ракетостроителей, хотя мы знали, что и у вас строятся и испытываются ракеты...

Дорнбергер поставил нам задачу - вдвое перекрыть такие рекорды артиллерии: 600-миллиметровый "Карл" конструкции генерала Карла Беккера - мы использовали этого левиафана в обстреле Брест-Литовска, Севастополя и Сталинграда - выстреливал снаряд весом в две с половиной тонны на расстояние до пяти километров; "Большая Берта" или знаменитая "Парижская пушка" крупповская мортира времен первой мировой войны, выстреливала снаряд полегче - калибра 420 миллиметров - на сто двадцать километров. Наши ракеты должны были стать вдвое дальнобойнее сверхдальнобойной артиллерии, всех этих "Больших Берт", "Толстых Густавов" и "Длинных Максов", причем мы стремились, чтобы они были менее громоздкими, более маневренными, меткими и поднимали целую тонну взрывчатки. Строительство самой современной сверхзвуковой аэродинамической трубы ускорило нашу работу.

- Какие фирмы и заводы поставляли вам оборудование?

- В основном завод в Пенемюнде, авиационный завод "Граф Цеппелин" во Фридрихсгафене и "Ракс-верке" в Винер-Нейштадте, затем "Хельмут Вальтер", в Киле, заводы Крупна, разумеется, ну и позднее наша "Дора", конечно... После приезда к нам Гитлера число заводов увеличилось, дошло до восьмисот..."

7. Железный крест за собственный "мессер"

В эфире в тот час, пожалуй, ни один голос не звучал так взволнованно, почти истерично, как голос генерала, командующего авиабазой люфтваффе в Пенемюнде:

- Викинг Первый, Викинг Первый! Я Гроссмейстер, я Гроссмейстер! Видите ли вы самолет Штейнера? Где же он, черт вас возьми! На экране локатора вы почти рядом... Викинг Первый! Я обещаю вам "дубовые листья" к вашему Рыцарскому кресту, если вы заставите сесть этот "мессер" Штейнера или собьете его! Видите ли вы его, наконец?! Ваши точки почти сливаются. Сбавьте скорость!..

- Пока не вижу, но видимость улучшается...

- До фронта остается совсем немного. Если вы дадите ему уйти, я сорву ваши погоны, отправлю вас на фронт в штрафную роту. Слышите вы? Видите вы его?.. Видите?.. Викинг Первый, Викинг Первый!..

Стрелка компаса показывала строго на юго-восток. Позади остались города Штеттин, Штаргард, Шнайдемюль. Не слишком ли он забрался к западу, чтобы обмануть преследователей? Наверное, там за облаками справа по борту раскинулась Познань. На немецкой карте - Позен. Не пора ли ложиться на восточный курс, чтобы перелететь через Вислу, через фронт, южнее Варшавы?

В эту минуту и появился слева реактивный "мессер". Новиков узнал его по фюзеляжу с вытянутым, носом и по пламени, вырывавшемуся из сопла реактивного двигателя. "Ме-262" вынырнул из-за жидкого облака и, словно идя на таран, ракетой пронесся мимо раз, другой, сверху, снизу. Затем пилот реактивного "мессера" поравнялся с Новиковым и стал делать в фонаре какие-то энергичные знаки большим пальцем вниз. Видно, приказывал идти на посадку. Потом он погрозил Новикову кулаком, и Новиков понял: "Аллее капут!" Сделал бочку, полубочку, пошел в пике, стараясь укрыться в облаке. Он падал так быстро, что от головы отхлынула кровь, но он не мог уйти от реактивного "мессера". Этот "Ме-262" почти вдвое превосходил в скорости его "Ме-ГО9", развивая до тысячи километров в час!..

Немец сделал крутой разворот, чтобы атаковать Новикова на встречном курсе. Перед глазами мелькнуло желтое клепаное

брюхо "мессера". В плексигласовом фонаре "мессера" в одно мгновение появился ряд лучистых дырок. Из другого пулемета немец прострочил ему консоль. Сразу же громче, слышнее ворвался в кабину рев мотора. Со всех сторон самолет окутало облаком. Бешено крутилась стрелка альтиметра. Самолет быстро терял высоту, падая словно камень. Новиков резко отвел на себя ручку управления - самолет продолжал падать. Только тут ощутил Новиков тупую тяжесть в груди и левом плече. Левый глаз заплыл теплой кровью. Ноги напряглись в ожидании удара о землю. Но нет, до земли еще далеко... Считанные секунды оставались в его распоряжении. Ведь земля мчалась навстречу со скоростью почти полутысячи километров в час!

Спокойно, Владлен, спокойно! А то гробанешься, как рояль с крыши небоскреба!..

К запаху гидравлического масла прибавился удушливый запах дыма. Что-то горело. Наверно, ударил зажигательными, гад!..

Внизу он увидел землю - косо вздыбившийся темно-зеленый массив большого хвойного леса, крест-накрест изрезанный прямыми как стрелы просеками. Теперь главное - убрать скорость, выбрать место для вынужденной посадки.

Он не видел, как приземлился самолет, кое-как посаженный им на широкую просеку. "Мессер" срубил, точно топором, несколько сосенок, лишился крыльев и, сломав шасси, ударился о землю, заскользил, запрыгал по земле и наконец остановился, высоко задрав хвост. Не видел, как его противник дважды прокружил над ним и с торжествующим воем улетел на северо-запад, обратно в Пенемюнде.

Это видели две группы польских партизан. Одна из них, направлявшаяся на восток, проследив за ходом воздушного боя, возобновила путь. Командир ее группы поручник Казубский в недоумении проговорил:

- Первый раз вижу, чтобы фриц фрица сбивал! Просто загадка! Ну что ж, одним гитлеровским асом меньше, собаке собачья смерть!

Его заместитель, Богумил Исаевич, одетый в форму подпоручника, с польским орлом без короны на полевой конфедератке, повернулся к командиру:

- Может, пойдем посмотрим? Это недалеко отсюда...

- Напрасные хлопоты! От этого "мессера" одни обломки остались. Другое дело, кабы русский был... Пошли!..

На конфедератках и пилотках партизан этой группы был нашит зеленый треугольник с белыми буквами "АЛ" - "Армия Людова". Вооружены они были советскими и трофейными

немецкими автоматами.

Другая польская группа, направлявшаяся на запад, - она в предрассветный час пересекла лесную дорогу, где стоял столб с надписью "Рейхсгренце" "Граница рейха", вскоре вышла к просеке, на которой дымил упавший самолет с черным крестом на фюзеляже и свастикой на задранном кверху хвосте. Командир группы, майор Армии Крайовой, приказал своему заместителю, капитану, посмотреть, жив ли пилот. Когда капитан вытащил Новикова из самолета, раненый летчик застонал, открыл глаза, увидел над собой человека в четырехугольной конфедератке с четырьмя звездочками.

- Поляки? - спросил он слабым голосом по-русски. - Партизаны? Значит, не зря! Не зря!.. Возьмите... у меня... важные документы... Переправьте нашим за фронт. Это очень важно... Пенемюнде... "Фау-2"...

Капитан достал документы из кармана простреленного комбинезона. Залитые кровью записи на русском, немецком языках, чертежи ракет... Быстро взглянул на бортжурнал в планшете.

К капитану подошел майор с английским "стеной" на груди.

- Что-нибудь интересное, Серый? - спросил он по-польски.

- Пан майор! - воскликнул капитан. - Да это манна небесная! Полюбуйтесь: русский "полосатик" в комбинезоне немецкого летчика, а в кармане у него - секретнейшие документы Гитлера: чертежи ракеты "Фау-2"!

Впадая в беспамятство, Новиков тихо и заученно шептал:

- Длина двенадцать метров, стартовый вес... Стальная боеголовка со взрывчаткой - одна тонна, горючее - этиловый спирт и кислород...

Майор вырвал из рук капитана документы, глянул на подробный чертеж ракеты.

- Да это, это... здесь целое состояние! Это настоящий клад! - прошептал он, бледнея. - За этими данными давно и безуспешно охотится наш главный штаб!..

Вдали, на лесной дороге, послышался гул автомобильных моторов.

- Надо уходить! - сказал капитан. - Что делать с русским?

- Странный вопрос, капитан! - усмехнулся майор.

Расстегнув кобуру, он вытащил вороненый английский "уэбли", взвел курок и, почти не целясь, выстрелил в лоб Новикову.

- Огонь сделает остальное. Хлопам, Серый, об этом не надо говорить. У нас хватает неприятностей с этим быдлом. И о документах ни слова! За мной, капитан!

Майор снял полевую конфедератку - конфедератку с польским орлом с короной, вытер лоб тылом ладони.

Офицеры скрылись в густом сосняке. Через несколько минут взорвался бензобак. Ярко вспыхнул "мессер" на лесной просеке...

8. Из записей Старшого

"- Когда приезжал к вам Гитлер?

- В первый раз фюрер приехал в Кюммерсдорф в марте тридцать девятого. Словно из другого мира доходили до меня тогда слухи об оккупации Богемии и Моравии, о борьбе за Данциг и Мемель. Через неделю после триумфального вступления в Прагу фюрер прибыл в Свинемюнде и, поднявшись на борт крейсера "Дейчланд", объявил, что высадится только в Мемеле, отняв этот порт у Литвы. Литовцы сдали город, и фюрер выступил в городском театре бывшей Клайпеды перед ревущей от восторга толпой мемельских немцев... К нам Гитлер приехал вместе с новым командующим сухопутными силами будущим фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем и генералом Беккером, начальником управления вооружений вермахта. Заложив уши ватой, фюрер наблюдал за работой ракетного двигателя "А-3" и хранил бесстрастное молчание. Техническим гидом фюрера был, разумеется, Вернер фон Браун: он всегда умел поставить себя на самое видное место. Тогда впервые услышал Гитлер о будущей "Фау-2". Потом Гитлер обедал с нами. Ел этот вампир-вегетарианец, как всегда, овощи, запивая их своей любимой фахингенской минеральной водой. Его визит разочаровал нас: этот "гений" не понял, нег оценил даже чисто военные возможности наших ракет. Но Браун был на седьмом небе: его слушал, ему пожал руку сам фюрер и рейхсканцлер! Браухич, Геринг стояли за нас горой, в сентябре тридцать девятого они включили ракетостроение в число первоочередных задач военной науки и техники, но весной следующего года Гитлер вычеркнул нас из этого списка. По секрету от него наш шеф генерал Вальтер Дорнбергер сколотил штат в четыре тысячи человек для работы в Пенемюнде. За спиной фюрера ракетчики строили грозное оружие, а вокруг, нашей работы кипела невидимая борьба честолюбивых и беспринципных карьеристов вроде Гиммлера и Гейдриха, Геринга и Дорнбергера, борьба за власть над ракетами. Наш шеф генерал Беккер, типичный холерик, не выдержал этой борьбы и, поссорившись с Гитлером, пустил себе пулю в лоб. Но все больше "золотых фазанов" начинало понимать военную выгоду ракет по сравнению с бомбардировщиками. Помню, Дорнбергер приводил нам такие убедительные цифры: во время "битвы за Британию" люфтваффе теряли в среднем один бомбардировщик после пяти-шести

бомбежек Англии, то есть каждый бомбардировщик успевал сбросить от шести до восьми тонн бомб. Стоимость же бомбардировщика вместе с обученным экипажем определяется в 1 140000 рейхсмарок. А ракета "Фау-2", несущая тонну взрывчатки, стоит в тридцать раз меньше - всего 38000 рейхсмарок... Теперь, мой друг, я холодею при мысли, что я увлекался подобной абстрактной арифметикой, не видя за ней человеческого горя и крови, радовался тому, что 3 октября сорок второго мы запустили ракету на 192 километра!.."

9. Подпольная свадьба

В Пентеке, Шреде, Пыздрах, даже в Трескау и самом Позене Османский-отец и Османский-сын, оба Юзефы, подходили на базарах, в кавярнях и просто на улице к знакомым и незнакомым полякам и даже фольксдойче, городским и сельским, и таинственным шепотом спрашивали:

- Пан ничего не слышал нового о том английском самолете?

- О каком английском самолете, прошу пана? - удивлялись поляки.

- Как о каком! Езус Мария! Да о том, что немцы сбили севернее Бреслау! С целой группой английских разведчиков-коммандосов!

- Не может быть!

- Як бога кохам! Только один из них, радист, и спасся, успел выпрыгнуть из горящего самолета и раскрыть парашют. Гестаповцы его всюду ищут, и у нас под Познанью - пшепрашем, под Позеном, тоже ищут, да не могут никак найти. Значит, пан ничего нового не слышал?

В распространении этого слуха приняли участие и разведчики из группы Домбровского. Во время ночных встреч с верными поляками они осведомлялись:

- Про того английского радиста-разведчика, что спасся со сбитого самолета под Бреслау, ничего не слыхать?

Активная "посевная" дала такие обильные всходы, что даже главные сеятели слухов были поражены. Не прошло и недели, как на тех же базарах и в тех же кавярнях за чашкой "кавы" или стаканом "хербаты" незнакомые люди спрашивали Османского-отца:

- Разве пан ничего не слышал об английском радисте-разведчике? Он спрыгнул с подбитого двухмоторного "Дугласа". Его подобрала одна польская семья - бедняга сломал себе ногу. В бреду он говорил по-английски и немного по-польски. Эта семья спрятала его и выходила, так он подарил им свой огромный шелковый парашют. В группе коммандосов, говорят, были и наши поляки из армии Андерса, из этих самых мест, да все разбились.

Говорят, англичанин ищет связь с "аковцами", но не знает пароля. Пароль знал только командир, который тоже разбился. Уверяют, что он теперь перебрался сюда, под Позен. И тут его ищут по всей провинции Вартегау!..

- Так держать, пан Эугениуш! - сказал Евгению, довольно потирая руки, Констант. - Надо сделать так, чтобы не ты их искал, а они тебя искали.

Еще через неделю разведчики из группы Домбровского посеяли новый слух, на этот раз среди поляков со связями в Армии Крайовой:

- Английский радист-разведчик, капрал коммандосов, сбитый под Бреслау, присоединился к группе советских разведчиков, действующей под Познанью. Капрал живет с ними где-то в лесу и держит связь с Лондоном. Он надеется, что если кто-нибудь еще уцелел из его группы коммандосов, то его капрала можно будет отыскать по подпольным каналам.

- Но ведь этот слух дойдет не только до "аковцев", - все же беспокоился Констант, - но и до гестаповцев!..

Из Познани вскоре пришло донесение от одного из верных и деятельных поляков:

- Гестаповцы в познаньском штабе шефа СС и полиции СС - группенфюрера Райнефарта сначала переполошились, а теперь не придают никакого значения слухам об английском разведчике, хотя они арестовали нескольких поляков за распространение ложных слухов. Проверка показала, что никакого английского самолета под Бреслау в течение последних двух месяцев сбито не было. Установлено также, что в провинции Вартегау нет ни одной рации британской секретной службы, которая бы поддерживала связь с Лондоном. Зато функабвер и радиопеленгационная служба 6-го воздушного флота люфтваффе и РСХА имперской службы безопасности - неоднократно засекали работу трех-четырех радистов, явно советских по "почерку" и характеру их работы, которые постоянно меняют место выхода на связь на юго-востоке провинции.

- Это хорошо, что гестаповцы не станут искать англичанина, - сказал Евгений Кульчицкий.

Но Домбровский и Кульчицкий надеялись, что это конфиденциальное известие не станет достоянием "аковцев". И расчет их оказался верным. Молодой Юзеф Османский первый сообщил:

- Какие-то пришлые "аковцы" упорно ищут связи с английским радистом-разведчиком, но не могут выяснить его местопребывание. Всем "аковцам" приказано всемерно собирать сведения об этом разведчике.,

Тем временем рано поутру в Бялоблотском лесу грянул еще один чудовищный взрыв - на этот раз ближе к землянке...

В следующие три дня Евгений появлялся по ночам с разведчиками тут и там в польских деревнях и на фольварках, ронял английские фразы, польские слова выговаривал с английским акцентом.

На четвертый день поздно вечером, когда за запотевшими оконцами тесной горенки Османских бушевала ноябрьская непогода и гнулись под напором ветра высокие сосны, кто-то постучал снаружи по крестовине окна.

- Никак стучит кто-то? - спросил Юзеф-младший, только что стянувший рубаху через голову.

- То дождь с градом, Юзек, - прислушавшись, ответил Юзеф-отец, замерев с сапожной иглой и дратвой в руках.

В спаленке закашляла простуженная мать Юзека, заворочалась на кровати Криея, его младшая сестра. В окно снова постучали, громко, властно. Но это не был условный стук разведчиков группы "Феликс".

- Кто там? - спросил Юзек, подходя сбоку к окну.

- Пан Османский, откройте! - послышался раскатистый бас.

- Открой, Юзек! - тихо сказал отец. - Кто-то из поляков. Но кто? Закрой занавеску!

Если занавеска ближайшего к входной двери окна была затянута, это значило, что в доме чужие, "семафор" закрыт.

В горенку ввалился высоченный, ростом с Димку Попова, рыжий поляк в потемневшей от дождя полной форме офицера Войска Польского цвета хаки и со звездочками поручника на полевой конфедератке и погонах. Над матерчатым козырьком распростер крылья выкованный из черненого серебра одноглавый польский орел с короной.

Отец и сын Османские смотрели во все глаза: этой формы они не видели в Польше уже целых пять лет, с конца кровавого сентября тридцать девятого. И гордый орел тогда же улетел куда-то со своей короной, уступив место черному германскому имперскому орлу с грозной свастикой в когтях. Правда, все в округе вот уже года два-три поговаривали, что где-то в лесах в пущах Польского генерал-губернаторства свил себе гнездо этот орел, так и не захотевший расстаться с короной, и что появилась в тех лесах и пущах рать в старой форме Польши "маршалека" Пилсудского, президента Мосцицкого и Смиглы-Рыдза, но что борется эта рать по воле ясновельможных панов не столько с полчищами иноземного черного орла со свастикой в когтях, сколько с партизанами-людовцами, воевавшими не за панов, а за люд польский.

Расставив ноги, держа руки на блестящем от дождя мокром тридцатидвухзарядном автомате "шмайссере", висевшем у него на груди, вошедший сказал рокочущим басом:

- Вот что, хлопы. Армия Крайова все знает. Даже то, что вам известно, где в Бялоблотском лесу скрывается у русских парашютистов английский радист-разведчик. Нам необходимо связаться с ним. У нас имеется к нему дело огромной важности, к нему и к Англии. Наши представители - офицеры АК будут ждать его с завтрашнего дня каждый вечер в девять часов на развилке дорог в сосняке за Бялоблотами, у замшелого валуна. Пусть приходит один, без русских, гарантируем ему полную безопасность. Мы проследим за тем, как вы выполните этот приказ. Армия Крайова все знает, все помнит и ничего не прощает!

Сказав это, рыжий поручник вышел, едва не расшибив лоб о притолоку и хлопнув дверью так, что она чуть не слетела с петель. Отец и сын Османские молча смотрели на грязные мокрые следы огромных сапожищ на половицах около порога.

В ту же ночь к Османским заглянул Констант Домбровский. Он возвращался с хозяйственной операции: группа запаслась продуктами в отдаленном фольварке какого-то гроссбауэра.

Домбровский смело постучал в окно - все "семафоры" были открыты, а метла у ворот, поставленная черенком вниз, означала, что разведчики не должны проходить мимо, так как у Османских имеются для них неотложные сведения.

Через час Констант вернулся в землянку и разбудил Евгения. Командир и заместитель командира группы всегда стремились ходить на задания поочередно, чтобы один из них оставался в землянке. В случае гибели обоих командиров группа "Феликс" вряд ли смогла бы успешно продолжать свою работу.

- Итак, - сказал Констант, - тигры в клетке. Теперь твоя очередь войти в клетку. Сам напросился. Да, тигры ждут тебя, Евгений.

Сейчас, ночью, в этом холодном темном погребе, похожем и вправду на братскую могилу, перспектива встречи с глазу на глаз с тиграми показалась Евгению не столь уж заманчивой. Но он сам напросился на это дело. Отступление невозможно. Главное, не подвести товарищей, не сорвать задание.

- Что тебе нужно для подготовки? - спросил Констант Домбровский.

- Прежде всего, - тихо сказал, закуривая, Евгений, - хотя у нас остался в запасе всего один комплект радиопитания, я должен несколько дней слушать Би-Би-Си. Слушать, восстанавливать акцент, интонацию, вспоминать старые идиомы и запоминать

новые, военного времени. И главное, все это время думать по-английски. Ну и, разумеется, я должен в считанные дни узнать как можно больше о сегодняшней Англии.

И вот, лежа на холодных нарах землянки, Евгений то и дело включал коротковолновый "Север" и настраивался на Лондон, выключая радиоприемник только для того, чтобы остыли лампы. Обычно он был задумчив, слушал сосредоточенно, но нередко и улыбался, даже посмеивался.

- Лучше всего усваиваешь разговорную речь, слушая не диктора, а артистов варьете. Вот послушай! "Желать смены правительства все равно что искать сладкий лимон!" Или вот: "Самый хитрый немец - Франц фон Папен: будучи странствующим послом фюрера, он получил тем самым право не жить в Германии!" Или вот еще: "Как идут ваши дела?" - спросил наш корреспондент президента Ассоциации директоров похоронных бюро США. "Все было бы о'кэй, ответил тот, - если бы не эти проклятые новые сульфонамидные лекарства!"

Констант лишь вздохнул, с беспокойством поглядывая на друга. А тот почти не спал уже три ночи. Когда тушили "летучую мышь", он лежал в абсолютном подземном мраке с открытыми глазами и всю ночь вспоминал годы детства, проведенные в Америке и Англии, вновь и вновь на разные лады представлял себе скорую встречу с "тиграми". "Never say die" - твердил он про себя английскую поговорку, по-русски означающую просто "не унывай!".

А в "братской могиле" шла своя жизнь. В предпоследний день ускоренного курса "англоведения" Евгения Констант собрал общее партийно-комсомольское собрание. Разумеется, закрытое для всего легального населения "третьего рейха". На повестке дня: персональное дело Пупка. Сначала Констант хотел было судить Пупка товарищеским судом, но Петрович, Димка Попов, Олег, Верочка и остальные разведчики отговорили его от этой чересчур суровой меры.

Пупок - рядовой разведчик, чье настоящее имя, равно как и его разведывательный псевдоним, давно забыты в группе. Он типичный представитель того добровольного подкрепления, которое получали в тылу врага на занятой врагом советской земле наши зафронтовые разведчики, подготовленные на Большой земле. Подкрепления из тертых окруженцев, бежавших военнопленных и партизан-разведчиков. В партизанской разведке этот отважный и опытный воин был на своем месте, но имперская провинция Вартеланд не Смоленщина, не Белоруссия. Там была, хоть и оккупированная, своя земля, свой народ. А здесь все чужое. Здесь Пупок с одним своим единственным родным языком и глух

и нем. На него можно по-прежнему положиться в любом бою, но в том-то и беда, что здесь, на германской земле, разведчикам надо всячески избегать открытого боя, надо воевать не партизанским оружием, а умом да умением. Без знания языка тут только на посту стоять да продукты добывать. Потому-то и чувствует себя здесь Пупок не в своей тарелке.

Откуда такое прозвище - Пупок? Прозвищем этим обязан он одной забавной довоенной песенке из своего необъятного и неистощимого репертуара остряка, затейника и балагура. Песенка, которую он давно, уж с сорок второго года, когда навсегда прилипло к нему это смешное и немного обидное прозвище, не исполняет. Из этой песенки Евгений Кульчицкий только и помнил две строчки:

На зеленом поле стадиона

Футболисты общества "Пупок"..,

- Товарищи! - строгим тоном начал командир. - Пора наконец обсудить недостойное поведение Пупка, позорящее высокое звание советского разведчика. В дни, когда все мы голодали, он неизвестно куда дел доверенные ему несколько метров парашютного перкаля и явился на базу навеселе. И нечего тут хихикать, Попов! Твое хихиканье и улыбочки Олега только показывают, что группа еще не осознала полностью всю серьезность поведения Пупка. За такие дела под военный трибунал отдают!.. Итак, какие будут предложения?

- Пусть Пупок сам расскажет, как было дело, - предложил из дальнего угла Петрович, добриваясь опасной бритвой.

- Да что тут баланду травить, - начал Пупок, потупясь и в то же время радуясь возможности выступить солистом перед публикой. - Все вы, кореши, знаете, что я втрескался как цуцик в дочку Тестя Крисю. Мировая дивчина. А возле нее этот хлюст Богумил из группы Казубского все сшивался. А кто он, думаю, рядом с Пупком? Неважней, ноль без палочки. Ну и началась тут шебутиловка. Хотел я этого храпоидола смазать по шапке, да Крися меня за руки, а я вовремя вспомнил про братьев-славян и все такое прочее. Захожу к Тестю через неделю, гляжу, Крися сидит и нос повесила, "В чем дело?" спрашиваю. И тут она мне такое сказала, словно обухом по голове. "Да в том,говорит, - что решили мы с Богумилом обвенчаться и уже ксендза нашли, хотя швабы все костелы позакрывали, но нет, - говорит, - у меня ни подвенечного платья, ни фаты". Поплелся я к вам, в "братскую могилу". По дороге поостыл немного. Вспомнил последние слова Криси о фате, а потом и про перкаль у себя в сидоре. Не мог тут я показать себя кусочником. Вернулся бегом. "На тебе, говорю, - от десантников-разведчиков. Пойдешь под венец, как ни одна невеста на свете не ходила, к подпольному ксендзу прекрасная, как ангел небесный, в фате из небесного, воздушного перкаля". Крися, дурочка, заревела от радости, чмокнула меня в нос и сразу к зеркалу. А женишок ее, Богумил, этот хмырь, тут же сообразил у кого-то в Бялоблотах поллитра брендки. Выпили мы с ним, но не допьяна, а вполпьяна. Командир, решил я, поймет, ведь Костя у нас властью не заедается... А в землянку пришел - Домбровский слушать не стал. Говорит, судить тебя будем все. Вот и весь сказ. Как на духу. Святой истинный крест!..

Во время этой исповеди Пупка ребята так хохотали, что с потолка "братской могилы" песок посыпался. Только Петрович и радистка Вера не смеялись.

- Безобразие! - пробормотал Петрович. - В Центр надо сообщить!

- Зря вы, жеребцы, ржете, - оказала Вера. - По-моему, Пупок рассказал на своем ужасном жаргоне очень трогательную историю, не ожидала я такого от него. Предлагаю никаких мер взыскания к нему не применять, а парашют списать.

- Вопросик есть, - сказал Попов. - Свадьба состоялась?

- Натюрлих! - козырнул Пупок своим любимым немецким словечком. Следующей ночью и обвенчались под Шредой. Невеста была что надо - прима, люкс, фата получилась мировецкая. Я первый после жениха поцеловал невесту. Ну а потом до утра шумел камыш, деревья гнулись...

После собрания Димка Попов наклонился к Евгению, сказал полушепотом:

- А ты знаешь, Женя, что мне пришло в голову? Ведь, пожалуй, это наше подпольно-подземное партийно-комсомольское собрание было сегодня единственным в имперской провинции Вартеланд, а то и во всей Германии, а?

Евгений ничего не ответил. Он переводил стрелки своих немецких часов на три часа назад - с московского времени на лондонское.

10. Операция "Альбион"

Офицеры-"аковцы" появились на развилке дорог в сосняке за Бялоблотами точно в назначенный час. Они не спеша вышли из сосняка. Их было двое, и одеты они были в форму разгромленного в сентябре тридцать девятого года Войска Польского. Евгений издали увидел по знакам различия на погонах и полевых четырехугольных конфедератках, что один из них, высокий, стройный, красивый, с усами щеточкой и серебристо-седыми висками, имел чин майора, другой - плотный, широкоплечий, с лицом чикагского гангстера - капитан. Не спуская настороженных, изучающих глаз с Евгения, "аковцы" подошли к нему, твердо печатая шаг на песчаной дороге, и одновременно козырнули капралу согласно уставу Войска Польского.

- Честь имею! Разрешите представиться. Я майор Велепольский. Это капитан Дымба.

- Честь имею! - отчеканил капитан.

- Капрал Юджин Вудсток, - отрекомендовался Евгений.

Итак, началась шахматная партия, проигрыш в которой сулил смерть только тому, кто назвал себя капралом Юджином Вудстоком. С этой минуты капралу надо было забыть имя Евгений Кульчицкий и все свои разведывательные псевдонимы. С этой минуты надо думать, говорить, действовать как английский капрал Юджин Вудсток из Эм-ай-сикс - секретной службы Его Величества.

Офицеры Армии Крайовой приветствовали его армейским приветствием. Ответишь ли ты тем же, капрал? Разумеется, на британский манер. Нет, хотя, пожалуй, они ждут именно этого. Ведь он, капрал Вудсток, не в военной форме.

Капрал Юджин Вудсток, представившись по-английски, негромко щелкнул коваными каблуками и сдержанно наклонил голову, не протягивая руки.

- Добрый вечер, джентльмены! - с легкой улыбкой сказал он по-английски офицерам-"аковцам". - Я рад видеть вас на этой несчастной земле в форме польской армии. Это верный знак обреченности и скорой гибели нацистской Германии.

Так держать, капрал Вудсток! Начался словесный стипль-чез,

в котором чуть не каждое слово - смертельно опасное препятствие. Есть только один путь к победе: не думай по-русски, не переводи мысленно с русского на английский. Так обязательно сломаешь шею. Думай только по-английски, думай так, как, бывало, думал лет десять назад, сидя за партой в лондонской школе! Вот только сейчас ты сказал "нацистская Германия". Правильно, ведь англичане считают фашистами не немцев, а итальянцев и почти вовсе не употребляют имя Гитлера в качестве прилагательного.

С напряженным любопытством и довольно бесцеремонно разглядывая капрала Вудстока, майор медленно и торжественно сказал:

- Честь имею приветствовать солдата армии Его Королевского Величества! Я верю, что придет время и благодарная Польша поставит памятник вам как одному из первых воинов нашего великого союзника - Британии, ступившем с исторической миссией освобождения на многострадальную польскую землю!

Капрал Вудсток усмехнулся про себя. До памятника вряд ли дойдет дело. Как бы не кончилась эта историческая встреча безымянной могилой... Впрочем, отрадно, что этот майор произнес свою явно заранее подготовленную речь далеко не безупречно, с грамматическими ошибками и сквернейшим произношением. Если так пойдет дальше, капрал Вудсток, то ты поставишь этим "аковцам" детский мат. Но тут капрал заметил, что на груди у майора висел вовсе не немецкий автомат, а английский. Черт возьми! Хорошо, что он еще в Клетнянском лесу изучил этот "стен-ган", у которого обойма вставляется с левого бока... Помнится, на нем отштамповано клеймо "Бирмингам Смолл Армз К°".

- Не говорите ли вы, капрал, по-французски? - спросил майор. - Нет? Какая жалость.- Я свободно владею только французским. Знаете ли вы польский?

- Я немного говорю по-польски, - извиняющимся тоном медленно произнес по-польски капрал Вудсток с сильным английским акцентом.

Сделал он это по им самим придуманному методу: он как бы в голове написал эту польскую фразу по-английски и затем перевел ее на польский, что и гарантировало правильный английский акцент.

- А по-русски вы говорите? - спросил майор, сверля капрала колючим взглядом черных глаз.

- О нет! - улыбнулся капрал. - Я немного понимаю русский, когда он похож на польский.

- Как же вы договариваетесь с этой русской бандой?

- Я немного говорить по-польски, один русский немного говорить по-английски.

- Вы имеете радиосвязь с Лондоном?

- Да, сэр.

Майор помолчал, оглянулся на пустынную дорогу, пропадающую в затянутом сумерками сосновом лесу.

- У нас к вам долгий разговор, капрал, - сказал майор. - Мы хотели бы пригласить вас в один вполне... как это... вполне надежный и респектабельный дом. Всего полчаса пути. Сейчас подойдет автомобиль.

- Автомобиль? - удивился капрал.

- Не удивляйтесь, капрал, когда увидите водителя. Это немец, офицер СС в отставке, инвалид войны, начальник районного фольксштурма, но он наш верный агент. Связан с черным рынком, и потому мы крепко держим его в руках. Думаю, он и вам будет полезен. Ему подчиняются все местные бауэрнфюреры. Итак, вы согласны?

Вот так сюрприз! Капрал лихорадочно думал. И на этот раз не по-английски, а по-русски. Вон там, слева от дороги, залегли в сосняке друзья. Они не дадут им насильно увести его, капрала Вудстока, хотя за просекой напротив наверняка прячутся с автоматами "аковцы". Отказаться и, быть может, провалить все дело? Или поехать с ними, остаться без всякой охраны, пойти на риск?

- Джентльмены! - сказал он, подумав. - Я верю вам и, рассчитывая на взаимное доверие, отдаю себя в ваши руки.

Майор переглянулся с мрачно молчавшим капитаном.

Вдали послышалось урчание автомобильного мотора. Из-за поворота вынырнул, блеснув зажженными фарами, черный "опель-капитан". Машина мягко подкатила к ним и остановилась. Капрал Вудсток весь напрягся: а вдруг кто-нибудь из друзей без команды, не удержавшись, даст по ней очередь! Констант, тот знает: огонь открывать только по сигналу Евгения, когда он вдруг снимет шапку.

Из машины, распахнув передние дверцы, вышли двое пожилых мужчин. Водитель первым привлек внимание капрала Вудстока, и неудивительно: этот коренастый немец с бульдожьей физиономией и усами "мушкой" был одет в коричневую форму штурмовых отрядов, с витым погоном на правом плече и двумя серебряными квадратами штурмфюрера СА в левой петлице. На левом рукаве у него краснела широкая повязка с черной свастикой в белом круге, слева на груди пестрели под партийным значком и над знаком тяжелого ранения орденские колодки. Слева же на поясе висела лакированная желтая кобура

парабеллума. Второй незнакомец, очень высокий, худой, был в черной шляпе, коротком черном полупальто с широченными, подбитыми ватой плечами и высоких хромовых сапогах. Прежде всего бросались в глаза его старомодные шляхетские усы и кавалерийские бриджи.

- Разрешите представить вам, капрал, - произнес по-английски майор, герра фон Ширера унд Гольдбаха и пана Веслава Шиманского. Панове! Капрал Вудсток. Прошу в машину, капрал.

Пан майор с лакейским поклоном и жестом пригласил капрала Вудстока сесть в автомобиль. Капрал едва не улыбнулся: пусть посмотрят там в соснах ребята, перед ним, советским разведчиком, расшаркиваются "аковские" офицеры вместе со штурмовиком - штурм-фюрером! Но прочь ненужные мысли!..

Шагая к машине, капрал еще раз подумал о том, что теперь ему необходимо обдумывать буквально каждый шаг. Казалось бы, простое дело - сесть в машину. АН нет. Русский человек почти обязательно сядет рядом с водителем, а это все равно что на облучке потеснить извозчика, и это выдаст его с головой. Англичанин, садясь в такси, непременно сядет на заднее сиденье, ибо в английском таксомоторе и вовсе нет места для пассажира на переднем сиденье, а есть место для багажа. Никогда не сядет мистер Джон Буль и рядом с шофером частной машины. Если же англичанин садится в машину друга, который сам ведет ее, то сядет он только рядом с другом, иначе друг смертельно обидится: его приняли за слугу, шофера!

И еще одна важная деталь. Русский, поляк, немец -- все они садятся с правой стороны. А англичанин - с левой. Так как движение в Англии левостороннее и руль машины установлен соответственно справа. Учитывая все это, капрал Вудсток сел на заднее сиденье с левой стороны.

Затем в точном соответствии со своим положением в Армии Крайовой в машину рядом с капралом сел пан майор, за ним пан капитан; на место рядом с водителем уселся пан Шиманский и последним занял место за рулем, штурмфюрер. "Опель-капитан" сорвался с места, резко развернулся и помчался лесной дорогой. Вудсток невольно глянул на как бы смазанные скоростью придорожные сосны: вернется ли он в этот лес к друзьям? Это был последний вопрос, который он задал себе мысленно по-русски.

- Я поздравляю вас, капрал, - сказал пан майор, протягивая капралу раскрытый портсигар. - Вчера ваши самолеты потопили "Тирпиц"!

- Благодарю вас, майор. Да, наши ребята неплохо поработали

в Альта-фьорде.

- Вам будет интересно поближе познакомиться с паном Шиманским, помолчав, сказал майор. - Пан лет двадцать прожил в Лондоне.

Еще один сюрприз. Нет, здесь детским матом не пахнет. Не напрасно ли он вообще ввязался в эту авантюру? Похоже, что его хотят "прокатить", что на языке американских гангстеров значит - убить.

Пан Шиманский обернулся и уставился круглыми, как у совы, глазами на капрала Вудстока, оскалив в неискренней улыбке свои золотые зубы. Капрал, закурив, улыбнулся ему, ощущая какую-то противную пустоту под диафрагмой.

Напряжен каждый нерв. Борьба начинается... Вольная борьба без всяких правил беспощаднее дзю-до и карате...

- Вряд ли пан капрал знает, - сказал майор, глядя в окно, - что эта земля - нынешняя имперская провинция Вартегау - некогда называлась Великой Польшей. В 1772 году Екатерина Великая - эта северная Семирамида - и Фридрих Великий произвели первый раздел Польши, и эта земля отошла к Пруссии. Потом Наполеон восстановил Речь Посполитую, но Венский конгресс упразднил созданное им Варшавское герцогство, и этот край вновь был присоединен к Пруссии. Только после краха кайзера Вильгельма вернули мы Великую Польшу.

- В общих чертах, - сказал капрал, - я знаю историю этого края.

- Может быть, наш уважаемый гость расскажет нам какой-нибудь последний лондонский анекдот? - заговорил, блеснув золотозубой улыбкой, пан Шиманский. - Обожаю бесподобный английский юмор...

Пан Шиманский произнес все это на правильном английском языке, пожалуй, даже чересчур правильном, но с заметным польским акцентом. Пан Шиманский, слава богу, совсем не похож на своего земляка Теодора Иосифа Конрада Корженевского, который, как известно, так блистательно владел английским языком, что прославился как замечательный английский писатель Джозеф Конрад. Пан Шиманский не чудо вроде Конрада, пан Шиманский выучил английский уже в зрелом возрасте, значит, он не думает по-английски. Это облегчает задачу капрала Вудстока. А за анекдотом дело не станет. Недаром капрал Вудсток четыре дня слушал Би-Би-Си.

- Последний? Извольте. Уинни, то есть Черчилль, дуче и фюрер дали дуба и отправились в ад. Там дьявол устроил им допрос: а ну признавайтесь, сколько раз вы обманывали свои народы? Первым ответил Черчилль, и дьявол Старый Ник велел

ему в наказание пробежаться разок вокруг ада. Затем исповедался Муссолини, и дьявол заставил дуче трижды обежать вокруг ада. Настала очередь Гитлера. Повернулся к нему дьявол, а фюрера и след простыл. "Где Гитлер?" - заревел Старый Ник. Бесенята ему и докладывают: побежал, мол, фюрер за своим мотоциклом.

- Ха-ха! - неестественно рассмеялся пан Шиманский.

Пан майор кисло улыбнулся. Ни один мускул не дрогнул на каменном лице капитана Дымбы. Немец не обернулся.

- Разве вы не уважаете пана премьера? - спросил майор.

- Отчего же! - ответил капрал. - Уинстон неплохая палка.

Здесь он ввернул идиоматическое разговорное выражение.

- Неплохая палка? - недоуменно дернув усом, переспросил майор, бросив вопросительный взгляд на Шиманского.

- Это такое выражение, - пояснил тот, - то же, что "неплохой парень"...

Чтобы не упускать инициативу из своих рук, капрал Вудсток рассказал еще два-три анекдота из программы Би-Би-Си.

Около одной деревни проехали мимо взвода фольксштурмистов семнадцатилетних юнцов и семидесятилетних стариков, возвращавшихся в деревню после полевых учений. Командир взвода - молодой лейтенант с черной наглазной повязкой, - завидев черный "опель-капитан", встал во фрунт и лихо выбросил правую руку в гитлеровском салюте. Офицеры-"аковцы" на всякий случай сняли свои конфедератки с офицерскими серебряными звездочками и галунами, задернули шторки окон. В другой деревне их хотели было остановить ландшуцманы - уже минул полицейский час. Но, разглядев номер на машине уездного шефа фольксштурма, они отскочили и тоже прокричали: "Хайль!"

Капрал все чаще поглядывал в окно. Чего доброго, привезут прямехонько в бывший воеводский город Познань, а ныне столицу имперской провинции Вартегау - Позен и сдадут в учреждение с вывеской "Гехайме Штаатс Полицай" - гестапо.

Совсем стемнело, когда "опель-капитан" круто свернул с асфальтированной дороги, окаймленной черными скелетами старых тополей, и въехал в открытые железные ворота, за которыми в конце каштановой аллеи стоял двухэтажный господский дом с островерхой черепичной крышей.

Ущербная луна светила как раз за флюгером на шпиле невысокой готической башенки с зарешеченными, похожими на бойницы окнами. Полнеба закрывали черные тучи. В голых ветвях каштанов зловеще гудел северо-западный ветер. Ни в одном из окон дома не горел свет.

Штурмфюрер СА, прихрамывая и поскрипывая ножным

протезом, поднялся на крыльцо, отпер массивную, окованную железом дверь. Дверь со скрипом распахнулась. Скрип этот больно резанул по нервам. Словно выстрелы, хлопнули дверцы "опеля". Немец посветил электрофонарем в глубь темной прихожей. Потом провел их в большой кабинет, зажег свет и, щелкнув каблуками, удалился, плотно прикрыв за собой дверь.

Майор первым положил конфедератку верхом вниз на стол, сунул в нее перчатки, затем снял шинель, бросил ее на спинку кресла. Капрал Вудсток, снимая кожаное пальто, заметил на груди майора серебряный крест с белым орлом на золотом поле, висевший на черно-голубой ленте.

- О! Ваш крест похож на наш крест Виктории! - сказал он.

Явно польщенный майор улыбнулся.

- Это крест "Виртути милитари" - высший офицерский орден Польши за военную доблесть, - с нескрываемой гордостью произнес он. - То же, что у немцев "Риттер кройц" - "Рыцарский крест". Его ввел наш последний король Станислав-Август в 1772 году. Кстати, капрал, Станислав-Август Понятовский был любовником Екатерины Великой! Так что поляки и в данном пикантном случае одержали верх над своими старыми врагами - русскими.

- Что вы говорите! Простите мне мое любопытство, сэр, за что вы получили этот крест?

- За действия против большевиков весной двадцатого года при взятии Киева, капрал.

Капитан Серый нетерпеливо кашлянул.

- Садитесь, джентльмены! - сказал пан майор, включая настольную лампу. - Пожалуйста, сядьте здесь, капрал.

Поудобнее устраиваясь в глубоком кожаном кресле напротив настольной лампы, капрал окинул взглядом комнату. Высокие до потолка книжные полки вдоль трех стен, торшер, задернутые плотными шторами окна, портреты Гитлера и Гиммлера, большой письменный стол из полированного красного дерева с инкрустированной эмблемой - имперским орлом, консольная радиола "Телефункен"...

Майор взял с письменного стола пачку немецких сигарет "Бергман приват".

- Хотите сигарету, капрал?

Закуривая, майор молчал. Молчали и остальные, бесстрастно глядя на капрала Вудстока, который, пуская дым в потолок, со скучающим видом, развалясь в кресле, чуть прищурясь, разглядывал корешки томов на ближайшей полке. Допрос - а это был именно допрос - начал майор.

- Скажите, капрал, на каком самолете вы прилетели сюда из

Англии?

Короткая затяжка. Облачко дыма в потолок. Паузы быть не должно.

- Это был транспортный "дуглас", "Си-47". Отличная машина, джентльмены, - ответил Вудсток, медленно выдыхая дым.

- А дальность какова? Сколько километров? - перебил майор.

- Километров - две тысячи четыреста, а миль, по-нашему...

В сорок первом Евгений летал в тыл врага на советских самолетах "ТБ-3" и "ПС-84". С начала сорок второго трижды забрасывался в тыл врага на "Дугласе". Трижды "туда" и ни разу "обратно". В первый раз случилась авария при взлете на Центральном аэродроме в Москве: лопнул правый баллон. Пока меняли баллон, он зашел в кабину экипажа, осмотрел ее, поговорил с пилотом.,.

- Но ведь "Дуглас" американская машина? - с нажимом произнес капитан. Ее конструктор Сикорский, поляк, работающий в Калифорнии.

- Верно! У нас этих "Си-47" немало в Королевских воздушных силах. Я слышал, что американцы снабжают и русских этими самолетами...

Поляки молча переглядываются. Гамбит разыгран.

- Это интересно! - восклицает кавалер "Виртути милитари". - Я ни разу не видел эти новые самолеты. Расскажите нам о них!

- Я не летчик, - улыбается Вудсток, - а только сын летчика. Ну что мне запомнилось?.. Два мотора, экипаж - пять человек: пилот, штурман, стрелок-радист, бортмеханик, инструктор парашютного дела. Сажает двадцать десантников...

Описать в общих словах "Дуглас" для Вудстока дело нетрудное. Но разговор об авиации таит в себе опасные воздушные ямы.

- С какой скоростью вы летели? - спросил капитан.

- Около... около ста пятидесяти - двухсот миль в час.

Он чуть было не дал ответ в километрах (триста пятьдесят километров в час), и это погубило бы его. Ведь англичане не пользуются метрической системой. Голова работала как арифмометр. Дальность полета у "Дугласа" 2400 километров. Сколько в милях?..

- На какой высоте перелетали через Ла-Манш? В этом вопросе майора сразу две ловушки.

- Ла-Манш? - переспрашивает Вудсток, поднимая брови. - О, вы имеете в виду Английский канал? Мы пересекли его на высоте не менее шести с половиной тысяч футов.

Да, именно так, капрал Вудсток! Именно "Английский канал" и именно футы, а не метры!

- Не помните ли вы мощность моторов? - продолжает допрос капитан.

- Я спросил об этом пилота: каждый мотор - тысяча двести "эйч пи".

"Эйч-пи" - лошадиные силы,

Отвечает Вудсток по-прежнему гладко, а в голове рой вопросов, обгоняющих вопросы его "следователей": как по-английски "кабина экипажа"? "Ах да! "Cockpit"... Это он помнит, а вот как по-английски "вытяжной фал", он никогда не знал; значит, надо лучше не вспоминать о парашюте...

- Какая температура была в Лондоне, когда вы вылетали?

- Точно не знаю. Днем было около пятидесяти градусов.

Молодец, капрал! Вовремя вспомнил о Фаренгейте. И вновь неожиданный вопрос:

- А сколько литров бензина потребляет в час "Дуглас"?

- Сколько британских и имперских галлонов? Да разве я знаю! Мы летели с четырьмя дополнительными бензобаками. Я не заметил, чтобы наших летчиков волновала проблема горючего...

Должна быть, обязательно должна быть такая деталь, которую узнаешь только после полета на "Дугласе"! Такая деталь сыграет роль козыря в этой смертельно опасной игре! Вот она, эта деталь!

- Сначала полет шел хорошо, - произносит задумчиво Вудсток, заложив ногу на ногу. - Временами по всему корпусу самолета пробегала дрожь. Я спросил командира, что это такое. Тот ответил, что так всегда бывает, когда моторы "Дугласа" работают синхронно.- Деталь сработала. - А потом где-то севернее Колона... - Вудсток не забывает произнести название этого города не "Кельн", а "Колон", по-английски. - Да, севернее Колона угодили мы в грозовой фронт. Шли над десятибалльной облачностью. Началась болтанка, качка килевая и бортовая. Давление в ушах то повышалось, то понижалось, то нас подбросит на жесткой скамье, то пригвоздит к ней, расплющив зад. Воздушный поток за иллюминатором то ревел, то переходил на шепот. Виски стучали, ладони стали мокрыми, похоже было, что укачивает, - продолжает Вудсток, делая вид, что увлекся воспоминанием незабываемого для всякого десантника ночного перелета.

- А луна светила слева от вас или справа? - ввернул коварный вопрос пан майор.

- Луну мы увидели слева, когда миновали грозовой фронт, - без запинки отвечает Вудсток. В последний раз, когда он летел в тыл к немцам, луна светила справа по борту самолета.

- Представляю себе волнение экипажа: стрелки приборов

мечутся точно сумасшедшие, в наушниках моего коллеги-радиста этакое шипение и треск, будто дьявол яичницу с беконом поджаривает.

- В какое время это произошло? Новый подвох со стороны пана майора. Каждым вопросом копает он могилу Вудстоку.

- В двадцать три тридцать мы вошли в грозовой фронт...

- По какому времени? - Голос пана майора едва заметно напрягался.

- По Гриничу, конечно...

- По Гринвичу, - пытается внести поправку Шиманский.

- Мы говорим, по Гриничу... Крылья обледенели, пропеллеры тоже, наверное... Меня пот прошибает при одном воспоминании об этом! - Вудсток усмехается, смахивая пот с лоснящегося лба. - Натерпелись мы страху! Высота падала с каждой минутой... Альтиметр показывал пять тысяч футов. Позади остаются города Кассель, Халле, Лейпциг, Торгау... "Дуглас" брыкался, как мустанг под ковбоем в цирке "Дикого Запада"! Стрелки на моих часах прилипли к циферблату...

Пан майор перегибается через стол:

- Пан капрал позволит взглянуть?

- Что? О, понимаю! Я чуть не разбил их при прыжке, когда мы вышли на высоте пятисот футов из облачности. Тут-то, севернее Бреслау, над городом Требниц нас и сбила зенитка "джерри", немцев, значит...

- "Омега"? - полувопросительно выговаривает майор, поднимая глаза с часов на Вудстока.

- Да, перед вылетом нас одели во все немецкое, вплоть до белья, но часы дали швейцарские.

- Я вижу, ваши часы показывают время по Гринвичу, - проговорил Шиманский. - А мы ставим время по-берлински. Час разницы.

- Мне ведь надо связываться с Лондоном, - сказал капрал.

- А какие марки английских часов вы прежде носили? - чересчур торопливо спрашивает Шиманский.

Две или три секунды борется Вудсток с отчаянной паникой. Эта паника так глубоко спрятана внутри, что по его глазам ее обнаружить никак нельзя. В первые две-три секунды Вудстоку кажется, что ему не удастся вырваться из расставленных для него сетей: никогда не приходилось ему носить часов английской марки. Но на третьей секунде его выручает память. Ответ готов. Ведь его отец носил такие часы в Англии...

- "Аккьюрист". Анкер на пятнадцати камнях, мистер Шиманский, позолоченный корпус.

- "Аккьюрист"? - переспрашивает Шиманский. - По-моему, это

швейцарские часы.

- Пожалуй, - охотно соглашается Вудсток, гася сигарету в пепельнице. У нас на всех часах написано, будто они швейцарские...

- Сколько они стоили? - усердствует пан Шиманский.

- Недорого. Фунтов пять, - пожимает плечами Вудсток. Работай, работай, воображение! - Мне подарил их отец на день рождения. Кажется, он купил их у часовщика на Риджент-стрит. Трехлетняя гарантия.

- О, я знаю этого часовщика, - оживляется Шиманский. - Он торгует только мужскими часами.

- Вы ошибаетесь, мистер. Этот магазин фирмы "Лоуренс Седер энд компани" торгует любыми часами, а также ювелирными изделиями.

- Верно, верно, теперь припоминаю... Это недалеко от универсального магазина "Либерти энд компани".

Этот лиса Шиманский отлично знал, о каком магазине идет речь: на Риджент-стрит в Лондоне бывает каждый приезжий.

- А часы другой английской марки вам не приходилось носить?

- В детстве, - улыбнулся Вудсток, - мама подарила мне часики с Микки Маусом на циферблате.

Поговорили о лондонских магазинах. Капрал хорошо помнил магазин Селфриджа на Оксфорд-стрит, Симпсона, Фортнума и Мэйсона на Пиккадилли. И тут капрала Вудстока выручила зрительная память, неповторимо острая в детские годы.

Так и вели они этот разговор, похожий на самый пристрастный допрос, несмотря на внешнюю светлую учтивость, на заискивающий тон Шиманского и бледную улыбку на тонких губах майора. Капралу Вудстоку этот допрос, полный внезапных опасностей, напомнил стремительный слалом на утлых душегубках по бурной порожистой реке, утыканной подводными рифами, как пасть акулы зубами. Это была не дуэль. Сразу трое инквизиторов вели перекрестный допрос, убийственный, как кинжальный огонь. Трое против одного... С головокружительной быстротой разговор перескакивал с библии и официальной (протестантско-епископальной) церкви Англии на правила игры в крикет, с Трафальгар-сквер на наимоднейшие танцевальные новинки (песенку "Lambeth Walk" капрал знал наизусть), с английских национальных праздников на новые английские кинокартины.

- Я давно не был в кино, но помню "Ребекку" режиссера Альфреда Хитчкока. Кстати, майор, я все думал, кого вы мне напоминаете. Киноактера Адольфа Менжу!.. Еще видел "Графа

Монте-Кристо" с Робертом Донатом в главной роли...

- Но ведь это все довоенные картины, - напоминает Шиманский.

- Разве? Еще я видел военную картину "Шпион" с Конрадом Вейдтом... "Генрих V" с Лоуренсом Оливье... Да, еще "Полурай". В этом фильме Оливье играет русского инженера, которому Англия после Дюнкерка нравится гораздо больше, чем до войны...

На самом деле капрал Вудсток читал об этих фильмах в английском киножурнале сорокового года в московской читальне библиотеки иностранной литературы в Столешниковом переулке. Шиманский наращивал темп, буквально забрасывал капрала вопросами:

- В какой "Фликерс" вы обычно ходили в Лондоне?

Очередной подвох: "Фликерс" - "Мигалка" на лондонском жаргоне означает "кинотеатр". Хитрая бестия этот Шиманский: он понимает, что можно прекрасно знать английский язык, совершенно не зная жаргона. Так одним вопросом можно порушить всю "биографию" капрала Вудстока.

- "Камео".

- Это где же?

- Чаринг-Кросс-Роуд. Перед началом фильма там всегда показывали диснеевские мультипликации: Доналд Дак, Микки Маус, Плуто...

Надо сбить этот опасный темп, совсем не оставляющий времени для обдумывания "заминированных" вопросов. Сбить темп, отвечая нарочито медленно, с кажущейся небрежностью, отклоняясь, растекаясь по древу, нагромождая подробности. Шиманский круто меняет тему:

- А где вы учились в Лондоне?

- На Райл-стрит в школе Эл-си-си...

- Эл-си-си? Что это значит?

- Совет Лондонского графства. На приличную частную паблик-скул в Итоне, Харроу, Мальборо или Рэгби у отца не хватало денег. Но мне повезло, мы жили во вполне респектабельном районе, и моя школа...

Майор молча встал, подошел к книжной полке, снял с нее какой-то увесистый том, раскрыл его... Энциклопедия? Уж не смотрит ли он карту Лондона?

Не случайно, видно, разговор перекинулся на Лондон. Музей восковых фигур мадам Тюссо, Лондонский Тауэр, резиденция премьера на Даунинг-стрит, 10. Где стоит колонна Нельсона? На Трафальгар-сквер. Где похоронен герцог Веллингтонский? В Соборе Святого Павла. Где покоится прах Чоссера, Теннисона и Браунинга? В Вестминстерском аббатстве. Как проехать из

Хемпстэд-хит на Пиккадилли, как добраться от Тауэра к Букингемскому дворцу (смена гвардейского караула в 10.30 утра), а оттуда в парк святого Джеймса?.. Поговорили об английских приморских курортах в Брайтоне и Борлемут-весте, в которых отдыхал летом капрал Вудсток. Шиманский совсем не знал Борнемут-вест, зато не раз бывал в Брайтоне.

Шиманский пододвинул поближе к капралу листок бумаги и паркеровскую авторучку.

- Вы сказали, что учились в лондонской школе на улице Райл-стрит. Будьте любезны, капрал, напишите адрес школы на этом листочке.

Капрал Вудсток, пожав плечами, молча повиновался.

- Так-так, - сказал по-польски пан Шиманский, читая написанное. Совершенно особый, характерный английский почерк "рондо", сильно отличающийся от континентальных европейских почерков. Этот национальный почерк неповторим. Им обладают только англичане. В школах каждой страны, Панове, следуют своему собственному методу обучения правописанию.

Трое против одного. Трое наступали, вели атаку, шли на штурм. Капрал Вудсток мог только обороняться. Фехтовал он искусно, все больше входя в свою трудную роль, вдохновенно пересыпая свою речь известной ему по книгам руганью британских солдат, жаргонными лондонскими словечками, идиомами... Допрос все больше походил на английскую охоту: за лисицей гонится свора гончих (Шиманский, пан капитан), а за гончими мчатся конные охотники с ружьями (во главе с паном майором). Неравное состязание. У затравленной лисицы есть только один шанс на спасение: чтобы унести ноги, она должна бежать быстрее собак и лошадей, должна запутывать следы, уходя от открытых, гибельных мест, завлекая преследователей в густой непролазный лес. И у капрала Вудстока тоже один-единственный шанс на спасение: обогнать врагов в живости ума, увести их от чересчур рискованных тем, не дать им загнать его в угол.

Шиманский вдруг достал и высыпал на стол горсть монет.

- Смотрите, что у меня сохранилось: английская мелочь! Поверите ли, я стал уже забывать названия этих монет, особенно их жаргонные названия. Ведь английская денежная система самая сложная...

- Ничего сложного, мистер Шиманский, - терпеливо улыбнулся капрал. Если джентльменам угодно проверить меня, извольте... Вот это, - он поднял шестипенсовую монету, - мы называем "тэннер". Вот эта монета, - он подбросил на ладони шиллинг, - "боб". В фунте, или "квиде", - двадцать шиллингов, а в гинее - двадцать один. Вот это флорин - двухшиллинговая

монета, а это полкроны, или два с половиной шиллинга.

- Благодарю вас, мистер Вудсток. Вы знаете, у вас удивительно маленькая нога для мужчины. Какой размер вы носите?

Капрал чуть было не сказал "тридцать девятый".

- Шестой, - ответил он.

-- А носки?

- Десятый...

- Представьте, однажды я заболел в Лондоне и не знал, как вызвать по телефону-автомату неотложную помощь...

- Вам надо было набрать 999.

Пока все идет неплохо!.. Взгляд капрала остановился на автомате "стен", который майор, войдя в кабинет, повесил на спинку стула. Капрал похолодел. "Если он потребует, чтобы я назвал по-английски части этого автомата, я пропал!.. Да знает ли это он сам?.."

На письменном столе стояла фарфоровая пепельница, модная немецкая пепельница в форме крохотного унитаза с надписью: "Только для пепла". Майор пододвинул эту пепельницу на край стола и стал гасить в ней недокуренную сигарету. Неловкое движение, и пепельница со стуком упала со скользкого полированного стола на пол. Шиманский поднял ее и поставил обратно на стол.

В следующую секунду распахнулась двустворчатая дверь слонового цвета, и в библиотеку быстрым шагом вошел коренастый рыжий поляк с перебитым носом мятая короткополая шляпа, габардиновое полупальто, офицерские галифе. Он шел и ожесточенно хлестал стеком по голенищу сапога. Веснушчатое лицо его было багровым от ярости, сдвинутые рыжие брови сошлись на переносье. Ни слова не говоря, он подошел к капралу Вудстоку и, развернув плечо, размахнулся стеком. Вуд-сток вскочил, опрокидывая стул, отшатнулся. Стек свистнул в воздухе, но майор вцепился в руку вошедшего, а затем с силой оттолкнул его. В то же время Серый крепко обхватил сзади капрала.

- Это что такое, поручник?! - гневно вскричал майор. - Вы что, взбесились? Как вы посмели поднять руку на нашего гостя, на английского подофицера?

- Никакой он не англичанин! - раскатистым басом крикнул тот по-польски, бросая стек и хватаясь за кобуру пистолета. - Холера ясна! Я только что вернулся от "соседей". По вашей просьбе они запросили по своей рации Лондон. Наша разведка в Лондоне немедленно связалась с Сикрэт интеллидженс сервис. Час назад получен ответ. Никакого радиста капрала Вудстока они сюда, в Польшу, не забрасывали!

На минуту воцарилось молчание. За дверью басовито пробили часы. В эту минуту капрал Вудсток мысленно пережил свою смерть, простился с жизнью.

- Та-а-ак! - зловеще Цротянул майор, переведя взгляд на изумленного Вудстока. - Так я и знал, ясновельможный пан из Лондона! Кто же ты, самозванец?

- Ясно кто! - зарокотал поручник, левой рукой взводя парабеллум. Советский агент! Шпион Эн-ка-ве-де, вот кто! Пес твою морду лизал!

Майор сел, постучал сигаретой по серебряному портсигару с фамильным гербом.

- Отставить, поручник! И впредь не забывайтесь, и поумерьте ваши африканские страсти! Серый, отбери у этого юноши оружие!

Серый вытащил "вальтер" из кармана брюк капрала Вудстока. Майор медленно закурил, повернулся и, продолжая говорить по-польски, тихо произнес:

- Ваша карта бита, молодой человек. Кто же вы на самом деле? Советую не отпираться. Капитан и поручник, так же как и я, работали до войны в дефензиве и отлично владеют искусством вызывать собеседника на откровенность.

Капрал Вудсток обвел недоуменным взглядом "аковцев".

- Джентльмены! - медленно и отчетливо произнес он по-английски. - Я не понимаю, что здесь происходит...

- Ах не понимаешь, красная сволочь! - вдруг перешел капитан Дымба на русский язык. - Русский хам, большевистское быдло! А это ты понимаешь? крикнул он, вырывая из желтой кобуры на левом боку "уэбли" и тыча им в грудь капрала. - Говори, кто ты и кто тебя подослал к нам!.. Руки вверх!..

- Джентльмены! - взволнованно повысил голос Вудсток, не поднимая рук. По-русски я почти совсем не понимаю, а польский понимаю слабо. Что случилось? Может быть, вы не те, за кого я вас принимал?..

- Да, вы принимали нас за простаков, - ответил по-польски майор. - А мы снеслись с Лондоном по радио и выяснили, что вы самозванец. Нам ясно, что не из любви к приключениям и мистификациям выдали вы себя за агента британской секретной службы. Вот мы и хотим теперь, юноша, чтобы вы не томили нас неизвестностью и удовлетворили наше законное любопытство. Кто вы, кто стоит за вами и какую игру вы затеяли?

- Похоже на игру "Двадцать вопросов" по Би-Би-Си, - попробовал пошутить капрал Вудсток, но дула двух пистолетов сразу же поднялись на уровень его глаз. - Хорошо, господа! Я вижу, что вам не до шуток, и готов ответить на все ваши вопросы.

- Вот так-то будет лучше! - процедил майор. - Кто вы?

- Капрал Юджин Вудсток, - ответил тот.

- Допустим. Кто послал вас сюда, в Польшу?

- Британская военная разведка. Эм-ай-сикс.

- Допустим. Кто подослал вас к нам?

- Позволю себе заметить, что не я искал связи с вами, а вы со мной.

- Ответ Лондона изобличил вас как лжеца и самозванца, и мы не допустим, слышите, чтобы вы морочили нам голову!

- Пытать его!.. - прорычал Серый.

Шиманский, не произнесший ни единого слова с момента появления рыжего поручника, молча взял из пепельницы-унитаза дымящуюся сигарету и вдруг прижал ее горящим концом к тыльной стороне ладони Вуд-стока.

- Ауч! - воскликнул Вудсток, отдергивая руку и дуя на нее. - Проклятье! Мистер Шиманский!

- Простите меня, сэр! - проговорил Шиманский. Круто повернувшись к майору, он сказал: - Пан майор! Панове! Это безотказное испытание я приберег напоследок. Реагируя на внезапную боль, поляк всегда скажет "ай", русский "ой", немец - "ах", а англичанин - "ауч". Этому невозможно научиться, это живет в каждом человеке с пеленок!

- Ерунда! - рявкнул Серый, стукнув волосатым кулаком по столу.

- Пся крев! А ответ из Лондона?! - прокричал поручник, вскидывая парабеллум.

Майор помолчал, кусая тонкие губы, буравя глазами капрала Вудстока, явно борясь с какими-то колебаниями.

- Да, отказ Лондона от капрала Вудстока решает дело, - веско проговорил он наконец. - И ответственность за смерть настоящего капрала Вудстока или самозванца, в конце концов, ложится на Лондон. Главное нам ясно, и поэтому мы не станем пытками вырывать у него его имя и прочие детали. Кончайте, поручник! Капитан, поставьте его к стенке. Вы едва не провели нас, таинственный незнакомец! Вы умница. Но сейчас серое вещество вашего бойкого мозга забрызгает и стену и книги! И мне, право, жаль и книги и вашу голову.

- Господа офицеры! - бледнея, хрипло проговорил капрал Вудсток, когда капитан поставил его к простенку между книжными шкафами и отошел, - Вы совершаете ошибку... Господин майор!.. Вы говорили об ответе Лондона... Существуют разные штабы в разведке... На ответ должно было уйти больше времени... Перестаньте тыкать мне в глаза своим "люгером"!.. Я Вудсток, говорю я вам, капрал Вудсток из Эм-ай-шесть... Боже мой, что вы делаете?!

Рот майора сжался в жесткую линию.

- Пан поручник, стреляйте по счету "три"! Раз!..

- Слушайте, вы! - Тон Вудстока изменился, стал тверже. Он выпрямился, весь подобрался, глядя в черный зрачок парабеллума. - В своем ослеплении вы не ведаете, что творите. Но мое командование сумеет отомстить за меня. И месть эта будет ужасна!..

- Два! - громко произнес майор.

Капрал Вудсток выпрямился, гордо вскинул голову, скрестил руки на груди, и столько было неистребимого достоинства и непоколебимого превосходства в его позе, его глазах, что майор заколебался, затянул паузу. Шиманский что-то в страхе зашептал в ухо майору, но тот, досадливо морщась, отмахнулся от него.

Черт возьми! На пушку берут или взаправду связались с Лондоном? Выхода нет... Как поется в песне: "Если смерти - то мгновенной, если раны небольшой..."

- Это ваш последний шанс, - сказал майор Вудстоку. - Обещаю вам жизнь за чистосердечное признание...

- Мне не в чем признаваться! - с трудом сдерживая себя, выдавил сквозь зубы Вудсток, затравленно озираясь. - Бог видит, что я капрал Вудсток!

- Пан поручник! - сказал майор. - Я вижу, вы целитесь между глаз. Не надо. Так мы не сможем мертвым опознать его.

- Стреляйте! И будьте вы прокляты!..

- Три, - резко скомандовал майор.

Глаза Вудстока, устремленные на парабеллум поручника, расширились и застыли. Вторично пережил он мысленно свою смерть. Он видел каналы нарезки в стволе пистолета, видел, как натягивается покрытая рыжими волосками кожа на указательном пальце поручника, нажимающего на спусковой крючок... В голове торопливо, мучительно, беспорядочно роились чересчур быстро неуловимые слова, воспоминания, образы матери и отца, обрывки мыслей...

Тишина. Тишина порохового погреба. Заминированная тишина.

Чик! Это щелкнул парабеллум. Ни пламени, ни грохота. Ни удара в грудь, куда твердой рукой целил поручник. Только металлический щелчок... Осечка? Поручник спрятал парабеллум в кобуру и неуверенно, конфузливо улыбнулся. Капитан был непроницаем.

Шиманский непонимающе обводил всех изумленным взглядом.

11. Операция "Альбион-II"

Майор встал и подошел к капралу с протянутой рукой.

- Капрал Вудсток, - сказал он по-английски. - Разрешите пожать вашу руку! Я прошу, умоляю вас успокоиться и простить нас. Мы не могли иначе. Вы поймете, что эта проверка была необходима. Вы не знаете, как коварна русская разведка. Ваши волнения окупятся сторицей. Серый! Верни пану капралу его пистолет! Позвольте мне обнять вас, капрал!..

Вудсток вдруг весь обмяк. Вялыми руками отстранив майора, подошел он нетвердым шагом к столу и скорее упал, чем опустился на ближайший стул. Дернул ворот, тылом ладони вытер вспотевший лоб. С минуту он молча, тяжело дыша, глядел исподлобья на "аковцев". Он еще не верил, что вышел сухим из воды.

- Мой бог! Вы начитались шпионских романов, джентльмены.

- Мы приносим вам свои глубочайшие извинения, пан капрал! - с чувством воскликнул майор, разводя руками. - Я прекрасно понимаю ваше состояние, но и вы поймите нас. У нас не было другого выхода. Моя связь с Лондоном прервалась во время Варшавского восстания. Но зато мы убедились, что вы тот, за кого выдаете себя, вы смелый, благородный человек. Забудьте этот печальный инцидент. И верьте мне, вы будете щедро вознаграждены...

- В качестве аванса, - сухо произнес капрал, - не найдется ли у вас чего-нибудь выпить?

- Разумеется, пан капрал. Капитан, достаньте нам что-нибудь.

Капитан подошел к книжной полке, тронул одну из книг, приоткрылась секция полки, обнаружив стальную дверцу с круглой ручкой и диском шифра.

- Не то! Это сейф нашего хозяина! - недовольно заметил майор. - Нажмите левее!

На этот раз за другой секцией полки оказался небольшой потайной бар, осветившийся изнутри неярким светом. В зеркалах, служивших стенками бара, многократно отразился двойной ряд разнокалиберных бутылок. Майор взял два стаканчика и темный четырехугольный штоф с яркой этикеткой, поставил на стол перед капралом.

- Будь я проклят! - воскликнул капрал Вуд-сток. - Олд скоч виски! "Джо"ни Уокер" с черной этикеткой. Еще лучше, чем с красной! "Джон Уокер и сыновья", Килмарнок, Шотландия! Поставщики Его Величества! Джентльмены! Может быть, вы все-таки ухлопали меня и я попал в рай?! Да где вы достали этот нектар? В винных подвалах Геринга?

- На черном рынке, капрал, - с улыбкой сказал майор, разливая виски, можно купить все от иголки до локомотива! А наш любезный хозяин - фон Ширер - король черного рынка!

Скажите когда!..

"Say when" - "скажите когда". Этот вопрос задает у англичан и американцев тот, кто наливает вам виски. Вудсток не раз читал об этом в английских книжках. Он не остановил майора словами "благодарю вас", а поднял три пальца. Майор сначала не понял, но тут же догадался, что этим американским жестом капрал указывает ему меру виски в стакане.

- Прошу бардзо! Как раз на три пальца. Извините, льда у нас нет. Панове! Угощайтесь! Выпейте по рюмке монопольной водки... Царские рецепты изготовления русской водки сохранились, поверьте, только в Польше и Финляндии. Мой первый тост: я пью за здоровье нашего славного гостя и союзника капрала армии Его Величества короля Англии Юджина Вудстока!..

- Нех жие! - нестройно грянули "аковцы".

- Благодарю вас, джентльмены, - невесело усмехнулся Вудсток. - Сначала вы хотели расстрелять меня как агента Эн-ка-ве-де, а теперь пьете за мое здоровье!

- Не будем вспоминать старое, пан капрал, - почти умоляюще проговорил майор, выпив и отирая усы. - Великолепное зелье! Восемьдесят градусов!

Капрал пил виски по-английски - небольшими глотками.

- Вы ошибаетесь, майор, - пояснил он между глотками, - у нас крепость виски и других крепких напитков определяется не по градусам, а по плотности. Это виски немного крепче вашей водки. - Остатками виски он смочил обожженную руку.

- Вы пили нашу водку, капрал?

- Да, меня угощали ею мои русские друзья.

- Ваши русские друзья? Как вы к ним относитесь?

- Вполне лояльно. Ведь мы союзники. И мне, солдату, нет дела до трений в верхах между нашим Уинстоном, Эф-ди-ар... то есть Рузвельтом, и дядей Джо - маршалом Сталиным. Как вам известно, переговоры Черчилля с кремлевскими лидерами в средних числах октября прошли весьма успешно...

- Понимаю, понимаю! Вы восхищаетесь победой Советов в Сталинграде...

- О, Сталинград!..

- ...и слепо помогаете победе коммунизма во всей Европе. Верьте, придет время, и вы горько пожалеете об этом...

- Политика меня, солдата, мало интересует... Но вклад в победу над Гитлером наших русских союзников...

- Но ведь мы с вами тоже союзники - вы, англичане, и мы, поляки...

- Конечно!

- А вы договариваетесь с дядей Джо за спиной Польши и за ее счет!.. История вас сурово накажет. Просто удивительно, какая муха укусила Черчилля, который никогда раньше не заблуждался насчет большевиков...

- Я попросил бы вас...

- Извините! Я увлекся. Но я знаю, что говорю, и отлично помню, какие указания мы получали из Лондона. Однако уже поздно, - он взглянул на золотые часы "Лонжин". - Полночь, Панове! Пан Шиманский, вы, кажется, спешили домой?

Шиманский вскочил как ужаленный, поставил на стол свой пустой стакан.

- Так и есть. Очень спешу. Меня ждут дома. - Он подошел к капралу Вудстоку. - Пожалуйста, простите меня, капрал, я обжег вас сигаретой. Поверьте, я с самого начала понял, что вы настоящий, хотя и не совсем типичный англичанин...

- Прощайте, пан Шиманский! Прощайте! - довольно бесцеремонно прервал его пан майор. - Благодарю вас.

Когда пан Шиманский, откланявшись, бесшумно прикрыл за собой дверь, майор пододвинул свое кресло к креслу капрала Вудстока и с минуту молча смотрел на него, барабаня пальцами по столу. Капрал, взглянув в напряженные глаза майора, сразу понял, что сейчас и начнется самое главное, что все остальное было лишь увертюрой...

- Ну как идут дела в Лондоне? - спросил пан майор. - Немцы трубят, что они превратили Англию в руины с помощью своего "чудо-оружия" - "Фау-2".

- Слухи о нашей гибели, как говорится, несколько преувеличены, - сухо, сдержанно улыбнулся англичанин. - В свой последний вечер в Англии я слышал такую шутку... Самый хитрый немец - Франц фон Папен: как странствующему послу "дер фюрера" ему не приходится жить в Германии... А в Англии - в Англии, джентльмены, жить можно. За войну мы потеряли меньше людей, чем от несчастных случаев на дорогах.

- Скажите, капрал, - живо подхватил майор, - правда ли, что Советы возмущены тайными переговорами фон Палена в Анкаре с представителями Англии и Америки? Будто бы немцы предлагают вам мир, если только вы развяжете им руки на Востоке?..

- Я не политик, а солдат, господа, - ответил Вудсток. - Но, по моему разумению, глупо идти на мировую с битым Гитлером сейчас, накануне нашей победы, раз мы не сделали это, когда Рудольф Гесс прилетел к нам в трудном сорок первом и мы посадили его в Тауэр. Исход войны уже решен.

- Разве вас не инструктировали в Лондоне, как относиться к представителям различных польских партий, левых и правых?

- На занятиях я усвоил только, что этих партий бесчисленное множество три партии на каждых двух поляков. Впрочем, я думаю, что моему командиру все эти партии были отрекомендованы более подробно.

Браво, капрал Вудсток! Ты избрал самый правильный тон, ведь ты унтер-офицер армии великой державы и как таковой смотришь со снисходительной иронией на мышиную возню этих лилипутов-поляков, мнящих себя политиками.

- Видимо, так оно и было, - согласился майор с ноткой оскорбленного достоинства в голосе. - Надо полагать, что ваш командир получил полную информацию от британской секретной службы о сложном политическом спектре в Польше. Я слишком уважаю вашу Сикрэт Интеллидженс сервис, чтобы думать иначе. Разобраться в польской политике нелегко. Я думаю, что в Польше вряд ли найдется такой политик, который бы мог безошибочно перечислить все наши партии и группы слева направо и справа налево. - Он помолчал, переглянулся с капитаном. - Думаю также, что перед вашим командиром была поставлена какая-нибудь антисоветская цель. Иначе зачем вам делать за русских их работу здесь - воевать против Гитлера! Мне наша задача ясна: множить наши силы, держать винтовку к ноге, пока не пробьет час решительного выступления против Советов. Вот тогда, под занавес, мы пустим в ход наше оружие, чтобы выбить оружие из рук рабоче-крестьянского быдла и спасти Польшу!

Он помолчал, собираясь с мыслями.

- Скажите, пан капрал, - медленно, глядя на тлеющий кончик сигареты, снова начал пан майор. - Это верно, что ракеты "Фау-2" доставляют лондонцам немалые неприятности?

- В Лондоне, - ответил капрал, - мне давно, увы, не приходилось бывать...

- А где же вы были все эти месяцы? - притворно удивился майор.

- На специальной подготовке где-то, как говорится, в Англии, обезоруживающе и простодушно улыбнулся капрал. - Но родные писали мне, что им ужасно действуют на нервы бесконечные воздушные тревоги, пронзительный рев приближающихся "Buzz Bombs" - самолетов-снарядов. А эти "Фау-2" еще хуже: они падают как гром среди ясного неба...

- Что вы можете сказать о размере разрушений?

- Это, как вы понимаете, военная тайна. Вам, однако, я могу сказать следующее: даже если бы эти разрушения были втрое больше, они не поколебали бы нашу решимость довести войну до победного конца. Мы, англичане, считаем, что "чудо-ракеты" Адольфа могут продлить войну на год, на два, они могут убить

много людей, но они не отнимут у нас победу.

- А это верно, капрал, - раздельно, многозначительно произнес пан майор, - что у нас нет никакого контроружия против ракеты "Фау-2"?

- Мы довольно успешно бомбим стартовые площадки и сбиваем "Фау-1>...

- Однако сотни ракет "Фау-2" продолжают падать на Лондон, а также на Антверпен, Брюссель и Льеж,, на войска англо-американцев, и наверняка ваша разведка дорого бы заплатила за список заводов и экспериментальных полигонов и за все прочие секреты "Фау-2"?

- Наверняка! - охотно согласился капрал. - Не скрою, что среди задач нашей группы ракеты фигурировали на первом плане.

Майор встал, торжественно выпрямился, одернув мундир:

- Господин капрал! - произнес он с пафосом. - Как ваш союзник я счастлив сообщить вам, что мы можем добыть для вас эти ценнейшие сведения! Да, да! Не удивляйтесь. Вам и нам невероятно повезло: эти данные уже почти в наших руках!

- Джентльмены! - воскликнул капрал, оправившись от изумления. - Я передам любые ваши сведения своему командованию в Лондоне! Смею заверить вас, что ваши заслуги будут должным образом отмечены командованием вооруженных сил Его Величества! Но вы говорите "почти"?..

- Да, почти! Но прежде вы должны поклясться нам, что ни слова не расскажете русским о наших делах.

- Клянусь честью британского солдата и разведчика!

- Отлично! Капрал! Эти документы находятся в руках у одного немца, военного инженера. Последние победы союзников наглядно показали ему, что он поставил не на ту лошадь, что теперь надо ставить не на Адольфа, а на сэра Уинстона! Вы понимаете, что мы, польские патриоты, враги Германии и России, передали бы бесплатно вам эти документы, но этот немец... - Пан майор красноречиво потер пальцы, будто ощупывая банкноты.

- Этот ваш немец любит фунты стерлингов больше, чем рейхсмарки, понимающе улыбнулся капрал. - Что ж, этот "джерри" не дурак. Я запрошу Эм-ай-сикс, но сначала я должен убедиться в добротности товара, который нам предлагает этот немец.

- В этом вы убедитесь сейчас же, - все тем же торжественным тоном произнес майор. - Мы со своей стороны настолько убеждены в своей правоте, что осмеливаемся - да, осмеливаемся, выдвинуть наше условие. Денег мы принципиально не просим, но мы не хотим, не можем оставаться на польской земле, которая очень скоро будет захвачена нашим исконным врагом, мы хотим,

чтобы вы отправили нас - меня, капитана и одного подпоручника - самолетом в Англию. Как метко заметил один ваш писатель, убегая от войны из Англии в Америку, лучше быть живой крысой, чем тонущим кораблем. Но мы будем бороться, мы отдадим себя в распоряжение польского эмигрантского правительства в Лондоне!

- Прекрасно! - помедлив, сказал капрал. - Я сообщу начальству о вашей просьбе. Решение, очевидно, будет зависеть от ценности ваших документов для Лондона.

- С вами приятно иметь дело, господин капрал, - натянуто улыбнулся майор. - Клянусь авторитетом офицерского мундира и честью кавалера креста "Виртути милитари", что ни вы, ни ваше командование не раскаетесь в этой сделке! Вот образчик и опись этих документов.

Несколько театральным жестом майор достал из левого нагрудного кармана, над которым поблескивал серебром и золотом его крест, два вчетверо сложенных листа и положил их перед капралом. Капрал Вудсток развернул первый листок, пробежал глазами по рукописным строкам, написанным по-немецки чернилами и сверху по-польски карандашом:

"Опись сверхсекретных документов.

1. Карта Германии и оккупированных территорий с указанием дислокации заводов, экспериментальных баз, стартовых установок "Фау-2".

2. Авиационная карта района ракетного института в Пенемюнде.

3. Бортжурнал с наблюдениями над запуском ракет "Фау-2".

4. Общие сведения о ракете "Фау-2". История ее создания.

5. Сведения из технического паспорта ракеты "Фау-2".

6. Принципиальная и скелетно-монтажная схемы "Фау-2".

7. Использование каторжного труда иностранных рабочих и гитлеровские зверства, связанные с программой "Фау-2".

8. Другая военная техника, над которой ведется работа в Пенемюнде: 4-тонная жидкостная ракета типа "У-2"; истребительные ракеты для воздушного боя "Х-4", и "Х-4М", ракеты, запускаемые с подводных лодок; противотанковые ракеты "панцершрек" и "фаустпатрон"...

9. Газотурбинные двигатели для реактивных, истребителей "Ме-262" на заводе Миттельверке... "Человеко-торпеды"...

Сдерживая внезапную дрожь в руках, капрал Вуд-сток взглянул на второй листок, также исписанный по-немецки и по-польски:

"Фау-2". Общая характеристика. Длина 12 метров, стартовый вес 12,6 тонны. Стальная боеголовка со взрывчаткой - одна тонна,

горючее - этиловый спирт и кислород - 8,9 тонны... Основные части ракеты "Фау-2": боеголовка с запалом, приборный отсек, кислородный бак со спиртовым трубопроводом в центре, бак с перекисью водорода (Н202), нагнетатели и сопла, камера сгорания... Общее устройство ракеты, ее тактико-технические данные...

Он поднял глаза на бледного от напряжения майора Армии Крайовой, прочистил стиснутое волнением горло.

- Мне кажется, что мое командование заинтересуется этими данными. Я сегодня же сообщу в Лондон о ваших условиях. Разумеется, необходимо передать и эту опись.

Пан майор явно стремился взвинтить цену на предлагаемый союзнику товар:

- Пан капрал простит меня, надеюсь, если я позволю себе заметить, что он, по-видимому, далеко не в полной мере представляет себе важность этой информации. Речь идет не только о спасении жизни ваших соотечественников, женщин и детей вашего родного Лондона, которому продолжает угрожать "оружие возмездия". Речь идет об изменении всего хода второй мировой войны! Нам известно, что Гитлер заявил этим летом своим генералам, что новое оружие окажет на англичан максимум морального давления и' заставит Великобританию запросить мира у Германии. Переговоры о таком компромиссном мире уже готовятся между СД, контрразведкой СС и контрагентами Англии и США. Шеф СД Вальтер Шелленберг надеется, что правительство Черчилля не только пойдет на сепаратный мир и развяжет фюреру руки на Востоке, но и само примет участие в последнем крестовом походе против большевизма. Не скрою, что мы, представители так называемой санационной Польши, приветствовали бы такой поворот в войне, но первый долг наш предоставить нашему великому союзнику всю разведывательную информацию, которую мы только сможем добыть. Теперь пан капрал понимает, почему Гитлер тратит миллиарды рейхсмарок на новое оружие. И почему наш контрагент - немец, желая превратить секреты в деньги, просит изрядную сумму, которая, однако...

- Сколько же он просит? - рубанул капрал Вудсток, глядя прямо в неуловимые глаза майора.

- Один миллион фунтов стерлингов, - почти прошептал майор, облизнув кончиком языка сухие губы.- В конце концов, вы теряете не меньше, а больше миллиона после каждого налета, каждой бомбардировки Лондона ракетами...

Капрал в изумлении присвистнул.

- Судя по моему жалованию в Эм-ай-сикс, - усмехнулся

Вудсток, - вряд ли мой шеф располагает такими деньгами. Но я свое дело сделаю - запрошу Лондон. Бедные британские налогоплательщики! Какой удар по их карману!..

- Крайне важно, - добавил майор, кисло улыбнувшись шутке Вудстока, чтобы ваше начальство в Лондоне не медлило с ответом. Наш контрагент немец, нетерпелив, и у него легко могут найтись другие покупатели.

- Американцы? - слегка нахмурился Вудсток.

- Да, американцы! - веско произнес майор, довольный произведенным впечатлением. - Дело в том, что СС-оберштурмбаннфюрер Отто Скорцени, тот самый, что выручил из плена дуче Муссолини, сейчас работает над повышением точности попадания ракет "Фау-2" путем создания ракет, пилотируемых смертниками. Вы, вероятно, уже слышали о японских летчиках-камикадзе. Вот Скорцени и решил применить опыт японцев. Пилотируемые смертниками-эсэсовцами ракеты будут доставлены на новых электрических подводных лодках к Нью-Йорку. Вот когда Манхэттен превратится в самое большое в мире кладбище, американцы тоже запросят мира!

- Этот Скорцени не лишен воображения! - проговорил капрал Вудсток, ломая спички вдруг одеревеневшими пальцами.

- И это еще не все! - драматически воскликнул майор. - У нашего контрагента, возможно, найдутся и русские покупатели, ибо немцы готовятся применить новое оружие и против русских. Немцы собираются направить несколько волн бомбардировщиков-ракетоносцев дальнего действия на Москву и Ленинград, на крупнейшие промышленные города и районы: Горький, Ярославль, Куйбышев, Магнитогорск, Челябинск, Донбасс! Над целью ракеты отделятся от самолетов, и пилоты-эсэсовцы поведут их прямо на главные нервные центры, на электростанции и домны. Этим способом Гитлер надеется нокаутировать Россию!

- Таким образом, - сказал, вставая, капрал Вудсток, - эта бесценная информация будет как бы продана с аукциона тому, кто больше даст за нее?

- Да, - ответил майор, также вставая, - такова позиция нашего контрагента, хотя он, так же как и мы, естественно, тяготеет к западным державам. Что же касается лично нас, то мы всем сердцем преданы Англии и счастливы, что можем быть полезны для вас. Но не спешите уходить, пан капрал. Сначала мы должны как следует выпить за успех нашего предприятия. Пожалуйте в столовую.

Капрал Вудсток вошел первым в небольшую, но прекрасно обставленную столовую и остановился как вкопанный у порога. Там был стол, накрытый на четыре персоны. Накрахмаленные

белые салфетки, фарфоровый черный с золотом столовый сервиз с фамильным гербом. Бутылки, бутылки с немецкими этикетками: рейнвейн, мозельское, кирш, штейнххегер. И крученые свечи в изящных серебряных подсвечниках, две красные, две черные. Откуда-то поплыли приглушенные звуки шопеновского ноктюрна.

Пан майор подошел к одной из дверей, одернул мундир с аксельбантами и серебряными галунами на воротнике и тихонько постучал в нее:

- Панна Зося! Мы ждем вас!

Дверь почти тотчас раскрылась, и в столовую вплыла - именно вплыла, а не вошла - стройная белокурая красавица в длинном декольтированном белом батистовом платье. Ей было лет девятнадцать-двадцать, не больше, но держалась она уверенно, гордо, даже надменно, как какая-нибудь Потоцкая или Радзивилл. Она небрежно протянула изящную руку для поцелуя капралу Вудстоку, и тот, застигнутый врасплох, помедлив, не спуская восторженных глаз с девушки, не поцеловал руку, а неуклюже пожал ее.

Панна Зося была, пожалуй, чуть широковата в плечах. Над затененной ложбинкой, убегающей под белый батист, поблескивал католический золотой крестик.

- Добрый вечер, капрал! - с иронической улыбкой певуче произнесла девушка по-английски. - Я рада, что это маленькое ночное пиршество не стало вашими поминками. Кстати, я приготовила вам ужин по английской кулинарной книге - ростбиф и пудинг по-йоркширски!..

- Мисс Зося! У меня нет слов... - промямлил потрясенный капрал.

- Садитесь, садитесь, капрал! - рассыпался майор. - Конечно, мы не можем вам предложить омаров, лангустов и устриц!..

Сели за стол. Майор, с почти отеческим благоволением глядя на растерявшегося англичанина, зажег свечи, выключил половину ламп в люстре над столом. Спохватившись, капрал отодвинул стул, помог панне сесть...

- Выпьем за нашу дружбу, за тесное сотрудничество! - вскоре громко провозглашал тост заметно захмелевший от виски майор. - К дьяволу ваши подозрения, капитан! Я поверил в капрала с той самой минуты, когда он сел в машину... Ведь я старый разведчик! Пан капрал понимает, разумеется, что мы не могли протянуть ему руку без всесторонней проверки. Ротозейство и доверчивость в нашем деле нетерпимы. Пану капралу будет, вероятно, интересно узнать, что до войны, еще при коменданте, то есть при маршале Пилсудском, я сначала долго работал в контрразведке - дефензиве, специализировался на борьбе с коммунистами, а

потом меня направили в "двуйку" - нашу разведку. Вот где я научился человековедению! В разведке я нашел самого себя - там нужны люди с интеллектом острым как бритва, с моралью, лежащей по ту сторону добра и зла. Подкуп и шантаж, тайные интриги, ловушки и западни, виртуозная игра на человеческих слабостях и пороках... Вам я могу это сказать: я имел честь работать в Берлине с самим Сосновским. Это был блестящий гроссмейстер разведки, но его погубили самоуверенность, доверчивость и любовь к деньгам. Дела наши шли прекрасно, мы имели доступ в сейфы германского военного министерства на Бендлерштрассе. Но немецкая контрразведка подсунула нам своего агента-провокатора, который выдал себя за французского разведчика. А деньги у нас были на исходе, Варшава, как всегда, скупердяйничала, как старая бандерша, - прошу прощенья, панна Зося, - вот Сосновский и решил продать букет немецких военных секретов французам. Сделка состоялась на Силезском вокзале в Берлине, в зале ожидания первого класса, и обоих сразу же накрыли гестаповцы. Я едва унес ноги. Немцы взяли почти всех наших агентов в Берлине за какие-нибудь десять минут! Какая это была сенсация! Вы, верно, видели фотографии подполковника Сосновского в тогдашних газетах? Хотя вы тогда еще в школу ходили... Высокий, отлично сложенный, рыцарского вида красавец, светский лев, перед которым не могла устоять ни одна женщина, таким был полковник Сосновский.- Он бросил красноречивый взгляд на Зосю. Вскружив голову какой-нибудь пруссачке, этот донжуан в сногсшибательной форме польского офицера становился ее любовником, виртуозно развращал ее, искусно растлевал морально, превращал в свое послушное орудие. - Панна Зося насмешливо улыбнулась, глядя на капрала из-под приспущенных ресниц. - Это было золотое время! Кутежи в отеле "Адлон", лучшие рестораны, умопомрачительные женщины! Лучшие дни моей жизни! "Вдова Клико" и русская икра... и вдруг - крах!

- Да вы поэт, сэр! - в восхищении воскликнул капрал.

- Если хотите, я действительно поэт. Только, подобно Андре Жиду, я дал обет молчания на весь период войны...

- Какая ужасная потеря для польской литературы, - мило улыбнулась панна Зося. - Я не согласна с вами, ваше сиятельство. Еще первая мировая война установила парадоксальный прецедент: военная поэзия процветает во время войны, а военная проза - после войны. Впрочем, ваши рассказы о шпионаже слушать интереснее, чем ваши стихи. Продолжайте, граф!

Она подняла фужер с каким-то легким, игристым вином, чуть улыбнулась иронически над хрустальной кромкой дорогого

тонконогого бокала. Свет свечей волшебно дробился в хрустале, лучились глаза панны Зоей.

Майор уязвленно умолк на минуту, уставившись широко открытыми глазами на почти неподвижное пламя свечи.

- Мисс Зося назвала майора графом, - проговорил капрал, вытерев губы белоснежной салфеткой.

- О, не обращайте внимания на мой титул, - заскромничал шляхтич. Впрочем, не скрою: я лично воюю за восстановление независимого польского государства с наследственной монархией, как у вас, капрал, в Англии. Я воюю, - тут он гордо приосанился, - за восстановление своего титула и родовых прав. Мои предки принадлежали не к "загоновой" шляхте, а к магнатерии! Я пью за королевство польское!..

- Вы не закончили свой рассказ о Сосновском, - напомнил капрал, осушив бокал.

- Ах да!.. Так вот, одна из любовниц Сосновского, секретарша генерального штаба вермахта, вызвала подозрение у... министерского привратника на Бендлерштрассе. Девушка в прошлом скромная и бедная, она начала носить дорогие платья, шубы и подолгу засиживалась после работы за пишущей машинкой. Привратник заглянул раз к ней, увидел раскрытый сейф, ее испуганное лицо. Он поделился своими подозрениями с ее шефом, полковником. Тот стал следить за ней, заметил исчезновение папки с планами генерального штаба... - Майор покрутил в руках нож марки "Зо-линген". - А денег у нас становилось все меньше. Произошла обычная в разведке трагедия. Чем обильнее, важнее и точнее становились сведения, пересылаемые нами в Варшаву, тем меньше верило наше начальство Сосновскому. Варшавские умники, кабинетные разведчики, эти герои от геморроя, решили, что немцы водят за нос Сосновского, подсовывая ему фальшивую информацию через подставных лиц. Наши завистники урезали наш бюджет. А что можно сделать в разведке без денег?! Тогда-то мы и решили продать кое-какие данные союзникам: французам да и вам, англичанам, тоже. Кстати, обязательно передайте привет от графа Ве-лепольского вашему достопочтенному шефу из Эм-ай-сикс. По фамилии он меня вряд ли вспомнит, а по кличке найдет мое досье. Кличка: Гриф II. О, я всегда был англоманом. Я уверен, что наше заочное знакомство послужит поручительством за те сведения, которые я ныне предлагаю вашему шефу. Капрал слушал графа не без некоторого удивления: хорош разведчик, становящийся патологическим болтуном после нескольких рюмок.

- Ну а что стало с Сосновским? - спросил капрал, с трудом

отрывая взор от прекрасной Зоей.

- Сосновский, как говорят англичане, пережил свою полезность. Две любовницы из берлинского гарема Сосновского были казнены. Гитлер отклонил прошение о помиловании. Сосновского немцы обменяли на целую группу своих агентов, арестованных нашей дефензивой. Может быть, вы думаете, что этот блестящий разведчик, добывший для нашей возлюбленной отчизны планы ее разгрома Германией, получил у нас по заслугам? Ошибаетесь. Увы, комендант маршал Пилсудский в тридцать пятом умер, мы не могли апеллировать к нашему благодетелю. По одним слухам, - тут майор потупил глаза, - Сосновского поставили к стенке сразу же после обмена по приказу Рыдз-Смиглы. По другим посадили в Модлинскую крепость, где его расстреляли немцы в сентябре тридцать девятого. Типичная судьба разведчика!.. На нашей с вами, капрал, разведывательной стезе и не то бывает! Главное, сорвать банк и вовремя выйти из игры! Эх, давайте выпьем по последней! Уж полночь...

- Надо собираться, граф, - промолвил капрал, потягиваясь. - У меня скоро сеанс с Лондоном.

Свечи наполовину догорели. Тревожаще лучились устремленные в него синие глаза панны Зоей большими черными зрачками с наполовину закрытыми голубоватыми верхними веками. Мысли капрала разбегались, в голове громко, слишком громко шумело вино. Но он не боялся ничего - ни вина, ни смертельной опасности, подстерегавшей его в этой уютной столовой, ни этих уже как будто поверивших в него врагов. Он трусил, позорно трусил перед одной только панной Зосей, такой непонятной и неприступной. Потому что всем своим нутром чуял, что нет такого уголка у него в душе, куда не смогла бы заглянуть своим чуть ироническим, с ума сводящим взглядом эта польская дива.

- Скажите, капрал, - спросила она, глядя на него и только на него синими глазами, в которых трепетали язычки свечей, - скажите, Юджин, что вы больше всего любите на свете: родину, женщин или славу?

И капрал, захмелев не только от очаровательных глаз панны Зоей, ответил как никогда прежде в жизни:

- Родину, мисс Зося. И женщин, мисс Зося. И славу, мисс Зося! Ибо сказал еще француз Шамфор, философ и острослов, что блажен тот человек, которым движет не тщеславие, а славолюбие. Эти чувства, говорил Шамфор, не только различны, но и противоположны. Первое - мелкая страстишка, второе высокая страсть. И заключает Шамфор: между человеком славолюбивым и

тщеславным такая же разница, как между влюбленным и волокитой. Вот такую страсть я положил бы на алтарь женщины и родины, мисс Зося!

Что-то вздрогнуло в миндалевидных Зосиных глазах. Может быть, пламя свечей...

- Договоримся, капрал, о нашей следующей встрече, - предложил майор.

Решили встретиться послезавтра в девять вечера на том же месте у Бялоблот.

- Друзья! - воскликнул капрал, вставая и пошатываясь. - Какая жалость, что вы не можете отвезти меня домой на Грин Гарденс. А может быть, вызвать такси, а?.. - Он зевнул. - Простите меня, джентльмены, но у нас говорят, что солдат спит как бревно, а мне уже давно пора превратиться в бревно...

Майор и капитан бережно усадили в черный "опель" захмелевшего капрала армии Его Британского Величества.

12. Из записей Старшого

"...В дни Сталинградского побоища, когда Дорнбергер и Браун осаждали рейхсминистра вооружений Шпеера с просьбой разрешить нам строительство первой площадки для запуска "Фау-2" на берегу Ла-Манша, я начал понемногу прозревать, невольно задумываясь о судьбе армии фельдмаршала Паулюса, об ужасах войны, от которой я прежде чувствовал себя так далеко. Дорнбергер и Браун вернулись тогда из Берлина со смешанными чувствами: Шпеер сообщил им, что фюрер по-прежнему не верит в ракеты, но он, Альберт Шпеер, приказал военно-строительной организации доктора Тодта начать постройку гигантской катапульты... В борьбе за власть над ракетами все большую роль играли самонадеянные невежды из аппарата нацистской партии и их ставленники в министерстве вооружений. Вмешательство нацистских неучей и шпионов из службы безопасности едва не парализовало нашу научно-техническую работу. При министерстве вооружений Шпеер образовал специальный комитет по ракетам "Фау-1" во главе с Дегенкольбом, который прославился у нас как организатор производства локомотивов в годы войны. Это был его лозунг: "Все колеса катятся к победе!" Его завышенные, очковтирательские планы грозили сорвать всю нашу работу. При поддержке тузов-толстосумов, наживающихся на войне, Дегенкольб пытался превратить наш институт в частную акционерную компанию во главе с концерном из представителей компаний "Симменс", "Лоренц", "Рейн-металл" и даже АЭГ - германского партнера электроконцерла "Дженерал электрик"! Итак, воротилы нашего большого бизнеса решили нажиться на смертях лондонцев, убитых ракетами "Фау-2"!.. Это

был новый этап в моем прозрении...

- Сколько вы производили вначале ракет "Фау-2"?

- Дегенкольб с пеной у рта требовал, чтобы наши заводы сразу начали производить по триста ракет в месяц, но это было невозможно: ракеты не паровозы! Дорнбергер вновь обратился к Гитлеру и получил из ставки потрясающий ответ: "Фюреру приснилось, что ни одна "Фау-2" не долетит до Лондона". А своим снам фюрер верит больше, чем всем ученым мира!...

- Когда начали ракетчики применять труд иностранных рабочих и военнопленных?

- Дорнбергер еще в мае сорок третьего ставил этот вопрос. Гаулейтер Фриц Заукель обещал прислать нам сколько угодно рабов, но тогда Гиммлер запретил использовать иностранцев из соображений безопасности. Только этой осенью острая нехватка рабочей силы заставила рейхсфюрера СС согласиться на предложение Заукеля. "Остарбайтеры" и другие иностранцы работают у нас в горе Конштайн и в Пенемюнде. Теперь их заставляют работать и на заводах "Фау-1".

- Кстати, о "Фау-1" вы еще ничего не рассказывали.

- "Фау-1" не имеет никакого отношения к "Фау-2", хотя публика думает иначе и даже приписывает "Фау-1" тому же Брауну. "Фау-1" - это не ракета, а реактивный самолет, правильно называемый "Фи-103", или "Физилер-103", начиненный 800 килограммами взрывчатки. Работает этот самолет-снаряд по реактивному принципу только в атмосфере на смеси кислорода с воздухом. Миниатюрный пропеллер присоединен к счетчику оборотов, устанавливаемому на определенное число. Над целью счетчик действует наподобие спускового механизма, заставляя эту крылатую торпеду пикировать прямо на цель. Стоит "Фау-1" в десять раз дешевле нашей ракеты, 3800 рейхсмарок. Однако скорость "Фау-1" всего около шестисот километров в час. У нас же скорость исчисляется не километрами в час, а километрами в секунду. Как мы и предполагали, англичане научились обнаруживать "Фау-1" с помощью радара и сбивать самолет-снаряд в воздухе и с земли. У "Фау-2" масса преимуществ перед "Фау-1". Самое уязвимое место "Фау-2" - нехватка кислородных и спиртовых заводов...

- Самое уязвимое?

- Да, это ахиллесова пята "чудо-оружия". Не парадокс ли? Программа производства ракет зависит от урожая картофеля. Я понимаю, о чем вы думаете: хотите передать эту тайну своим, но это только мечты. Из этого подземного ада еще никто не выбирался..."

* Часть вторая *

1. Операция "Робин Гуд"

- Не мешало бы подробнее узнать об этих "аковцах", - сказал, проснувшись поздно вечером, Евгений.

- Через полчаса, - ответил Констант, пристально глядя на Евгения, должны вернуться Димка и Пупок. Я посылал их к Казубскому. Его заместитель Богумил Исаевич обещал навести справки - у него имеются свои люди среди офицерства АК.

- Черт возьми! - разозлился на самого себя Евгений. - Как же я об этом раньше не подумал! Констант усмехнулся:

- Не вечно же тебе, мой друг и соперник, быть первым во всем!.. А вот и они!..

Данные, добытые подпоручником Богумилом Исаевичем, оказались довольно исчерпывающими:

"Майор граф Януш Велепольский, около сорока пяти лет, участвовал в чине прапорщика Австрийской армии в 1-й мировой войне, вступил в чине хорунжего в Первую бригаду Пилсудского, в эскадрон "уланов малиновых". В составе Третьей армии под командованием генерала Рыдз-Смиглы участвовал в 1920 году во взятии Киева, награжден серебряным крестом ордена "Виртути милитари" и произведен в чин поручника, В мае 1926 года участвовал в уличных боях в Варшаве во время переворота Пилсудского. Был близок к адъютанту Пилсудского полковнику Валерию Славеку, За участие в качестве секунданта в дуэли в 1930 году капитан Велепольский был принужден подать в отставку. Перешел в польскую охранку - дефензиву, служил информатором, а затем следователем в Познаньском округе, а также в "кресах всходних", то есть на восточной окраине, а по-нашему - в Западной Белоруссии и Западной Украине, где опирался на осадников и легионеров. Отец Велепольского являлся "кресовым помещиком", владел большим имением в Белоруссии, где прославился как лютый и хитроумный враг всех прогрессивных элементов, преданный лакей князей Радзи-виллов и других польских магнатов. Поступил в 1934 году в "двуйку" второй отдел разведки. В том же году вступил в "Фалангу" - организацию польских фашистов, работал у польского военного атташе в Берлине. Об этом периоде его деятельности мало известно. Его шеф полковник Сосновский провалился и был, вероятно, убит "двуйкой" после того, как гитлеровцы обменяли его на своих агентов и выдворили в Польшу. Велепольский же получил чин майора. Войну встретил офицером агентурно-разведывательного отдела штаба армии "Познань". Вновь всплыл после разгрома бывшего Войска Польского в Армии Крайовой в 1943 году, работал в разведотделе штаба Бур-Коморовского, где заслужил репутацию беспринципного интригана и карьериста.

Подозревается в тесных связях с польской фашистской организацией польских националистов "На-родовы Силы Збройны". Не исключена в прошлом, а возможно, и в настоящем связь с СД-гестапо. Весной 1944 года действовал в районе Люблина и Хелма, где охотился за подпольщиками из ППР - Польской рабочей партии - и группами советских разведчиков и партизан Армии Людовой. Повинен в убийстве по крайней мере тридцати советских и польских разведчиков и партизан. Разгромил также и вырезал полностью еврейский партизанский отряд. После начала восстания в Варшаве по приказу главнокомандующего Армией Крайовой генерала графа Бур-Коморовского должен был пробраться в Варшаву из района Кутно, но не сделал этого, предвидя гибель штаба Кемеровского, пытался создать новый штаб АК. Его считают слишком реакционным даже для правого крыла Армии Крайовой. После таинственного убийства непосредственного начальника Велепольского последний был вызван на суд офицерской чести, но бежал с отрядом в провинцию Вартегау, стал уже не "аковцем", а просто бандитом. В отряде Велепольского сейчас насчитывается до сорока человек. Почти все офицеры-шляхтичи. Унтер-офицеры кадровики. Недавно майор заявил своим офицерам: "Хамы должны бояться нас больше, чем немцев! Советский Союз - враг номер один!.."

- Молодец Богумил! - с чувством сказал Евгений.

- Ничего себе партнер для поединка! - пробормотал Константин. Ясновельможное жулье, конечно, но вдвое старше тебя и втрое опытнее. Может быть, не стоит, Женя? Ты и так уже много узнал. Не лучше ли объединиться с Казубским и напасть на них внезапно?

- Во-первых, их вдвое больше, во-вторых, нам неизвестно, где они прячут эти документы, в-третьих, даже если тебя не убеждают "во-первых" и "во-вторых", я не пойду на попятный!.. Здесь силой не возьмешь, тут с умом надо.

Константин вывернул фитиль в фонаре. Лицо у Евгения потемнело, осунулось, глаза ввалились и даже сейчас, после долгого сна, лихорадочно блестели.

- Сколько у нас инвалютных тугриков в кассе для оперативных расходов? спросил у Константина Евгений, скобля щеки безопаской.

- Хоть шаром покати. Касса пуста. Одна мелочь осталась. Пятьсот двадцать шесть рейхсмарок ноль-ноль пфеннигов. И полпарашюта из перкаля. Перкаль нынче не хуже марок идет.

- Перкалем не обойтись. Мне до зарезу нужна кругленькая сумма.

- Сколько? - деловито осведомился Константин.

- Один миллион фунтов стерлингов, - небрежно ответил Евгений. - Или, на худой конец, та же сумма в долларах. Рейхсмарок прошу не предлагать.

- Хватит, Женька, дурака валять! Рассказывай по порядку. Я еще ночью хотел тебя расспросить, но ты что-то пробормотал и уснул как убитый.

Евгений взглянул на друга отчужденными глазами.

- Да что там рассказывать! - заговорил он. - Экзамен я выдержал, хотя осиновый кол был уже готов. Скажу одно: не хотелось бы мне все снова пережить...

И Евгению все пришлось подробно рассказать о необычайной встрече в доме СА-штурмфюрера фон Ширера унд Гольбаха и показать опись секретных документов. Константин схватил руку Евгения, взглянул на ожог.

- Ведь у них в самом деле могла быть связь с Лондоном. И такая связь может появиться у них в любой день, любой час.

- Но теперь-то мы знаем, что игра стоит свеч.

- Еще как стоит! Но где мы достанем такие деньги? Запросить Центр? Долгая волынка. Как убедишь наших в подлинности этих документов, если мы и сами в ней не убеждены! Начнутся вопросы, потом, возможно, захотят прислать специалиста. А тут погода нелетная.,. Миллион фунтов стерлингов!

- А что, если мы позаимствуем опыт у достославного Робин Гуда, хозяина Шервудского леса и земляка капрала Юджина Вудстока? Операция "Робин Гуд". Неплохо звучит, а?

- Грабил богатых и помогал бедным? - с сомнением произнес Константин Домбровский. - Руки марать...

- Что значит "марать"?! - возмутился Евгений. - А Камо помнишь? Помнишь, как Камо очищал при царе банки в Кутаиси и Тифлисе? Экспроприировал экспроприаторов!

Этот аргумент решил дело. Было решено незамедлительно, той же ночью выйти на "экс", приступить к операции "Робин Гуд". Перед выходом на задание Константин Домбровский подробно проинструктировал разведчиков:

- Помните! Деньги для нас такой же трофей, как оружие, как документы. Останавливайте на шоссе, по возможности без лишнего шума, идущие без охраны генеральские "хорьхи", "опель-адмиралы" и "мерседесы" с желтыми фарами. С мелочью - с "опель-капитанами" и "опель-кадетами" - не связывайтесь. Кстати, все вы были партизанами и отлично помните, что справиться всегда труднее с младшими офицерами, чем со старшими и их пижонами-адъютантами, которые давно отучились стрелять. По-русски и по-польски не говорить. В расход пускайте только крупных гадов. Особое внимание обращайте на закрытые машины банков и рейхспочты, хотя они вряд ли повезут ночью свои паршивые деньги. Берите, конечно, не только всю валютную наличность, но и военные документы, папки, портфели. В бой не ввязывайтесь. Нашумев, остановив три-четыре машины, убирайтесь подобру-поздорову. Да не приведите сюда погоню!

К этой речи Евгений прибавил, улыбаясь, следующие слова:

- Вперед, славные экспроприаторы экспроприаторов! Да осенит вас знамя Робин Гуда!

Евгений Кульчицкий начал с того, что подстрелил из "бесшумки" двух фельджандармов, обер-ефрейтора и ефрейтора, мчавшихся по мокрому от недавнего дождя автобану на мотоцикле с коляской. Затем он приказал Пупку поставить поврежденный БМВ у самого кювета, за которым шумел на ветру небольшой лесок, а сам вместе с Олегом надел фельджандармскую форму, напялив серо-зеленый дождевик, каску и повесив на грудь через голову медную бляху на цепи. Большая полумесяцем бляха зеленовато фосфоресцировала в темноте. Поблескивала тускло надпись: "Фельджандармерия". Евгений знал: из-за этих блях с цепями фельджандар-мов в вермахте называют "цепными псами"... В коляске мотоцикла Пупок нашел два трехцветных фонарика и пару каких-то круглых лопаточек на длинных ручках. Одна сторона лопаточки красная, другая зеленая.

- Чудак ты! - обрадовался Евгений. - Да этими лопаточками полевая жандармерия регулирует движение!

- Вот все, что я у них нашел, - сказал Пупок, - сто пятнадцать марок.

- Ну ловись, рыбка, большая и маленькая! - сказал Олег.

- Сегодня нам нужна только большая, - поправил его Пупок.

Вдвоем с Олегом они вышли на середину автобала, когда вдали показались желтые фары шестиместного серо-зеленого "мерседес-бенца", подняли красный сигнал, переключили фонарик на красный свет. "Мерседес" послушно остановился. Водитель опустил боковое стекло.

- В чем дело? - недовольным тоном спросил водитель, обер-ефрейтор. - Не видите, кого везу?

На двух передних крыльях "мерседеса" торчали генеральские флажки.

- Майне херрен! - запищал маленький сухонький генерал-арцт в зеленом мундире с золотыми арабесками на воротнике, когда Евгений стал шуровать в машине, вытряхивая белье из чемодана его превосходительства.

- А ну, коммен зи хир, гад! - приказал Олег, он же обер-ефрейтор фельджандармерии.

- Отставить! - вдруг бросил по-немецки Евгений, вытряхнув из чемодана белый халат.

Генерал-лейтенанта медицинской службы, главного врача госпиталя, отпустили с миром, конфисковав лишь браунинг "шмайссер" водителя и генеральский кошелек.

Уезжая, разгневанное светило германской военной медицины свирепо кричало из окна "мерседеса":

- Мерзавцы! Я всегда говорил, что фельджандармы бандиты. Цепные псы! Я буду жаловаться Гиммлеру!..

- Ну, сколько? - спросил Олег, когда Евгений кончил считать деньги. Что ты там "наэкспроприировал"?

Евгений вздохнул, а потом коротко рассмеялся:

- Двадцать шесть марок!

- Ну да! Вот так генерал! Хотя на что этому эскулапу деньги! Живет себе на всем готовом.

- Такими темпами мы и сотни фунтов не соберем к концу второй мировой, удрученно пробормотал Евгений, вглядываясь вдоль шоссе в сторону Берлина.

Во мраке вновь загорелись узкие щели маскированных фар. Из Шнайдемюля в Познань шла автоколонна - десяток грузовиков "опель-блитц", крытых прорезиненным брезентом. Этих пропустили.

Евгений остановил еще четыре машины в течение получаса. Останавливал только те автомобили, которые шли со стороны Берлина и Франкфурта-на-Одере, опасаясь, что расставшиеся со

своими бумажниками, портфелями, папками и полевыми сумками немцы поднимут шум в познаньском гестапо и оттуда вышлют погоню за подозрительными "фельджандармами". Конечно, познаньские гестаповцы вполне могли поднять тревогу по телефону, и тогда гестаповцев можно было ждать с любой стороны. Евгения успокаивало то, что гестапо в Познани, вероятно, уже получило тревожные сигналы из трех пунктов на трех шоссейных магистралях вокруг столицы имперской провинции Вартегау. Все же после каждой встречи на шоссе "джентльмены с большой дороги" на два-три километра уходили в сторону Берлина, чтобы уменьшить шансы столкновения с гестаповцами.

- Едут! - предупредил Пупок. - Жизнь или кошелек!

- Робин Гуд, - поправил его Евгенийˆ - говорил так: "Your money or your life or your big fat wife!". Это змачит: "Деньги, жизнь или толстую жену!"

Нет, им явно не везло. На минуту Евгений взбодрился, проверяя документы у одного старика штабсфельдфебеля в "пикапе", обнаружил, что имеет дело с казначеем какой-то познаньской комендатуры, но вместо денег в казначейском саквояже оказались расписки о сдаче почти полумиллиона рейхсмарок для выдачи месячного жалованья личному составу познаньской авиабазы, военного училища и полка тирольских стрелков. Но и эти деньги не помогли бы капралу Вудстоку. В бумажнике казначея он обнаружил какую-то мелочь, квитанции от переводов по денежному аттестату супруге штабсфельдфебеля в Дортмунд и... И вдруг в красном луче электрофонаря мелькнула знакомая капралу Вудстоку бородатая физиономия, удивительно похожая на бородатую физиономию Николая П. Физиономия его родича Георга V и надпись: "Бэнк оф Инглэнд". Да, это был английский фунт стерлингов. Но, увы, всего один только фунт. Мизерных двадцать шиллингов.

А Олег, который стоял наблюдателем, быстро подошел и шепотом доложил Евгению:

- Две легковушки со стороны Берлина. Драпаем?

- Зачем? Пропусти их! Прикрывай нас. Пупок, потуши свет в машине, обыщи казначея!

Две машины - двухместный спортивный "опель" и "рено" - промчались мимо. В Германии уже давно никто не останавливался на дорогах, чтобы помочь попавшему в беду автомобилисту или так, из любопытства. Обыск ничего не дал, кроме затрепанной пачки парижских открыток отнюдь не с видами Парижа.

Несмотря на ворчанье Олега, Евгений позволил уехать

казначею и его охраннику и водителю - до смерти перепуганному солдатику, но заставил их поехать в объезд. Машина рванула с места и помчалась по кочковатому полю, словно участвуя в гонках по пересеченной местности.

В последней, четвертой по счету машине - камуфлированном открытом штабном "мерседесе" с запасной шиной на скошенном капоте мотора, подгруппа Евгения взяла всего полтысячи марок, но на этот раз ей попались ценные документы - молодой СС-унтерштурмфюрер барон Кресс фон-унд-цу Катеряберг вез из ставки СС-рейхсфюрера Гиммлера в Пренцлау три секретных пакета, адресованные в штаб группы армий "А" генерал-полковника Йозефа Гарпе в Познани, командующему 9-й армией генерал-лейтенанту Генриху фон Лютвицу и СС-обергруппенфюреру Баху в Варшаве. Барон успел выхватить "вальтер", и его тут же пришлось застрелить, хотя Евгений рассчитывал подробно и обстоятельно побеседовать с фельдъегерем самого Гиммлера. Его водитель - штаффельман кинулся было удирать, но пуля Олега догнала старшего рядового СС за кюветом.

- Слишком много шуму из ничего. Пора сматывать удочки, - не без сожаления решил Евгений. - Прошу садиться, джентльмены удачи!

Невзирая на брюзжание недовольного Олега, Евгений сел за руль осиротевшего "мерседеса" и, съехав с автобана, погнал вездеход проселками в общем направлении к Бялоблотскому лесу. При этом он так неумело обращался с машиной, что возмущенный Олег, едва не высадивший лбом ветровое стекло, ухватился обеими руками за баранку и заорал:

- Дай я поведу! Чему тебя только в твоей спецшколе учили?!.

Евгений без сожаления уступил ему место за баранкой. Он и в самом деле был неважным водителем: учиться учился, а по-настоящему никогда ничего, кроме учебной "эмки" да еще "джипа", не водил. Что ж, большинство его товарищей вообще втискивали весь курс подготовки в неделю-две... Кроме того, ему не терпелось ознакомиться с трофейными документами.

Ничего сногсшибательного в пакетах из Пренцлау, несмотря на гриф секретности, к сожалению, не оказалось: начальник административно-хозяйственного отдела рейхсфюрера СС вносил какие-то нудные бюрократические разъяснения относительно денежного, продовольственного и вещевого довольствия в частях и соединениях, ранее переданных приказом за подписью генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля из резервной армии группе армий "А" и 9-й армии. Правда, один только перечень этих частей и соединений делал документ интересным для нашего

командования. Ведь именно этим частям и соединениям 9-й армии предстояло держать советские войска на Висле, Варте, Одере и драться за Берлин.

- Нам еще эта машина пригодится, - продолжал ворчать Олег, выжимая газ: - Я буду ее гонять вокруг Познани, а Верочка будет связываться по рации с Центром. Пусть тогда попробуют нас засечь господа немецкие "слухачи"!

В шести километрах от Бялоблотского леса по приказу Евгения Олег загнал штабной "мерседес" в заросший облетевшими кустами овраг и кинул спичку в бензобак.

- Жалко машину, - со вздохом сказал он через несколько минут, оглядываясь на костер в овраге. - На "виллис" похожа.

- Не станем же мы на гараж тратиться! - пошутил Пупок.

В землянке сразу же стали укладываться спать. Вера открыла глаза, обвела взглядом всю тройку экспроприаторов.

- Все в порядке, ребята? - спросила она шепотом.

- Факт, - ответил так же шепотом Евгений. - Мы по-прежнему почти так же бедны, как церковные мыши, но тебе есть назавтра работенка... Разбудили тебя? Извини. Спи! Спокойной ночи!

Константу Домбровскому повезло не больше. В первой машине он взял у эсэсовского штурмбаннфюрера из 3-й танковой дивизии СС "Мертвая голова" похожий на кисет кожаный мешочек с брильянтовыми брошками, золотыми кольцами и зубными коронками и двумя золотыми звездами Героя Советского Союза.

- Не успели мы разобраться с этим коллекционером, - рассказывал Констант, - как примчался и затормозил рядом с нами большой шестиместный черный "мерседес" - одна, видать, была компания. Наш штурмбаннфюрер заорал как зарезанный. Поднялся крик: "Хальт! Хенде хох!" и все такое. По мне ударили из автомата - очередь трассирующих мимо уха пропела. Тут Петрович шарахнул трассирующими по бензобаку - машина сразу загорелась, как факел, эсэсовцы из нее посыпались кубарем. В общем, пришлось уходить.

За завтраком подвели итоги операции "Робин Гуд". Благодаря захваченным документам картина дислокации гитлеровских частей в тыловом районе группы армий "А" генерал-полковника Гарпе значительно прояснилась. Но Евгения интересовал по-настоящему лишь один результат, весьма, увы, скромный: один фунт и двадцать пять долларов.

- Да разве это деньги! - сказал, жуя галету, Констант.- Очевидно, расчет наш оказался неверным. Валюту немцы туда-сюда по дорогам не возят, а прячут ее подальше или тайно переводят в банки Женевы, Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса. Операцию придется отменить.

- Но ведь нам еще может повезти! - горячо возразил Евгений. - Вспомни, как важно нам достать эти проклятые деньги! Ведь операция уже дала нам если не фунты, так ценные документы.

В условленный час капрал Вудсток встретился с Велепольским. Жгучее нетерпение было написано на лицах пана майора и пана капитана.

- Ну? Вы получили ответ из Лондона? - спросил майор, резво выскакивая из черного "опеля" под секущий дождь.

- Увы, нет, - развел руками капрал. - Здравствуйте, джентльмены!

Офицеры взяли под козырек. Фон Ширер вежливо поклонился, не покидая своего места за рулем.

- Но вы передали радиограмму о нашем предложении?

- Разумеется. Вчера в полдень. И опись передал.

В полдень Вера, подобрав новое место в лесу, километрах в пяти от землянки, действительно выходила на связь, только, конечно, не с Лондоном, а с радиоузлом штаба 1-го Белорусского фронта, который работал в то время уже где-то в Восточной Польше, не то в Мендзыжеце, не то в Бяла-Подляске. Капрал решил держаться поближе к правде, допуская, что у этих "аковцев" могла быть какая-нибудь тайная связь с немцами-слухачами из радиопеленгационных частей в Позене, Бреслау и Лицманштадте (Лодзи), которые почти наверняка засекли работу Вериной рации под Бялоблотами.

- Я сделал свое дело, а моим шефам, согласитесь, надо дать немного времени на раздумье. Моя родина, увы, уже давно не самая богатая страна в мире. Поверьте, джентльмены, я с не меньшим нетерпением, чем вы, жду ответа. Однако мне пришло в голову вот что... Не исключено, что, прежде чем купить ваш товар, мои шефы захотят взглянуть на него. Я передал им вашу опись документов, но ведь опись есть опись, сэр. А где сами документы?

Этот ход капрал Вудсток подготовил на тот почти неизбежный случай, если ему так и не удастся раздобыть миллион фунтов стерлингов.

- Хорошо, капрал, - с некоторым раздражением проговорил майор. - Вы получите образчик документов. Только, ради всего святого, поторопите своих шефов. С Востока идет коммуния хамов...

- И еще вопрос, сэр! Что, если командование сначала доставит вас самолетом в Лондон, а уж потом оплатит ваши документы?

Майор взглянул на капитана. Капрал ждал ответа на свой вопрос, затаив дыхание. Очень многое зависело от ответа майора.

- Нет, - ответил майор решительным тоном. - Нет, капрал. Вы забываете, что деньги нужны не нам, а немцу - хозяину этих документов.

- А что, если вам, сэр, отправиться в Лондон вместе с этим "джерри"? с надеждой воскликнул капрал.

- О нет. Немец предпочитает остаться на континенте. - Майор смахнул с щеки мокрый лист. - Давайте-ка сядем в машину, капрал. Дождь усиливается. Я весь промок.

Разговор продолжался в "опеле" под шум дождя.

- Будем откровенны, капрал, - вновь с раздражением заговорил майор. - Я слишком хорошо знаю методы вашей разведки. Поэтому я ни за что не посоветую нашему контрагенту отдать себя безо всяких гарантий и авансов в ваши руки. Наши условия остаются прежними. Сначала вы выплачиваете немцу-инженеру миллион, затем мы, я и капитан, летим в Лондон и передаем документы вашему шефу. А сейчас, капрал, я хочу пригласить вас к себе снова в гости. Ведь не откажетесь же вы от стаканчика виски в такую мерзкую погоду. Скоротаем время у камина...

- Опять у него в доме? - спросил капрал, кивая на коротко остриженный по эсэсовской моде затылок и торчком торчащие большие уши штурмфюрера.

- В доме нашего короля черного рынка? О нет. Мы не засиживаемся на одном месте. Кстати, вы можете говорить все, что угодно, при нем по-английски. Король не понимает ни бельмеса.

- А почему он, офицер, сидит дома и занимается фольксштурмом?

- Не столько фольксштурмом, мой друг, сколько крупными махинациями на черном рынке. Нам это на руку - он наша дойная корова. Год назад похоронил свою правую ногу на Восточном фронте, где-то под Могилевом. За это получил "Айзенкройц" - Железный крест первого класса. Теперь ходит на протезе.

- Чтобы он не знал, что мы говорим о нем, - сказал с мальчишеской улыбкой капрал Вудсток, - я буду называть его Лонг-Джон-Сильвером. Помните, майор, "Остров сокровищ"?

- Боже, как вы еще молоды, капрал! Молодость - это единственное, что не купишь и за миллион фунтов.

- Однако за миллион фунтов я бы, не продешевив, продал свою молодость, сэр!

- Продешевили бы, капрал, продешевили! Итак, едем?

- К сожалению, я вынужден отказаться, сэр. В следующий раз я с удовольствием...

- Вас даже не прельщает возможность встретиться с

очаровательной панной Зосей?..

- О, панна Зося, панна Зося! Знаете, я так и не понял, кто эта прекрасная девушка?

- Я ее опекун. Она служит подпоручником в нашем отряде. Боевая девушка. Участвовала в Варшавском восстании. Она дочь моего друга, офицера Первого легиона. Вместе Киев брали. Он погиб на дуэли. Она беззаветно предана мне...

- На дуэли? В наше время?!

- Вы не знаете нашей рыцарской Польши. Честь для нас дороже всего. Я был секундантом ее отца. Он умер у меня, несчастный, на руках, умоляя присмотреть за дочкой. А потом - какая ирония армейской судьбы! - я стал помощником его убийцы - командира полка Армии Крайовой!.. Именно панна Зося и будет третьим пассажиром в нашем самолете, когда мы полетим в Лондон. Жаль, жаль, мой друг, что вы не хотите ехать с нами.

- Я жертвую собой, отказываясь от встречи с панной Зосей, в ваших же интересах, майор. Я намерен неотлучно сидеть у рации, пока не получу ответ из Лондона. Теперь, когда я знаю, что панна Зося тоже полетит в Англию, я сделаю все возможное, чтобы оказать ей эту услугу. Я безумно счастлив, что панна Зося будет жить в Англии, где она знает только одного англичанина меня. Эта прекрасная девушка - подпоручник! Изумительно!.. Передайте ей самый горячий привет от меня!

- Когда мы встретимся, мой друг? - спросил майор, когда капрал Вудсток взялся за хромированную ручку дверцы.

- Приезжайте завтра в это же время и на это же место, - ответил капрал. - Если меня не будет, значит, ответа еще нет. Тогда встретимся здесь же в тот же час послезавтра.

- Прекрасно!

Пан майор, сняв перчатку из черной кожи, крепко пожал руку капралу. И даже ни слова не проронивший мрачный капитан тоже протянул ему свою руку, покрытую гусиной кожей.

- Честь имею! - с улыбкой сказал по-польски капрал.

- Честь! - ответил, козыряя, капитан.

Шагая быстрым шагом обратно в землянку, Евгений часто оглядывался и, останавливаясь за соснами, обшаривал глазами мокрый потемневший лес, дабы убедиться, что офицеры АК или их люди не пытаются незаметно для него идти за ним и выследить затерянную в лесу землянку. Но хвоста не было.

Евгений задумался, пробираясь частым ельником. Тугие ветви молодых елок, холодные и мокрые, хлестали по вымытому ледяным дождем и тускло блестевшему в поздних сумерках кожаному пальто. Вдруг он остановился и, заулыбавшись, радостно ударил в ладоши. Последние двадцать метров до

землянки он не шел, а бежал.

- Что такое? - прошептал Петрович, выскакивая из-за сосны с автоматом в руках. - Чего бежишь? Немцы? Тревога?

- Все в порядке, Петрович. Все хорошо, замечательно!

Он с ходу нырнул в люк, пулей проскочил по туннелю.

- Эврика! - на бегу крикнул он Константу, - Эврика!

- Что орешь, черт? - подскочил тот на нарах. - Ребята спать легли! Опять виски дул? Люк-то прикрыл как следует?

- Эврика! - потише сказал запыхавшийся Евгений, плюхаясь на нары. Нашел! Надумал!

- Надумал, как достать миллион? - скептическим тоном спросил Констант, подвертывая коптящий фитиль "летучей мыши". Он торжествующе улыбнулся. - А я, брат, надумал, как добыть эти самые документы, не платя ни фартинга, ни цента, ни пфеннига, ни гроша!

2. Из записей Старшого

"Был момент, когда начальство не знало, на чем остановить выбор: на "Фау-1" или на "Фау-2", но потом все обошлось, работа продолжалась параллельно над ракетами и над самолетами-снарядами. А 7 июля 1943 года Гитлер решил наконец всячески форсировать ракетостроение. Поражение на Курской дуге лишь укрепило его веру в спасительную силу "чудо-оружия". Седьмого июля Дорнбергер, Браун, Штейнер и я вылетели на бомбардировщике "Хейнкель-111" в Растенбург, в "волчье логово" - главную ставку Гитлера. В подземном кинозале недалеко от бункера самого фюрера продемонстрировали Гитлеру фильм об испытании "Фау-2". Кроме Гитлера, на этом сверхзакрытом просмотре присутствовали Кейтель, Йодль, Шпеер. Гитлер пришел в своей обычной форме - сером походном френче и черных брюках. Но сверху он накинул черный плащ с большим капюшоном. Он близорук, но стесняется пользоваться очками, поэтому сидел в первом ряду. Я едва узнал его: постаревший, сгорбленный, как старик. Комментарии к фильму давал языкастый фон Браун, который и тут, увиваясь мелким бесом, постарался быть на виду у фюрера. Когда фильм окончился и зажегся свет, все мы молча, затаив дыхание, уставились на фюрера. Он сидел развалясь, вперив взгляд в ничто, но, несмотря на всегдашний его сумрачный вид, было видно, что он необычайно заинтересован. С заметным волнением осмотрел он затем и настольную модель ракетных установок. Синие глаза его загорелись сатанинским огнем. Мне было страшно смотреть на него... Гитлер понял наконец, что получил в свои руки адское оружие огромной разрушительной силы. Он с жаром пожал руку генералу Дорнбергеру. Всех нас удивили его слова: "Теперь

Европа да и весь мир станут слишком маленькими для войны. С таким оружием человечество не выдержит войны!" И тут же спросил, нельзя ли вдесятеро увеличить взрывную силу ракет и увеличить их производство с девятисот до двух тысяч в месяц. Уж не собирался ли он уничтожить человечество?

- Что ответил Дорнбергер?

- Что для этого потребуется не меньше четырех-пяти лет. Мне кажется, что в тот день наш недоверчивый фюрер поверил в "чудо-оружие", бесповоротно уверовал, что сможет благодаря этому оружию разгромить всех своих врагов, сорвать открытие второго фронта и добиться победы в войне. Случилось невероятное: он даже извинился перед генералом Дорнбергером за прежнее недоверие. "За всю свою жизнь, - сказал ему Гитлер, - я извинялся только дважды. Первый раз - перед фельдмаршалом фон Браухичем. Прежде я не слушал фельдмаршала, когда он вновь и вновь говорил мне о важности вашего поиска. Теперь я извиняюсь перед вторым человеком - перед вами. Я никогда не верил, что ваша работа увенчается успехом". Я часто думал потом, что Гитлер потому и не развязал газовую войну, что возлагал с того дня все надежды на ракетное оружие.

Перед уходом фюрер поздравил фон Брауна как технического директора проектного бюро в Пенемюнде с присвоением ему звания профессора. Утром на обратном пути в Пенемюнде Дорнбергер вслух раздумывал над словами фюрера о повышении убойной силы наших ракет: "Чтобы наши ракеты стали всеуничтожающими, нужны новые виды энергии. Возможно, атомной энергии? Увы, это невозможно. Успехи, достигнутые в этом направлении научно-исследовательским отделом армейского управления вооружений, слишком мизерны. Вся эта работа сильно пострадала из-за разрушения норвежскими партизанами завода тяжелой воды в Норвегии. Понадобятся годы, чтобы сделать первые шаги, даже если бросить на это все силы...".

3. Операция "Король черного рынка"

- Хорошо, я первый расскажу о своем плане, - сказал Евгений, азартно блестя в темноте глазами. Он сбросил с себя мокрую кожанку, закурил, снова уселся на нарах. - Слушай! Мне еще вчера казалось, что я близок к решению нашей задачи, что нужно только что-то такое вспомнить, связанное с этими "аковцами". Потом твои слова: "Надо разведать, кто тут в округе богат". Что-то щелкнуло у меня в голове: "Чик!" Но щелчок был еще слишком слаб. Осечка вышла. А сейчас - новый разговор с "аковцами"... Я знаю, кого нам нужно тряхнуть!

- Погоди! - вдруг поднял руку Константин Домбровский. - Чтобы не было у нас с тобой никакого недоразумения, напишу-ка я тут

на бумажке фамилию одного человека... - Он раскрыл полевую сумку, достал блокнот, остро отточенный карандаш фирмы "Фабер" - цветные карандаши в сумке торчали как патроны в патронташе, - Готово. Дуй дальше, приятель!

- Я тебе рассказывал о том сейфе в библиотеке... Черный рынок! А черный рынок - это валюта, это фунты и доллары.

- Пока мы сыграли вничью, - усмехаясь и качая головой, проговорил Константин. - Взгляни на бумажку! На бумажке была нацарапана фамилия Ширер.

- Верно! - радуясь и досадуя, воскликнул Евгений. - В "яблочко" попал! Он самый, голубчик. Штурм-фюрер СА Вильгельм фон Ширер унд Гольдбах! Король черного рынка! Какой же он король, если у него нет хоть одного задрипанного миллиончика фунтов стерлингов. Экспроприация экспроприаторов! А. Ширер еще какой экспроприатор! Штурмовик, "старый борец", офицер СС, кровосос, фашист! Предлагаю сегодня же ночью устроить налет на его имение. Противопехотные мины у нас еще имеются: взорвем дверцу сейфа. Где сейф, я видел. Две шашки по семьдесят граммов хватит? Хватит. Нет денег в сейфе - перероем весь дом от чердака до подвала. Поговорим с ним по-мужски: кошелек или жизнь!

- А зачем этому фашисту жизнь оставлять?

- Поработает на нас, а придут наши - в "Смерш" сдадим. Пусть кончает войну в лагере.

- Да, пожалуй, с его помощью можно лишить фюрера целого полка фольксштурма.

- Вот именно! Используем его связи, выжмем его как лимон... Мы сможем его крепко держать в руках. Ну а твой план? - ревниво спросил Евгений.

- Похож на твой. Но я думал не о миллионе, а о документах. С чего ты взял, что этот Ширер миллионер? Твой пан майор где-то прячет документы. Не в том ли самом сейфе? И зачем нам платить деньги, отобранные у фашиста, другому фашисту - белополяку, когда мы и так можем забрать эти документы? В нашем деле я все-таки не признаю игры без правил. Считаю, что платить деньги этому гитлеровцу в таких условиях просто неэтично.

- Что же, Костя, - подумав, сказал Евгений, хлопая друга по плечу, твой план идет дальше моего - операции "Король черного рынка". Надо сочетать оба плана. Ширер прекрасно знает о том, что у него под боком действуют русские и польские разведгруппы, но вряд ли опасается налета - ведь его имение стоит почти на самом шоссе Познань - Берлин. Найдем деньги - хорошо, найдем документы - еще лучше.

- Одно плохо в наших планах, - заявил Констант. - Это наша королевская операция засветит тебя. "Аковцы" обязательно будут подозревать тебя как наводчика. После налета ты не сможешь показаться им на глаза - убьют как муху.

- Я об этом тоже думал. Игра осложнится, только и всего. Сделаем так, что подозрение падет только на тебя, Констант. В конце концов, и "аковцы" поймут, что Юджин Вудсток, капрал Его Величества, не отвечает за своих русских друзей.

- Узнаю тебя, коварный Альбион!

- В крайнем случае капралу Вудстоку, возмущенному действиями русских, придется перейти под крылышко пана майора графа Велепольского.

- Отставить! Ты сломаешь себе шею или, вернее, тебе сломают ее эти фашисты-белополяки, а документы, чего доброго, потом окажутся фальшивыми.

- Ты веришь в шестое чувство разведчика?

- Как тебе сказать...

- А я верю. Я убежден в подлинности документов и готов пойти на любой риск, чтобы добыть их.

- Пожалуй, ты прав, тогда медлить нельзя - приступим к операции "Король черного рынка". Попов и Олег, наденьте фельджандармскую форму.

- Да разве на меня она налезет? - проворчал Попов.

- Димкина беда, - вставил Пупок, - что все двухметровые эсэсовцы еще в сорок первом под Москвой сгинули.

- Авось и налезет! Один из фельджандармов был огромного роста. Женя, останешься за меня. Послушай Лондон, тебе полезно. Только расскажи-ка мне подробнее, где нам искать этот сейф!.. И покажи на карте, где проживает "король".

- Туда километров двадцать с гаком топать, не меньше.

- Ничего, дотопаем и до свету вернемся домой. За продуктами тоже тридцать километров за ночь туда и обратно, в оба конца топаем.

Евгений провожал тоскливым взглядом товарищей. Щелкали затворы автоматов, Петрович ругал Димку Попова, уронившего в песок запасной рожок. Олег выпросил у Веры маленькое круглое зеркальце, чтобы при свете "летучей мыши" поглядеть на себя в форме фельджандарма.

И вот ребята ушли. Все смолкло. Только песок шуршит в конце туннеля, осыпаясь на солому под только что прикрытым люком. В тесной землянке вдруг стало просторно, слишком просторно. Сиротливо выглядят вещи, оставленные ребятами: учебники и словари немецкого и польского языков под общей редакцией Отто Юльевича Шмидта, полотенце Петровича,

вермахтовское одеяло Пупка. Ушли ребята вроде и не на очень опасное дело, повел их осторожный и опытный командир, а сердце щемит, и обидно, что ушли друзья, а его, Евгения, оставили, как раненого или больного в санчасти.

- Ну что ж, Вера, - подавив вздох, нарушает тягостное молчание Евгений. - Давай послушаем Лондон, что ли.

Евгений включил приемник. Типичным для дикторов Би-Би-Си бесстрастным голосом англичанин читал в микрофон сообщение о продолжающемся обстреле Лондона и Южной Англии смертоносными ракетами. Лондон... Евгений любил этот город, город своего детства, любил его зеленые парки и памятники на площадях, тихие переулки со старыми домами диккенсовских времен, шумные улицы с двухэтажными автобусами и броскими комиксами в уличных киосках. В этом городе он ходил в школу для мальчиков на Райл-стрит, учился кататься на велосипеде в Гайд-парке, ездил с мамой смотреть достопримечательности Лондона и его окрестностей. Ходил с папой на могилу Маркса на Хайгетском кладбище. В этом городе - смешно и грустно вспомнить - он впервые, в десять лет, влюбился в девочку из советской колонии...

К утру Константа Домбровский не вернулся. Тревога охватила оставшихся в землянке.

- Чует мое сердце, что-то случилось! - подавленно произнесла Вера.

- Не разводи панику! - бросил ей Евгений, притворяясь вовсе не озабоченным. - Просто они не успели вернуться до рассвета, а днем Константа не станет шататься по здешним лесопаркам. Вот и все.

Послушав Лондон, он стал наизусть читать - для практики в произношении - стихи из "Чайльд Гарольда", потом Киплинга и Стивенсона.

А в голове против воли роились самые мрачные предположения. Ведь он, Евгений, ничего толком не знал об охране имения фон Ширера, да и путь к имению они не разведали как следует. Не нарвались ли ребята на засаду? Если что-нибудь случится, то это он, Кульчицкий, будет виноват. Раззадорил осторожного Константа, внушил ему, что нельзя терять времени, подбил на толком не подготовленную, сомнительную операцию. Константа впервые действует почти вслепую. Кому известно, хранятся ли у Ширера документы, подлинные ли они, водятся ли сейчас у "короля черного рынка" деньги, такой ли он дурак, что держит дома свои капиталы? Дьявольское уравнение со множеством неизвестных. Настоящая игра в жмурки. Можно ли рисковать друзьями на основании этого неуловимо-призрачного

шестого чувства, капризной интуиции разведчика?

Чем больше он терзался, казнил себя, ломал голову над операцией, тем больше видел в ней прорех. Всему виной мальчишеский азарт, переоценка своих сил, отсутствие должного хладнокровия и обстоятельности, дилетантская торопливость. Уж и война кончается, а разведывательной мудрости так мало прибавилось за три полных года в тылу врага. Совсем недалеко ушел он, Евгений, от желторотого семнадцатилетнего новичка ноября сорок первого года.

В эти часы, когда Евгений жарил себя на медленном огне самокритики, мысль Константа, закончившего к утру операцию, работала в диаметрально противоположном направлении.

Значит, есть еще, Костя, порох в пороховницах, говорил он себе, ликуя. Зря, выходит, подавал ты после последнего задания в Польше то заявление начальнику разведотдела, в котором просил откомандировать тебя на фронт, в войсковую разведку. Ссылался на полное отсутствие опыта разведывательной работы в Германии, на слабое знание немецкого и польского. Втайне завидовал Женьке - он прилично говорил по-немецки, поляки принимали его за "варшавяка", он отлично владел английским, хотя перед вылетом в Германию никто не представлял толком, как можно будет использовать в неметчине этот его "инглиш". А главное, Женька еще в детстве жил за границей, подышал ее воздухом, акклиматизировался там.

Предвоенная биография плюс знание языков плюс трехлетний опыт разведчика... Да и по психологии своей, по характеру вполне подходит он для этой головоломной работы. У него как бы выработались особые жабры, позволяющие ему дышать, жить, бороться во враждебной стихии гитлеровской Германии, без этих жабр можно обойтись в войсковой разведке: в поиск за линию фронта ты уходишь, как ныряет морской охотник, набрав побольше воздуха в легкие. Нырнул и вынырнул, чтобы перевести дух, отдохнуть. А в глубоком тылу немцев, в самом логове зверя, как для постоянной жизни на дне моря, нужны эти самые жабры. У него, Константа, пожалуй, тоже прорезались жабры, только не настоящие, искусственные. А у Евгения - и только у него одного в группе - жабры настоящие, потому-то он и плавает как рыба в воде, как человек-амфибия в кишащем акулами гиблом море "третьего рейха". Об Евгении Констант думал потому, что считал именно его основным сценаристом операции "Король черного рынка", себе он отводил роль режиссера.

На этот раз удача сопутствовала Константу с самого начала. Весь путь к фольварку фон Ширера он прошел ночью без всяких

происшествий. Высокие железные ворота оказались запертыми изнутри... Двухметровая каменная стена, утыканная наверху железными шипами и усеянная битым стеклом, казалась неприступной. Сначала Пупок перерезал телефонный провод. Затем вскочил на плечи Димки Попова и, покрыв шипы и стекляшки шинелями и куртками, первым перемахнул через стену. Вторым на стену влез бесшумно Олег, чтобы на всякий случай прикрыть товарища. Внезапно раздался басовитый собачий лай - в ночной тишине он показался громоподобным. Пупок увидел несущуюся к нему огромными прыжками большую собаку. Олег выстрелил в нее сверху из "бесшумки", но в эту минуту косой серпик луны скрылся за тучу, и он промазал. Не смея стрелять из автомата, Пупок пытался отскочить, схватился за финку в резиновых ножнах, но громадный зверь сбил его лапищами с ног, в лицо со свирепым рычанием ткнулась горячая мокрая пасть. Олег не рискнул выстрелить в бесформенную темную массу у стены. Не теряя ни секунды, выхватив трофейный кинжал, он слетел на землю, чуть не сломав Пупку ногу ниже колена, и изо всех сил ударил собаку кинжалом между лопаток. По самую коричневую деревянную рукоять вогнал в спину зверя обоюдоострое лезвие с черной надписью: "Аллее фюр Дойчланд" - "Все для Германии". С предсмертным булькающим хрипом собака грузно повалилась на бок, ощерив клыкастую пасть, суча ногами. Олег вытащил кинжал, вытер его о короткую шерсть собаки.

- Далматский дог, - прошептал он, - хорошая порода.

Пупок поднялся и запрыгал на одной ноге к воротам. Ворота и парадная дверь дома распахнулись одновременно. На крыльце показались две темные фигуры с автоматами в руках. Увидав фельджандармскую форму, они опустили автоматы. На них тут же обрушились Олег и Пупок. Олег навалился на фон Ширера, Пупок - на солдата-денщика. Тут же подоспели Констант и Петрович. Когда прибежал Попов, Ширера и денщика уже тащили в прихожую, скрутив им руки и зажав рты. Опоздание Попова тоже было на руку Константу, иначе этот медведь успел бы изрядно помять фон Ширера, а Константу фон Ширер нужен был живой и по возможности невредимый.

Констант осветил фон Ширера лучом электрофонарика. Фон Ширер был одет в шелковую голубую пижаму и теплый бордового цвета халат. Денщик успел натянуть на себя серый вермахтовский свитер, бриджи и сунуть босые ноги в какие-то стоптанные шлепанцы, которые он потерял во время короткой схватки.

- Что вам нужно от меня? - прохрипел фон Ширер. - Кто вы?

Констант заметил у эсэсовца дамскую сетку на голове поверх тщательно причесанных на косой пробор волос. Вгляделся в

преждевременно обрюзгшее лицо сорокалетнего лысеющего блондина, как у женщины намазанное на ночь кремом, обратил внимание и на вполне "нордический" тип лица, и на дрожащий скошенный подбородок, распущенные кривящиеся губы и беззвучный крик страха в глазах. Нет, этот не станет долго упрямиться.

- Вы, наверно, догадываетесь, кто мы такие, - сказал на своем ломаном немецком языке Константа, - и понимаете, следовательно, что ждет вас, штурмфюрера СА. Если хотите дожить до утра, советую выполнять мои приказы с еще большим рвением, чем вы выполняли приказы Гиммлера. Ясно?

- Яволь!

- Первый приказ: зажгите свет!

Фон Ширер качнулся было, шагнул к стене, но крепко державшие его Пупок и Олег не позволили ему и шагу ступить.

- Отпустите его, ребята, - по-русски сказал Константа. - Пусть свет включит.

При звуках русской речи штурмфюрер вздрогнул, дернул головой, всхлипнул. Он чуть не упал, когда ребята выпустили его из рук. Потом нетвердой походкой, шатаясь, подошел к стене, щелкнул выключателем загорелась люстра на потолке.

- Что в этой комнате? - спросил Константа, открывая дверь под лестницей.

- Чулан.

- Ребята! Свяжите денщика и заприте его в чулане!.. Вы и этот солдат одни в доме?

- Нет, - ответил фон Ширер.

- Кто? Где? - выпалил Константа.

- В моей спальне... фрейлейн... артистка из Позена...

- И больше никого?

- Больше никого.

- Где спальня?

- На втором этаже по лестнице, сразу направо.

- Пупок! На втором этаже по лестнице сразу направо - женщина. Запри ее там!

- Есть! - коротко ответил Пупок, быстро пошел к лестнице, оттуда донесся его удивленный голос: - Во гады - буржуи живут! Тут лифт на второй этаж!

В конце холла что-то заскрипело, тихо зажужжал мотор. Пупок не был бы Пупком, если бы сразу же не испытал этот лифт.

- Штурмфюрер фон Ширер, - проговорил Константа. - Я знаю о вас все. Если вам дорога жизнь... - Константа остановился, теряясь в поисках немецкой фразы. - Где ваши капиталы?

По глазам эсэсовца было видно, что он лихорадочно думает,

мечется, ища выхода. Его зрачки застыли в смертельном страхе.

- Где деньги? - Нельзя дать ему времени на раздумье.

Константа прежде всего интересуют документы, но о документах говорить нельзя. Если о них знает СА-штурмфюрер, то после вопроса о документах, заданного ночными пришельцами, у него не останется и тени сомнения, что это капрал Вудсток навел русских на его дом. Кроме того, вопрос "где документы?" сразу же переведет всю эту историю с ночным визитом в совершенно иную плоскость, и расследованием ее займется не крипо - криминальная полиция, а зипо - полиция безопасности, гестапо, что совсем невыгодно разведчикам.

Пупок тем временем, не стучась, открыл дверь в спальню, заглянул в нее, увидел при слабом свете ночника молодую черноволосую женщину, разметавшуюся на широкой двуспальной кровати.

- Это ты, Вилли? - тоненьким голоском сонно спросила она, не поднимая головы с подушки, томно потягиваясь.

- Я-я, - на всякий случай приглушенно ответил Пупок, только-то и зная, что "я" по-немецки "да". - Натюрлих!

Почти исчерпав этим ответом свой немецкий лексикон, он тихонько вынул английский ключ, торчавший в замочной скважине с внутренней стороны двери, прикрыл дверь и запер ее с наружной стороны.

- Вилли! - услышал он слабый голосок за дверью. - Вилли! Почему ты ушел?

Пупок на цыпочках вернулся к лифту. Пупок не был бы Пупком, если бы не спустился в лифте.

- Где деньги? - в третий раз спросил Константа. - Все деньги! Приказываю отвечать!

- Да, да - вдруг встрепенулся мертвенно бледный фон Ширер. - Берите все! Я вам все, все отдам! Идите за мной!

Шаркая и спотыкаясь, он ввел их в кабинет, в тот самый кабинет, в котором так недавно майор граф Велепольский беседовал с хорошим знакомым Константа Домбровского - капралом Юджином Вудстоком. Но штурмфюрер фон Ширер подошел не к книжной полке, где, по рассказам капрала, были вмонтированы бар и сейф, а к письменному столу, на котором стоял портрет Гитлера-полководца и лежала газета "Остдойче беобахтер". Взяв из среднего ящика небольшую связку ключей на стальном кольце, он отпер трясущимися руками верхний правый ящик и достал три толстые пачки рейхсмарок в банковской упаковке и кипу разрозненных рейхскредиток.

- Вот все, что у меня имеется! - пробормотал он, обеими руками пододвигая банкноты Константу и невольно прилипая

взглядом к дулу наставленного на него парабеллума.

Константа сдвинул брови. На глаз он определил, что "король черного рынка" выложил всего какие-то жалкие три тысячи имперских марок.

- Это бумага! - произнес он сквозь зубы, взводя парабеллум.- Я пришел за валютой! Ферштеен зи?

Кожа лица у фон Ширера стала землисто-серая, словно он сразу постарел на тридцать лет. Тяжелыми шагами подошел штурмфюрер к книжной полке, прикоснулся рукой к роскошному изданию "Майн Кампф", одна из секций полки отворилась, и все увидели стальную дверцу с блестящей ручкой и шифровым диском.

Привычными движениями фон Ширер набрал серию цифр, повернул круглую ручку и открыл стальную дверцу. Из сейфа он вынул большой и тяжелый темно-зеленый металлический ящик, поставил его при полном молчании ночных гостей на стол.

- Вот вся моя валюта! - прошептал он. - Клянусь богом!

- Сколько? - спросил Константа.

Ширер снял крышку с ящика, и все увидели аккуратные пачки банкнотов с портретом короля Георга V достоинством в пять, десять, двадцать, сто, пятьсот, тысячу стерлингов.

- Сколько? - сдерживая волнение, спросил Константа. Никогда в жизни он не радовался так деньгам, хотя эти деньги предназначались вовсе не ему лично.

- Семьсот пятьдесят тысяч британских фунтов стерлингов, - совсем тихо прошептал СА-штурмфюрер Вильгельм фон Ширер, не отрывая взгляда от банкнотов.

- Это тебе не фунт изюму! - в изумлении выговорил Пупок.

- Хорошо, - спокойно произнес Константа, взглянув на часы. - Клянусь... Предупреждаю: мы обыщем весь дом снизу доверху и если найдем хоть один завалящий фунт или доллар...

- Я хочу жить и потому говорю правду, господа: здесь вся моя валюта!

- Если врете, пеняйте на себя.

Обыск ничего не дал, не открыл никаких золотых жил и валютных залежей, но Константа обнаружил в открытом сейфе чековую книжку банка "Кредитенштальт дер Дойчен" и целую кипу документов. Нет, это была не ракетная документация, какие-то записи фон Ширера на бланках эсэсовских штабов, письма, приказы, отчетные ведомости, счета с надписью "Секретно!" Все эти бумаги из сейфа Константа аккуратно переправил вместе с деньгами в коричневый чемодан из крокодиловой кожи, принесенный со второго этажа догадливым Пупком.

Пока продолжался обыск, Константа успел обстоятельно

побеседовать с хозяином дома. Говорил, собственно, один Константа, разглядывая фотографии на стенах, а штурмфюрер трепетал, ерзал и отвечал односложно.

- Нам обоим, Ширер, ясно, что штурмфюреры СА, как правило, не являются миллионерами. Вся округа знает, что вы спекулировали валютой на черном рынке. Если ваше начальство на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине узнает, что вы незаконно наживали валюту, вам крепко не поздоровится. У нас имеются надежные свидетели. Кроме того... Я попрошу вас взять лист почтовой бумаги и ручку. Приготовились к диктанту? Отлично. Теперь пишите: "Я, СА-штурмфюрер Вильгельм фон Ширер унд Гольдбах, настоящим подтверждаю, что передал в распоряжение старшего лейтенанта Красной Армии Домбровского на нужды советской разведки 750 000 фунтов стерлингов, а также..." Сколько здесь марок?

- Три тысячи триста двадцать...

- "...а также 3320 рейхсмарок на оперативные расходы в борьбе против фашизма". Подпишитесь. Поставьте число. Благодарю вас. Вы, конечно, понимаете, что эта бумажка равносильна подписке о вашей работе на нас. Поздравляю. Вы человек неглупый, следовательно, понимаете, что война Гитлером проиграна и вам надо срочно менять ориентацию. Вы это сделали вовремя. Мы учтем это. Но не пытайтесь вести двойную игру. Не выйдет. Пожалейте свою голову. Она вам пригодится и в мирное время.

Обыск затянулся. Константа ушел от Ширера, когда старинные шварцвальдские часы в столовой пробили три часа. Дождливый рассвет застал разведчиков на полпути к Бялоблотскому лесу. Пришлось передневать в каком-то перелеске. Погони не было...

Так закончилась операция "Король черного рынка".

* * *

Когда вечером следующего дня Евгений попрощался с друзьями и ушел один на встречу с майором графом Велепольским, второй заместитель командира группы "Феликс" Петрович сказал Константа Домбров-скому:

- Выйдем, Костя, на минуту. Дело есть.

По мрачному виду Петровича Константа понял, что разговор будет и впрямь серьезным.

За лесом догорал закат. Померкла позолота на хвойном ковре леса. Длинные косые тени затопили темно-зеленый сосновый лес. Дыша чистым, настоянным на хвое студеным воздухом, Константа с глухим беспокойством подумал о приближавшейся зиме, о снежной целине, на которой будет виден каждый след.

- Я бы покончил с этими подозрительными похождениями

Кульчицкого, медленно, поглаживая каштановую бородку, проговорил Петрович, сурово глядя исподлобья на командира. - Что ты, командир, знаешь о его делах с этими людьми? Только то, что он тебе сам рассказывает? Наплести можно все, что угодно. Ты сам знаешь, какой он выдумщик. Якшается с фашистами-белополяками, которые - очень может быть - связаны с гестапо. Молодой, не заметит, как подставят ножку, оплетут, попутают, заставят работать на себя, сделают двойником. Тут пахнет потерей бдительности... И неужели ты отдашь почти миллион английских фунтов за кота в мешке?! Я лично категорически против такой купли-продажи. Я не верю в эту сказку о секрете "чудодейственного оружия" Гитлера! Так я и командованию доложу, когда вернемся. Так и знай. Отвечать за все придется тебе, Костя. И насчет Кульчицкого доложу. Молчать мне не позволит моя партийная совесть. Пусть с ним "Смерш" поговорит!

Константа помолчал, кусая губы, разглядывая в сгущавшихся сумерках человека, которого еще несколько минут назад считал верным товарищем. Он всегда думал, что хорошо знает этого смелого и бывалого разведчика, маленького бородатого Петровича. Теперь он казался ему похожим на зверька. Маленького злобного хорька. Не говорит ли в Петровиче зависть к Женьке? Нет, Петрович не карьерист. Но сейчас его не переубедишь. Он верит в свою правоту. Он непременно доложит... Сознание своей полной беспомощности в этом непредвиденном положении заставило Константа гневно сжать кулаки.

- Слушай, Петрович! - с трудом выдавил он сквозь зубы. - Не понимаю, откуда в тебе эта оскорбительная подозрительность? Знакомые разговорчики! Такие, как ты, готовы нас, разведчиков, взять на подозрение за то, что мы работаем в тылу врага, под боком у гестапо и абвера! Я ненавижу и презираю таких сумасшедших! Наши люди немало пострадали от них, И они тоже прикрывались своей партийной совестью и всякими высокими словами.

Петрович, помрачнев еще больше, молчал. В глазах его светилась непоколебимая твердость.

- Если я еще раз услышу от тебя такие слова, - продолжал Константа, - я расскажу о твоих угрозах ребятам, и тогда тебе несдобровать. В одном ты прав: я за все в ответе.

- Я остаюсь при своем мнении, - с непоколебимой решительностью ответил Петрович.

Доложит, непременно доложит. Все вывернет шиворот-навыворот. Это грозило большими неприятностями Жене Кульчицкому и ему, Домбровскому, хотя "Директор" и разрешил операцию. Только одно могло спасти Евгения и его от этих

неприятностей, серьезность которых было трудно предвидеть: успех, большой, настоящий успех.

4. Из записей Старшого

"Гитлер захотел получить две тысячи ракет в месяц. Наши старые заводы производили только девять" сот. Вот и было решено построить новый большой завод в недрах горы Конштайн близ города Нордхаузена в Южном Гарце, чтобы довести производство до двух тысяч ракет. Больше всех радовался, наверное, фон Браун. Он любил пофантазировать в нашем кругу о бомбежках ракетами не только Лондона, Москвы, но и Нью-Йорка. Летом и осенью сорок третьего я не раз приезжал сюда с ним в Нордхаузен, на завод Миттельверке, опускался в штольни. Как-то я не выдержал и обратил внимание Брауна на ужасный вид двадцати тысяч рабочих "кацетников" из концлагеря "Бухенвальд-Дора". Он резко оборвал меня, заявив, что это "нелюди", до которых ему нет дела, что эти морлоки должны быть счастливы от одного сознания, что они трудятся во славу тысячелетнего рейха! Мог ли я тогда подумать, что тоже окажусь среди "нелюдей", среди "морлоков"? Тогда еще Браун фанатически верил в эти две тысячи ракет в месяц. Но 17 августа сорок третьего года на заводы Цеппелин-верке и Ракс-верке и даже на Пенемюнде обрушились бомбы союзников. Программа по производству ракет была сорвана. Тем важнее стал для ракетчиков завод Миттельверке в недрах горы Конштайн. А планы создания многоступенчатой баллистической ракеты дальнего действия с использованием жидкого водорода и кислорода - такое горючее предлагал и ваш Циолковский - пришлось отложить... Теперь только изредка вспоминал Браун о двух- или трехступенчатой межконтинентальной ракете, которая за сорок минут полета пересечет Атлантический океан и разрушит Нью-Йорк, о выводе спутников на вечную орбиту вокруг Земли. Американцы должны знать о том, что фон Браун не только мечтал, а действовал. На основе "Фау-2" он спроектировал двухступенчатую трансатлантическую ракету, которую он многозначительно окрестил "Америка-ракета" А-9/А-10. Настоящий гигант высотой почти в 30 метров с дальностью полета 5000 километров. Это пилотируемое по радио чудовище должно было обрушиться на Нью-Йорк по радиомаяку диверсантов Скорцени, заброшенных в этот огромный город... У Брауна родилась также дикая идея вывода на орбиту прозрачных шаров-саркофагов с забальзамированными, незнающими тления телами пионеров-ракетчиков. Видно, мечтал, чтобы и его так увековечили до последнего дня вселенной. Кстати, он вообще на отдыхе писал фантастику. Как-то он читал нам, как всегда

аристократически грассируя, рукопись своего научно-фантастического романа о покорении космоса. Меня поразил размах его фантазии и узость его политического кругозора: на Марсе, населенном арийцами, царит самый настоящий нацистский порядок с фашистской технократией из сверхлюдей и серой массой бесправных морлоков...

- Подробнее, пожалуйста. Ведь научная фантастика часто дает верные прогнозы на будущее, особенно если фантаст - ученый.

- Вряд ли это относится к фон Брауну. Первыми летят на Марс, конечно, немцы... Ни об американцах, ни о русских он не упоминает..."

5. Полмиллиона за тайну "Фау-2"

-- Итак? - выжидательно проговорил пан майор, когда капрал Вудсток сел в "опель". - Вы получили ответ из Лондона? Поезжайте, Фриц!

Майор граф Велепольский явно сгорал от нетерпения.

- Не знаю, огорчу ли я вас или обрадую, - начал капрал, поудобнее устраиваясь в "опеле".

- Ответ получен? - торопливо, не своим голосом переспросил капитан.

- Мне, право, жаль, друзья, - сказал капрал, закуривая сигарету. - Мне кажется, я могу вас так называть?..

- Да, да, разумеется! - перебил майор. - Каков ответ Лондона? Скоро ли, пся крев, я смогу воздать хвалу пресвятой богоматери в Вестминстерском аббатстве или соборе святого Павла?

- Для вас, - улыбнулся капрал, - у нас имеются более подходящие молельни - римско-католические. Оказывается, Лондон уже располагает большей частью той информации, которую вы ему предлагаете...

- Это гнусная ложь! - вспылил Серый. - Эти лавочники хотят сбить цену.

- Не горячитесь, пан Дымба! - почти крикнул на него майор. - Этого не может быть, капрал...

- Однако мое командование, судя по его ответу, желает купить ваш материал для контроля и проверки сведений, собранных по всем каналам за последние месяцы!

- Короче, капрал! - опять не выдержал капитан,

- Сколько? Сколько предлагает Лондон? - вставил майор.

Капрал взглянул на потянувшиеся к нему бледные жадные лица.

- Пятьсот тысяч фунтов стерлингов. Полмиллиона и ни фартинга больше.

- Вот скряги проклятые! - взорвался капитан.

- Помолчите вы! - простонал майор. - Не мешайте! Готово ли ваше командование вывезти нас троих самолетом отсюда в Англию?

- Да. Через день-два после проверки и оценки ваших материалов. Полмиллиона фунтов стерлингов, это, как говорят наши друзья янки, не земляные орехи! Соглашайтесь, джентльмены!

- Ни за что! - крикнул Серый. - Пусть дадут хотя бы семьсот пятьдесят...

- Это исключено.

- Семьсот пятьдесят.

- Замолчите, капитан, не то я вышвырну вас из машины! Капрал Вудсток! Мы согласны, если, конечно, согласится наш немец-инженер... - Решимость в его голосе заметно окрепла. - А немца, я думаю, мы уговорим. Сегодня же передайте это своему командованию!

- Да, сэр! Непременно, сэр!

- И вот еще что, - медленно, словно решаясь на какой-то важный шаг, сказал майор. - Мы улетим, но здесь, на великопольской земле и в генерал-губернаторстве, останутся верные нам люди. Вы должны знать, что политический спектр в оккупированной Польше красуется во всей своей полноте: от инфракрасных коммунистов в Армии Людовой до ультрафиолетовых националистов в НСЗ - Народовы Силы Збройны. Армия Крайова к теперешнему моменту тоже неоднородна. Недавно я вышел из своей дивизии АК в знак протеста против растущего влияния левых элементов. Но верных людей там у меня осталось немало. Мы с капитаном провели среди них большую работу за последние недели. Все они ярые противники "московских" поляков, коммунизма и Советов. Все они рвутся в бой. Одни будут продолжать борьбу с оружием в руках до последнего вздоха, другие, как только сюда придут русские, уйдут в антисоветское подполье. Мы уверены, что ваша разведка заинтересуется этими истинными, закаленными в борьбе поляками, захочет установить с ними радиосвязь, поддержит их морально и материально. Словом, мы предлагаем вам готовую и опытную агентурно-разведывательную сеть на земле, которая будет оккупирована русскими, здесь, в Великой Польше. В ее организацию мы вложили немало сил и средств... - Тут пан майор несколько замялся.- Мне, как дворянину, офицеру и кавалеру "Виртути милитари", претит разговор о деньгах, но ведь вы понимаете, что в Англии, где жизнь сейчас стоит недешево, на первых порах нам до зарезу нужны будут деньги. Моя офицерская честь...

Так вот оно что! Кроме документов о немецком секретном оружии, продается еще пробирка с опасными бактериями. Эти политические мертвецы хотят раздавить эту пробирку, выпустить заразу в будущей новой, народной Польше. Они хотят вызвать духов пятилетней давности, призраков довоенной санационной Польши!

- Сколько? - прямо спросил капрал, глядя в окно.

- Думаю, что цифра должна быть шестизначной, - снова замялся, заделикатничал майор.

- Двести тысяч! - решительно выпалил капитан.

- Прекрасно! - равнодушным тоном проговорил капрал. - Я запрошу начальство. Боюсь, однако, что, если моя командировка здесь продолжится, мы с вами вконец разорим казну Его Величества!

Майор фальшиво хохотнул. Капитан мрачно молчал, не спуская глаз с капрала.

- Куда мы едем? - спросил капрал, глядя в окно. - В гостеприимный дом фон Ширера унд Гольдбаха? Я не отказался бы от стаканчика "Джонни Уокера".

- Этот подлец бежал, - угрюмо ответил майор Велепольский. - Струсил, видимо. Два года играл краплеными картами - то есть работал на двух хозяев, а теперь испугался, что гестапо узнает о его связях с нами. Такое теперь время в Германии: элита заигрывает и шушукается с разведкой англо-американцев, но чинам пониже эта игра запрещена под страхом смертной казни.

- Куда же он бежал?

- Исчез. Вчера утром поехал на этом "опеле" на ближайшую станцию железной дороги, сел на берлинский поезд и был таков. Весь день его искали, всех своих людей на ноги поставили, обзвонили по телефону весь Вартеланд, но его не нашли. Машину нашли, а его нет.

- Может быть, он вернется. Просто срочные дела в Берлине.

- Как бы не так! Перед бегством он сжег все бумаги. В сейфе пусто. Денщику Фрицу не сказал ни слова. Струсил, мерзавец. Сбежал. Скажите, капрал, позавчера ночью ваши русские приятели куда-нибудь уходили?

- Я предпочел бы не отвечать на такие вопросы, сэр. Я обязан оставаться лояльным по отношению к союзникам, к ним и к вам.

- Понимаю, понимаю, капрал, - раздраженно проговорил майор, - но и вы нас поймите: исчез Ширер, один из наших важнейших агентов и финансистов, а Фриц, его денщик, рассказал, что в ночь перед его бегством был налет, ворвались какие-то русские, все перерыли, его, Фрица, заперли в чулан... Вы ничего не говорили своим русским о документах, о Ширере, о

наших с вами делах?

- Разумеется, нет, сэр. Я протестую против подобных инсинуаций!

- Прошу простить и понять меня, капрал; я вынужден настаивать на ответе. Уходили ли русские на какое-либо задание позавчера ночью? С чем они вернулись?

- Сотрудничать с вами на таких условиях, - решительно произнес Вудсток, - я не согласен. Это напоминает мне шутку о поведении немцев в Париже. "Будем коллаборационистами! - говорят они французам.- Отдайте нам ваши часы, а мы скажем вам, который час". Пока я пользуюсь гостеприимством русских...

- А вы переходите к нам!

- Хорошо, я отвечу вам, отвечу потому, что ваши подозрения лишены всякой почвы. Позавчера ночью на задание ходило трое русских.

- Какое задание? Куда?

- За продуктами. На какой-то фольварк под Шредой. Они и вернулись с продуктами. Копченое сало, колбаса, консервированные франкфуртские сосиски...

- Благодарю вас, капрал, - прервал его майор. Некоторое время ехали молча. Потом майор снова повернулся к капралу.

- Уверен, что вы простили меня, мой друг, за мою назойливость. Надеюсь, мы забудем об этих неприятностях за бутылочкой "Джонни Уокера".

- Это последняя бутылка, - вставил неизменно угрюмый капитан.

- Да, последняя, раз пропал наш "король черного рынка". Но, как говорится, король умер, да здравствует король! Его Королевское Величество Георг V. Ведь скоро мы очутимся на родине "Джонни Уокера", не так ли, капрал?

- Да, сэр. Англия ждет вас!

- Как собираются ваши шефы переправить деньги из Англии в Польшу?

- Самым простым путем. Самолетом. Сегодня же сообщу им о вашем согласии, договорюсь о времени и месте выброски груза с деньгами и разными необходимыми мне вещами и продуктами.

- Возможно, на ваши сигналы спарашютируют и ваши коллеги - английские разведчики?

- Возможно. Вполне возможно. Хотя пока об этом ничего не было в радиограммах. Но я рассчитываю на это, хотя, - он улыбнулся, - пока, по-моему, я неплохо справляюсь здесь за всю британскую разведку.

- О да! Вас ждет высокая награда. Со своей стороны, мы в Лондоне приложим все усилия, чтобы подчеркнуть ваши

незаменимые заслуги в этой важнейшей операции. Как вы собираетесь принять этот груз? Неужели один? Мы готовы помочь вам...

- Охотно воспользовался бы вашим любезным предложением, но я уже договорился с русскими.

- Но это... вы делаете ошибку, и ошибка эта может стать роковой! Что, если деньги попадут в руки этих русских?! Ваши шефы не простят вам.

- Вы напрасно беспокоитесь. Все будет в порядке. Я отвечаю за прием груза.

Майор снова недовольно умолк. То глубочайшее уважение, которое он питал к британской разведке, заставило его отказаться от дальнейших уговоров. В молчании подъехали к небольшому фольварку средней руки гроссбауэра.

- Еще одна наша явочная квартира, - со снисходительной улыбкой объяснил майор капралу. - Живет тут один бывший эндек. По-нашему член национал-демократической партии Польши. Хитрая бестия! При Пилсудском играл в польский патриотизм, а когда пришли немцы, объявил себя фольксдойче, представил документы о немецком происхождении. Немцы выселяли поляков и селили здесь немцев по принципу: "Одного немца на место трех поляков!" Но наш хозяин жил здесь еще до первой мировой войны, когда эта польская земля принадлежала кайзеру. Четыре сына в вермахте, но старик давно понял, что война проиграна, и после Сталинграда связался с нами. Сегодня он поехал на биржу труда в Познань и нам не помешает. Зато здесь панна Зося, - добавил граф Велепольский тоном старого сводника, обнажив в улыбке желтые зубы.

Они вошли в столовую. На уставленном хрустальными фужерами подносе их поджидал со снятой шляпой веселый "Джонни Уокер" на этикетке виски: желтый цилиндр, лорнет у глаза, черная бабочка, красный фрак с фалдами, белые рейтузы, черные ботфорты...

- Прежде чем мы возобновим знакомство с "Джонни Уокером", - сказал, садясь, капрал, - у меня есть к вам один вопрос, сэр.

- Як вашим услугам, мой друг.

- Я получил из Лондона новое задание: шефа интересуют данные промышленности Вартегау и Силезии.

- Вас интересует военная промышленность? - спросил майор.

- Разумеется, особенно заводы, связанные с производством нового оружия.

- Что ж, мы поможем вам в этом. Кстати, по заданию генерала Бур-Коморовского я долгое время наблюдал за шефом СД и шефом абвера в Бреслау. С сентября 1939 года по сорок первый

год они вели разведку против России, их начальником являлся тогда СС-обер-группенфюрер Эрих фон дем Бах-Зелевский, шеф СС и Зипо на всем юго-востоке Германии. Именно он отвечал перед СС-рейхсфюрером за германизацию всей Силезии и прилегающих районов Польши, Я пытался установить связь с этими двумя нацистами, ведь я тоже был специалистом по России, но вдруг оба они исчезли из Бре-слау со всеми важнейшими документами. Я до сих пор не знаю, куда они девались, не могу понять, почему уцелел Бах. То ли их убрало их же начальство, то ли сработала русская разведка. Во всяком случае, уже в сорок первом вся система безопасности в Силезии была перестроена и до сих пор не полностью изучена нами. Позднее все карты спутал гестаповец СС-штурмбанн-фюрер Афольф Эйхман, который выселил из Вартегау и Силезии не только евреев, но и большинство поляков, в том числе и моих агентов, а оставшихся загнал в шахты. Однако мы все сделаем, чтобы помочь вам. Разумеется, это будет стоить денег. Больших денег, капрал. Причем в наше время твердой валютой можно считать лишь американские доллары и английские фунты.

- Разумеется, сэр.

- А теперь, - сказал майор, опытной рукой разливая виски в фужеры, - у меня к вам есть вопрос. Как вы собираетесь переправить эти документы о ракетах в Англию? Где сядет ваш самолет? Здесь? Если так, то почему вы не предлагаете нам, чтобы мы улетели на этом же самолете?

Черт возьми! Неожиданный вопрос. Опять придется ломать голову, импровизировать, играть с огнем. Рано уверовали они с Константой в победу, из-за этой пагубной самоуверенности определили лишь оперативную идею, наметили общую стратегию, а тактические детали плохо разработали. На войне за ошибки расплачиваются жизнью.

-Во-первых, майор, - небрежным тоном отвечал капрал, стряхивая пепел с сигареты, - шефу надо убедиться, что ваш товар не липа, прежде чем он покатает вас бесплатно на самолете над Европой за счет казны Его Королевского Величества. Во-вторых, самолет прилетит сюда за документами, но не сядет.

- Не сядет? Как же он заберет документы без посадки?! Это вам не крикет, чтобы пилот на лету ловил портфель с документами, как мяч!

- Вы правы, майор. Но у нас есть свой особый, секретный способ.

- Вы разыгрываете меня, капрал!

- Нисколько! Чтобы показать вам, в какой степени я доверяю вам и ценю вашу помощь, я расскажу об этом способе. Ведь вы

уже одной ногой в Лондоне, не так ли? Дайте-ка мне, пожалуйста, карандаш и бумагу. Благодарю вас, сэр. Так вот как это делается. Мы подбираем поляну в лесу, сообщаем ее координаты в Лондон, договариваемся о сигналах - кострах и ночью принимаем самолет. На поляне мы устанавливаем вот такое нехитрое сооружение: два высоких шеста на расстоянии восьми-десяти метров с крюками на самом верху, а на эти крюки подвешиваем наш портфель или чемодан на веревке треугольником. Вот так, смотрите. Услышав шум моторов самолета, мы зажигаем два костра у наших шестов. Теперь самолет должен пролететь над этими шестами с такой же точностью, с какой футболист забивает гол в ворота. Один из членов экипажа, выбросив к тому времени кошку - веревку с крюком, подхватывает на лету веревку с портфелем. Вот и весь фокус. И через несколько часов ваши документы будут лежать на столе моего самого главного шефа. Он, конечно, вызовет наших специалистов - ученых, военных инженеров, ракетостроителей... Но можно, конечно, посадить самолет, подобрав подходящую поляну. Почему бы вам, в самом деле, не улететь с ним? Может быть, мое начальство и пойдет на этот еще до того, как убедится в подлинности и ценности наших... да, я уже говорю "наших" документов... В конце концов, легче гонять туда и обратно один самолет через всю Европу в эту богом забытую... простите, сэр. . в Польшу, чем два самолета.

Капитан сидел неподвижно бесстрастно, как Будда. Майор же, напротив, быстро пояснил:

- Я уже говорил вам, что слишком хорошо знаю вашу Сикрэт Интеллидженс сервис. Сначала я хочу получить деньги, распорядиться некоторой их частью, может быть, перевести часть подпольным путем в какой-нибудь швейцарский банк... ах, этот Ширер, Ширер!.. А затем уж...

- Но ведь вы говорили, что деньги заберет этот ваш немец-инженер!

На две-три секунды застигнутый врасплох майор застыл с раскрытым ртом.

- Да, да, - запоздало спохватился он. - Основную сумму он, конечно, заберет, но он хочет и нас с капитаном вознаградить. Не стану же я чистить отхожие места в вашей Англии! Ваше здоровье, капрал!

Дверь распахнулась, в столовую вошла панна Зося.

Нет, не "Джонни Уокер" надел на капрала в ту первую встречу розовые очки. И в простом платье великопольской крестьянки была она великолепна. Капрал встал и в первый раз в жизни поцеловал руку женщине.

- О! Невежа из Лондона скоро станет светским львом, -

насмешливо улыбнулась Зося. Ее темные брови скрылись под светлой челкой. В серо-голубых глазах с удлиненным разрезом плясали чертенята.

За ужином больше всех говорил пан майор. Капрал Вудсток поймал себя на том, что плохо слушает майора и почти не спускает глаз с панны Зоей. Капрал чувствовал себя неловко: он плохо представлял себе, как ему следует вести себя за столом; нужно ли ему, например, подливать вина панне Зосе, предлагать закуску. Понятие о застольном этикете он имел самое слабое, поскольку специально этикет он не изучал; оставалось надеяться лишь на врожденный такт. Все эти условности разведчик может, конечно, презирать, но он не имеет права их не знать.

В голову капрала Вудстока лезли какие-то банальные красивости, отчего-то щемило сердце, и, странное дело, почему-то он ощущал себя сильнее, чем когда-либо в другое время, истинным капралом Вудстоком... В столовую кто-то негромко постучал.

- Войдите! - сказал граф с таким величавым спокойствием, словно сидел не на явочной квартире, а в своем родовом замке.

В дверях появился знакомый Вудстоку рыжий поручник.

- Пшепрашем, пане майоже! - сказал поручник, козыряя. - Вам срочная депеша из штаба дивизии! Извините, пан капрал!

Он протянул какой-то конверт пану майору. Тот, утерев губы салфеткой, встал и, надрывая конверт, сказал:

- Прошу простить меня, дети мои. Мне необходимо срочно ответить на эту депешу от делегатуры. Думаю, вы не будете скучать без третьего лишнего...

От капрала Вудстока не ускользнуло, что при этих словах майор бросил на панну Зосю многозначительный взгляд, но его больше встревожило упоминание о "делегатуре" - представительстве польского эмигрантского правительства в Лондоне. Неужели у майора появилась связь с Лондоном?!

- Не выйти ли нам в сад? - сказала панна Зося, когда за майором закрылась дверь. - Здесь так душно.

Они гуляли в сумерках под облетевшими каштанами, ступая по земле, почти целиком закрытой ковром из уже пожухлых листьев.

- В это время года, - говорила панна Зося, поеживаясь в зеленом плаще с капюшоном, - я люблю бывать на нашем кладбище под Варшавой. Жаль, что у нас нет времени дойти с вами до ближайшего погоста. Вы никогда не видели ничего подобного в своей Англии: могилы немецкие, могилы польские, русские могилы царских времен. И все лежат отдельно в своих границах, порознь, как в жизни, так и после смерти. Идешь

аллеями, читаешь надписи на надгробных камнях, и перед тобой оживает вся история нашей родины. Польские уланы наполеоновских войн, повстанцы, католики, лютеране, православные униаты... Могилы, могилы, могилы... И больше всего польских могил... Вы любите ходить на кладбище?

Капрал Вудсток вынужден был признаться, что избирает для прогулок иные места. Впрочем, он процитировал несколько печальных строк из хрестоматийной поэмы Томаса Грея "Элегия, написанная на сельском кладбище". Ему захотелось рассказать панне Зосе, что Жуковский дважды переводил "Элегию" Грея, во второй раз после посещения Англии и того кладбища, на котором была написана "Элегия", но он тут же вспомнил, что капрал Вудсток ничего не знает о поэте Жуковском.

В саду стояла какая-то приглушенная, преддождевая тишина. Сад, как чаша, был до краев наполнен этой тишиной. В обманчивом, сторожком покое под каштанами разливается неуловимая грусть. Может быть, капралу Вудстоку грустно оттого, что вспомнил он чеховский рассказ о недоступных красавицах, проносящихся в освещенных окнах ночных поездов. Вот и Зося, недоступная и недосягаемая, как Аэлита, промелькнет ярким метеором в его жизни, промелькнет и исчезнет бесследно...

А может быть, вспомнил капрал Вудсток своего наставника, неречистого подполковника Орлова, который, непрерывно конфузясь, растеряв всегдашнюю свою самоуверенность, говорил грубовато и смущенно: "Женский вопрос у нас, значит, разведчиков, еще это самое... недостаточно разработан. Женщина, она может тебе быть верным товарищем и самым коварным врагом. Не надейся использовать для нашей работы это самое... чувство женщины: для этого ты еще слишком молод и неопытен, сам запутаешься в сетях. Главное, не увлекайся никем, не влюбляйся ни в кого. Считай, что ты запер сердце на замок, а ключ мне отдал до возвращения с задания",

А рядом щебетала панна Зося:

- До войны я не знала жизнь, была пятнадцатилетней гимназисткой, зачитывалась Габриэлой Запольской-Снежко, мечтала стать польской Жанной д'Арк...

В конце аллеи, упиравшейся в закрытые ржавые железные ворота, панна Зося вдруг повернулась к нему и, волнуясь, решительно проговорила:

- Не верьте графу! Это страшный человек!

- Я не понимаю вас, мисс Зося! - прошептал капрал, глядя в потемневшие глаза девушки. - О чем вы говорите?

Эти слова Зоей вернули его с небес на землю.

- Я не должна вам это говорить, Юджин, но я не могу иначе. Я

ненавижу его. Это он и ему подобные погубили моего отца. Бек, Рыдз-Смиглы, Славек они правили страной и презирали ее, уверяли, что Польша - страна дураков, годится только на растопку. А я люблю Польшу. До войны я только и слышала: "Честь! Честь! Честь!" На оборотной стороне креста, которым граф гордится больше всего на свете, выгравировано: "Честь и Отчизна". А сколько раз он торговал своей честью и продавал родину! Не верьте ему...

- Панна Зося! - взволнованно заговорил капрал. - Это очень серьезно. Не хотите ли вы сказать, что граф собирается провести меня, обмануть британскую разведку, армию Его Королевского Величества, подсунуть нам негодный, фальшивый товар за такие деньги?

- Нет, Юджин. Это настоящие документы. Документы, как я слышала, огромной важности. Но они их украли как мародеры, совершив еще одно страшное преступление. Теперь капитан боится, что граф проведет его, улетит один в Англию с деньгами. Я слышала, как они грызлись, ссорились... А немца никакого нет... Граф - актер в жизни, эгоцентрик, тщеславная дрянь. В двадцать лет он стал офицером-героем, и это его погубило!.. Идемте, стоять нельзя, граф наверняка следит за нами. Это он подослал меня к вам, приказал пойти с вами в сад.

- Зачем, мисс Зося?

- Чтобы влюбить вас в себя, чтобы вы сделали все от вас зависящее: устроили ему эти деньги и вылет в Англию. Да, да, мне поручена роль женщины-вамп. Мой опекун с радостью бы отдал меня вам в наложницы. Граф всегда был азартным игроком: все свое состояние он растранжирил перед войной в игорных домах Монте-Карло, потом принялся за мое состояние и его промотал, хотя валит все на войну. Став нищим, он не мог бежать из Польши, как это сделали почти все люди его круга. И теперь он играет ва-банк - ставит на эти документы... Возьмите меня под руку. Вот так... Запомните: эти документы вывез из концлагеря какой-то военнопленный русский летчик, настоящий герой. Немцы его сбили, а граф и капитан добили...

Только тогда начал капрал смутно догадываться о той долгой, кровавой и героической эстафете, которая вырвала у Гитлера и уже почти доставила Красной Армии секретные документы о самом грозном оружии фашистов.

- Я читала о бесценных, всемирно известных бриллиантах, - продолжала панна Зося. - Их история - это история подвига и измены, интриг и убийств, любви и ненависти. Так и эти документы... Забирайте их, Юджин, и скорей улетайте с ними в Англию. Но ни в чем, ни в чем не доверяйтесь графу...

А что, если чутье, интуиция, шестое чувство разведчика обманывает его, и документы и эта сцена, разыгранная Зосей, - липа? Не приказал ли ей сам майор разыграть этот спектакль, не выдумал ли он легенду о русском летчике, чтобы он, капрал, окончательно поверил в подлинность фальшивых, ничего не стоящих, никому не нужных бумаг?

- И вы полетите с нами в Англию, мисс Зося?

- Не знаю, Юджин, не знаю... Я полюбила вашу страну, читая Шекспира и Шелли, Байрона и Вальтера Скотта. Но у нас, поляков, есть свой Байрон Мицкевич, свой Шелли - Словацкий... Граф хотел бы, чтобы я полетела с ним: на меня мой опекун тоже смотрит как на товар... Только смотрите, Юджин, не выдавайте меня графу. Вон он идет!..

Навстречу им по темной аллее, накинув на плечи шинель, со всегдашней своей броской элегантностью шел майор граф Велепольский.

- Я приношу вам мои извинения, - еще издали начал майор, - неотложные дела, знаете ли... Но я не ошибусь, если скажу, что наш молодой английский друг вряд ли заметил мое отсутствие в обществе очаровательной панны Зоей. О молодость, молодость! Я не стал бы вам мешать, но мы не смеем далее задерживать пана капрала. Ему ведь нужно успеть связаться с Лондоном. Машина ждет нас. А погода летная, капрал. Может быть, самолет из Англии прилетит этой ночью? Мой контрагент начинает не на шутку беспокоиться...

На обратном пути капрал Вудсток и майор Велепольский договорились, что встретятся на том же месте у Бялоблот и в тот же час, как только будут получены деньги из Лондона. Майор будет вновь каждый вечер приходить на место явки. Договорились и о порядке передачи из рук в руки документов и денег. На встречу явятся только двое: майор Велепольский с документами в офицерской черной полевой сумке и капрал Вудсток с валютой в чемодане.

В "братской могиле" Евгению устроили, как пишут в газетах, теплую дружескую встречу, хотя только Констант Домбровский представлял себе, пусть и не в полной мере, ту опасность, которой подвергал себя Евгений Кульчицкий, он же капрал Вудсток.

Только Петрович не подошел к Евгению, не подал ему руки.

- Что это с бородачом? - шепотом спросил Евгений у Константа.

- Так, в мерихлюндию впал, неважно себя чувствует, - ответил Констант, отводя глаза. - Давай выйдем, расскажешь все по порядку.

Насупившись, Петрович молча проводил взглядом Константа и Евгения. Взгляд его не предвещал ничего хорошего.

6. Из записей Старшого

"Во главе экспедиции на Марс летит немецкий полковник. Первая остановка после прощания с землей - искусственный спутник Земли - Лунетта. От Лунетты - двести шестьдесят дней до спутника Марса - космический корабль выведен на орбиту, пролегающую в 620 милях от таинственной планеты. На Марсе оберста и его спутников встречают человеческие существа с высокоразвитым интеллектом, стройные, белолицые, белокурые, с римскими чертами лица, словом, вполне арийского вида. Ходят они в белых туниках, всегда спокойны и выдержаны. Особенно поразил оберста внушительный размер головы у этих сверхлюдей. Полковник занимается всесторонней разведкой Марса.

Он узнает, что некогда пригодная для дыхания атмосфера постепенно исчезла на Марсе и марсиане перебрались в недра планеты. Оберет путешествует по подземке, приезжает в столицу Марса - Алу, которая снабжается кондиционированным воздухом. Полковник знакомится с Орейзом, ведущим астрономом и философом Марса. Он и другие земляне обучают марсиан немецкому языку, удивляются тому, что марсиане едят синтетическую пищу, однако пользуются ножами, вилками, ложками и даже салфетками.

Со своей стороны, ученые-марсиане составляют довольно невысокое мнение об умственных способностях землян. Астронавты удивляются, почему марсиане не посетили Землю. Орейз объясняет им, что это связано с ослаблением религиозного чувства марсиан, что они не хотят заниматься штурмом космоса, потому что забыли бога, а тяга к богу и тяга к звездам - одно и то же. В этом, очевидно, заключается кредо и самого фон Брауна. К богу он всегда готов был идти по трупам тех, кто забыл брауновского бога. По Орейзу выходит, что марсиан погубили их технические достижения, долгие века ленивой и сытой жизни.

"Вы рассказали мне, - говорит Орейз, - что несколько передовых рас создали цивилизацию на вашем земном шаре несколько веков назад. То же самое произошло здесь десятки тысячелетий назад. Нынешнему прочному правительству планеты предшествовали войны и революции. Условия жизни улучшались, несмотря на эрозию почвы и засуху. Изящные искусства достигли неслыханного расцвета. Массовое производство товаров широкого потребления почти совершенно стерло различия между бедными и богатыми. Когда пять тысяч лет назад нам пришлось уйти под землю, наша техника уже достигла уровня, при котором она могла обеспечить все эти чудеса, которые вы видели. Но когда

этот подземный рай был достроен, основной источник марсианского предпринимательства божественная неудовлетворенность - стал сохнуть. Умер дух приключенчества, и теперь мы являем собой планету людей, ищущих лишь мира и покоя, почивших на лаврах наших предков. Дух приключенчества потонул в море Организации.

От законов природы никуда не убежишь, - продолжал он после задумчивой паузы. - Потребности миллионов существ могут быть удовлетворены лишь путем производства миллионов предметов, отлитых в одной и той же форме. Требуется стандартизация и еще раз стандартизация. В конечном счете это ведет к стандартизации вкусов и желаний - и да, даже взглядов... Наша одежда, наша обувь, наши привычки - все одинаково. В этом главная трагедия нашей жизни. Она давит на нас как ужасный кошмар. Внутренне мы постоянно боремся против унылого, серого однообразия, навязанного нам нашей цивилизацией".

Орейз предсказывает столь же конформистское будущее и людям Земли. Там тоже исчезает дух приключенчества.

Немцы узнают, что вся промышленность Марса работает на атомной энергии. Венец марсианской техники - неограниченная электроэнергия. Деньги на Марсе обеспечиваются не золотым запасом, а количеством вырабатываемой энергии. Физического труда практически нет, зато популярен спорт.

В тон Орейзу говорит с немцами и Ардри, глава марсианской супердержавы: "Господь бог пожелал, чтобы люди, созданные им по собственному образу и подобию и рассеянные по всей вселенной, установили связь и научились трудиться вместе во славу божию. История этой планеты научила нас, что обожествление технических достижений - худшее из зол... Человек должен поклоняться лишь господу, если он хочет исполнить свою миссию в жизни. Это и только это послужит этическим основанием для технологической цивилизации..."

Вдохновленные визитом пришельцев из космоса, марсиане предпринимают свой первый шаг в космос: запускают первый спутник.

Марсианская утопия фон Брауна предельно прозрачна по смыслу: его общество будущего - это все тот же наскоро перелицованный "тысячелетний рейх". Космические фантазии обер-ракетчика Гитлера преследуют гитлеровские же земные цели.

Нет, роман фон Брауна, пересказанный доктором Лейтером Старшому, был интересен лишь как иллюстрация философских взглядов самого фон Брауна.

- Оставим литературные опыты Брауна. Вы говорили о

бомбежке Пенемюнде..."

7. Загадка Боров Тухольских

Медленно тянется время на посту. Зевая вопреки уставу караульной службы во весь рот, Пупок нежился на полуденном солнце. Небо имперской провинции Вартеланд впервые за неделю было безоблачным, от края до края заливала его прозрачная берлинская лазурь, но стылое ноябрьское солнце не грело спину и поясницу Пупка. Поясницу здорово ломило. Уже месяц назад Пупок "поздравил" себя и всех друзей по "братской могиле" с радикулитом. Простелом мучились все в развед-группе "Феликс" - сказывались долгие часы, дни, недели, проведенные лежа на сыром песке нар, прикрытых лишь парашютным перкалем и одеялами. Верочка завязывала теплые платки вокруг талии, но и это не помогало. Хуже всего доставалось Петровичу: по лесу он ходил, согнувшись в поясе под прямым углом, и долго не мог разогнуться.

Вдруг остроглазый Пупок застыл с открытым в зевке ртом. В небе его внимание привлек почти бесформенный, быстро увеличивавшийся предмет. Совершенно беззвучно, словно пикируя из космоса, прямо, казалось, на Пупка летела добела раскаленная точка с коротким бело-газовым шлейфом, ярким, как молния. В следующее мгновение над лесом взметнулось полотнище синего пламени с алыми языками, почти сразу потонувшее в громадном клубящемся облаке дыма и пыли, и только тогда по ушам ударил колоссальной силы взрыв. Земля под Пупком заходила как при землетрясении. Воздушная волна смерчем промчалась по лесу. Пупка отшвырнуло на сосны...

Сразу же приподнялся прямоугольник дерна с сосенкой, и из землянки выскочил Олег. За ним из люка высунулась всклокоченная голова человека с завязанными глазами. Димка Попов, застревая в узком туннеле, кое-как помог пленнику выбраться из люка. Теперь стало видно, что одет он в коричневую форму роттенфюрера СА с матово-серебряными пуговицами, синими петлицами и витым желтым погоном. И Олег и Димка Попов вновь облачились в форму фельджандармов. Дождевик на Димке трещал по всем швам.

- Шнеллер! Шнеллер! - торопил штурмовика Попов.

- Ни пуха вам, фараоны! - сказал им вслед Пупок, поднимаясь и отряхиваясь. Он едва услышал собственный голос, так оглушил его взрыв ракеты. - Не смейте возвращаться с этим Фрицем - в "братской могиле" у нас и так из-за тебя, Димка, не хватает жизненного пространства!..

- Ауфвидерзеен, герр Набель! - сказал ему на прощанье Димка.

- Как ты меня назвал? - спросил Пупок.

- Эх, темнота! - проговорил Димка. - "Набель" по-немецки значит "пупок".

Минут через сорок Димка и Олег добрались со штурмовиком до дома лесничего. Меллер ждал их. После того как к нему поздно вечером зашел Констант Дом-бровский, он не сомкнул глаз. Он был бледен, руки дрожали, но он сделал все, что от него требовалось: вошел в коровник, сел за руль трофейного "опель-капитана" и, включив мотор, выехал на хорошо укатанную лесную дорогу перед своим домом. Теперь за руль сел Олег. Димка посадил штурмовика рядом с Олегом, а сам плюхнулся сзади, помахал рукой перепуганному Меллеру. "Опель-капитан" рванул с места и помчался по дороге, ведущей из леса. Путь предстоял неблизкий - в багажнике глухо погромыхивали канистры с бензином.

Спустив боковое стекло, Димка выглянул в окно: над лесом уже парил, серебристо поблескивая на солнце, "физелер-шторьх". Олег взглянул на трофейные часы, нажал на газ. Роттенфюрер СА сидел не шевелясь.

Выехав за опушку леса, откуда виднелись крыши деревни Бялоблоты, Олег огляделся и мягко остановил машину. Димка снял повязку - чистую байковую портянку - с глаз обер-ефрейтора СА.

- Садись за руль, Фриц! - сказал Димка на своем корявом, но бойком немецком языке, который он изучил за два с половиной года в оккупированном Минске. - Дальше машину поведешь ты. И помни - никакой самодеятельности. Бефель ист бефель: приказ есть приказ.

- Яволь! - глухо, но с чувством проговорил, пересаживаясь на место водителя, обер-ефрейтор. - Все будет сделано, майне херрен!.. Вы будете довольны мной.

На первых немцев напоролись через десять минут: к Бялоблотскому лесу со скоростью восемьдесят километров в час мчался кортеж автомобилей с автоматчиками-мотоциклистами и броневиков. Олег даже встретился глазами с эсэсовцем-мотоциклистом и почувствовал, как по позвонкам, как по клавишам, пробежали ледяные пальцы...

- Те, которые нам нужны? - негромко спросил Олег, когда моторизованная кавалькада скрылась в пыли.

- Ракетчики, - ответил Димка, глядя не в заднее окно, а в зеркальце водителя. - Я запомнил номера.

Два броневика, "хорьх" с желтыми фарами, штабные "мерседесы" с желтым слоном... Старые знакомые...

- Сбавьте скорость до шестидесяти! - приказал Димка

штурмовику.

В какой-то йеменкой деревне проехали мимо маршировавшего взвода фольксштурма в рыже-зеленых мундирах и с нарукавными повязками с имперским орлом и надписью "Дойче Фольксштурм". Гитлеровцы лет шестнадцати семнадцати и пожилые немцы, пузатые и седые, шли нестройными рядами. Бауэрнфюреры, ставшие взводными и ротными командирами фольксштурма, с любопытством озирались на пассажиров в знакомом "опеле".

- Ба! - говорили они друг другу. - Да это же Фриц, денщик нашего шефа. Говорят, штурмфюрер куда-то бежал, испугавшись Иванов, а Фриц возит на его машине каких-то фельджандармов! Идет, видно, следствие. Ну и дела!

- Отставить разговоры в строю! - грозно крикнул фальцетом командир взвода - молоденький прыщавый унтербаннфюрер из "Гитлерютенда".- Айн, цвай, драй, линкс, айн, цвай, драй, линкс!..

Когда Фриц пересек шоссе Познань - Бромберг, Димка приказал ему остановить "опель" в небольшом еловом перелеске за большим рекламным щитом с надписью: "Покупайте бензин и масло фирмы "Лойна!". Выйдя из машины, Димка вернулся на шоссе, чтобы убедиться, что с шоссе не видно "опеля". Затем, приглядевшись к следам протекторов на шоссе и на съезде к грейдерной дороге, которая вела к Бялоблотам, без труда установил, что кортеж ракетчиков приехал с севера.

Теперь началось долгое ожидание. Дьявольски томительное ожидание. Раза два-три проезжали машины, и тогда Фриц по команде Попова выходил и, подняв капот, делал вид, что копается в моторе.

- Господин офицер разрешит мне обратиться к нему? - нарушил молчание Фриц, согласно закону прусской армии адресуясь к Димке в третьем лице.

- Валяй! - сказал Попов.

- Я не знаю, кто вы и куда мы едем, но хочу заверить вас, что я очень ценю свою жизнь и поэтому сделаю все, что вы пожелаете.

- Это все?

- Яволь!

- Вы мудры как Бисмарк, Фриц.

Примерно через час над дорогой, на высоте около двухсот метров, держа путь строго на север, пролетел "физелер". Еще через двадцать минут на шоссе По-зен - Бромберг выехал кортеж ракетчиков. Он повернул на север и понесся по шоссе со скоростью восемьдесят километров в час. Тут же из-за рекламного щита на обочине шоссе вынырнул черный "опель-капи-тан" с двумя фельджандармами и роттенфюрером СА за рулем и пристроился в кильватер, держась, однако, на почтительном расстоянии. Димка успел забинтовать Олегу нижнюю часть лица: Олег совсем плохо, что называется, ни в зуб ногой "шпрехал" по-немецки, знал всего несколько ругательств вроде "доннер веттер нох маль" и в душе проклинал себя за упорную неуспеваемость по предмету, который вела ненавидимая им "немка" в школе.

Черный "опель-капитан" несся за ракетчиками. Стрелка спидометра подрагивала под цифрой 80. Олег зорко смотрел вперед, Димка - назад. Одновременно Димка поглядывал то на спидометр, то на разостланную на заднем сиденье карту автомобильных дорог Восточной Германии, то на проносящиеся мимо аккуратные дорожные указатели и километровые столбы.

Олег, в прошлом партизан и диверсант, впервые открыто ехал по немецкому автобану. На заданиях в Белоруссии и Польше он видел немецкие машины лишь в прицеле своего ППШ или РПД, видел их пылающими, изрешеченными пулями. Теперь же навстречу мчались и мирно проносились мимо некамуфлированные "адлеры", "опели", "мерседесы", "бюссинги", чьи пассажиры не обращали никакого внимания на фельджандармов в черном "опель-капитане". Олег провожал их глазами, не поворачивая головы, со жгучим интересом, с. волнением разглядывал проносившиеся мимо чистенькие городки и деревни с кирками, ратушами и пивными. Вот будет о чем рассказать ребятам в Бялоблотском лесу, родная опушка которого оставалась далеко позади. Пусть теперь Женька Кульчицкий позавидует ему и Димке. Женька просился на эту операцию, но Домбровский наотрез отказал ему: "Кто же без тебя доведет до конца дело с Велепольским?!"

И Олег и Димка Попов больше всего в этом рискованном вояже страшились проверки документов. Поэтому трижды, завидев впереди полосатые шлагбаумы и будки контрольно-пропускных пунктов перед въездом в большие населенные пункты: города Гнезен (Гнезно), Хохензальц (Иноврoцлав) и Бромберг (Быдгощ), они заставляли Фрица объезжать эти опасные посты фельд-жандармерии и полиции. К счастью, охрана двух

больших мостов - на реках Нотец и Варта - не задержала их. Выручила форма и пропуск за ветровым стеклом. Благополучно проскочили они и через железную дорогу.

Раз, бешено сигналя клаксоном и сиреной, их обогнал на сумасшедшей скорости черный "мерседес-бенц" с пуленепроницаемыми голубоватыми стеклами.

Услышав эти сигналы, Димка и Олег отвели предохранители своих автоматов, но потом с облегчением увидели на крыле восьмицилиндрового "мерседеса" флажок СС-группенфюрера: черный флажок со сдвоенными белыми "блитцами" - молниями. Не станет же эсэсовский генерал-лейтенант самолично гоняться за разведчиками из Бялоблотского леса! Не генеральское это дело.

Мчались мимо закрытых костелов и заколоченных изб в убогих польских деревушках, чьих жителей немцы вот уже несколько лет, как выселили на восток, в генерал-губернаторство. Земля вся перешла к бауэрам. Они давно уже убрали с полей рожь, картофель, сахарную свеклу.

На одном перекрестке их пытались остановить две смазливые блондинки-связисточки, но, увидев в машине фельджандармов, эти валькирии в новеньких с иголочки мундирчиках испуганно опустили наманикюренные руки.

Кого только не увидели Димка и Олег во время своего автопробега по имперской провинции Вартегау! Марширующих девчонок из БДМ (Немецкого бунда девушек) и "юнгцуг" (взвод) десятилетних мальчишек из "Дойчес Юнгфольк" в военизированной форме с барабанами и дудками; советских военнопленных в полосатых арестантских костюмах; маршевую роту пехотинцев вермахта в пропыленной форме цвета крапивы и черномундирных танкистов на привале; команду польских землекопов из организации Тодта и похоронную процессию со старинным катафалком; пастухов и свинопасов со стадами коров и свиней; бауэров в фурманках и почтальонов на велосипедах... Свиньи в кузовах грузовиков и те выглядели чужими, иностранными...

Через три с половиной часа быстрой езды по обеим сторонам шоссе потянулись радующие глаз разведчиков густые сосновые и смешанные леса с окрашенным в осенние тона вереском. Редко-редко проносились мимо польские убогие деревушки с заколоченными ставнями, деревни-призраки, чьих обитателей немцы давно выселили. Ракетчики ехали теперь по бывшему польскому коридору, по земле прежнего Поморского воеводства. Димка Попов взглянул на карту: Боры Тухольские. Ему было знакомо это название. Поручник Исаевич рассказывал: его

разведчики, посланные в Боры Тухольские, бесследно исчезли, пропали без вести. Вся область Боров Тухольских объявлена Гиммлером запретной...

Какую тайну скрывает этот подернутый туманом глухой и стылый бор?

Оставив позади городки Кроне и Пруст, немцы и разведчики свернули с шоссе на новую, недавно построенную светло-серую бетонку с извилистым швом посредине. Теперь черный "опель-капитан" отстал еще больше, держался на расстоянии видимости. Когда оставалось всего около пятнадцати километров до городка Тюхеля (Тухоле), разведчики вновь свернули в глубь краснолесья.

- Хальт! - скомандовал Попов.

Он вовремя заметил у поворота большой деревянный щит, на котором сверху чернела надпись "Штрейг ферботен" - "строго запрещается", а внизу мелким шрифтом вермахт угрожал, очевидно, самыми суровыми карами всякому без пропуска вошедшему.

- Цурюк! Назад!

Отъехав сумеречным бором километра два от закрытой зоны, черный "опель-капитан" свернул с пустынной бетонки на лесную дорогу и, проехав около ста метров, остановился, вспугнув стайку снегирей под молодыми соснами. Димка минут пять изучал карту: Тюхель связан железной дорогой с городами Конитц и Грауденц, ближайшие большие города - Данциг (на севере) и Бромберг (на юге)...

Первая часть задания выполнена. Теперь надо браться за выполнение другой его части, пожалуй, еще более опасной.

- Присмотри за Фрицем! - бросил Димка Олегу.

- Я пойду с тобой, - выпалил Олег, - а Фрица свяжем.

- Не суетись, - ответил Димка. - Все будет как сказал Константин. Веди наблюдение за бетонкой.

- Запасная явка? - спросил Олег.

- У шоссе третья просека отсюда на юг.:

- Ни пуха, медведь!

- К черту... Заправь машину бензином!

Димку в разведгруппе "Феликс" за его богатырский рост в шутку нередко называли "Дюймовочкой" или мальчик с пальчик. И еще называли медведем, намекая на его лень, когда речь шла о какой-нибудь скучной рутинной работе. Как и полагается медведю, Димка чувствовал себя хозяином леса. Своей косолапой походочкой, вперевалочку он быстро вышел лесом к границе запретной зоны. Вышел, увидел за красным подлеском двойной ряд колючей проволоки и тут же, облюбовав сукастую сосну, вскарабкался вверх по-медвежьи, В сосновых вершинах зловеще

завывал северо-западный ветер.

За трехметровой изгородью из колючей проволоки виднелись крыши каких-то казенных строений. Крыши из гофрированного железа, на котором плавились лучи позднего прибалтийского заката. Далеко окрест разносился в тихом вечернем воздухе стук движка. Димка Попов, сев на развилку ветвей, глянул на свой серо-зеленый фельджандармский дождевик: он хорошо маскировал его под кроной сосны.

На большой поляне стояли новенькие домики для офицерского состава, солдатская казарма, караульное помещение, гараж, склад у станции железнодорожной ветки. Прежде всего Димка обратил внимание на десяток огромных оливково-зеленых ракет, стоявших под маскировочными сетями на бетонных площадках стартовой позиции. Разведчик сразу понял, что немцы запускают ракеты именно с этого места, так как кора на ближайших соснах вокруг бетонных площадок была начисто сожжена почти до верхних сучьев. Пожалуй, при более детальном рассмотрении этих "ожогов" и выжженной земли вокруг можно было бы точно установить, сколько ракет было уже запущено с этих площадок. Кроме того, поодаль от ракет Димка заметил длинную амбразуру и серый железобетонный горб наблюдательного бункера, вырытого в невысоком песчаном холме. Массивная металлическая дверь сбоку была наглухо закрыта. Сомнений не оставалось: перед глазами разведчика лежал один из важнейших военных полигонов гитлеровской Германии.

Димка перебрался на другую сосну, поближе к ракетам. Теперь он увидел под соснами грузовики-заправщики, автоцистерны с жидким кислородом, покрытые белым инеем, автонасосы и огромные ракетные транспортеры, машины тыла, связи, освещения.

Вдруг внизу он услышал голоса. Совсем неподалеку происходила смена караула: новый часовой в серой полевой форме СС заступил на пост около заправщиков, старый ушел с разводящим в караульное помещение.

Если бы не безмолвные грозные обелиски ракет - три из них были крылатыми, - то картина ракетной базы выглядела бы довольно мирной. Из здания солдатской столовой тянуло дымком и каким-то очень аппетитным запахом. Димка сразу вспомнил, что у него с утра не было маковой росинки во рту.

Из столовой вышли, закуривая, два немца в оливкового цвета шинелях. На красных повязках - черная свастика в белом круге под черными буквами: "ОРГ. ТОДТ". Это инженеры или техники из военно-строительной организации доктора Тодта.

Разводящий продолжал обход территории базы, сменяя часовых. На всякий случай Димка запомнил расположение постов. Посты наземные, посты на сторожевых вышках с прожекторами, посты на наблюдательных площадках, устроенных на соснах...

Потом его взгляд снова вернулся к ракетам с острыми носами и четырьмя плавниками стабилизаторов. Мысль о том, что он, возможно, первый советский разведчик, увидевший собственными глазами секретное оружие Гитлера, заставило сильнее биться сердце этого молодого инженера-строителя из Подольска, минского подпольщика, партизана, разведчика из группы "Феликс".

Видно, испытания ракет не проходили без человеческих жертв: на лесной опушке, мысом выступающей в поле, Димка заметил небольшое кладбище с касками на березовых крестах.

Вдали, там, где из темного леса выбегала светло-серая бетонка, стояли деревянные ворота с полосатым шлагбаумом с надписью: "Хальт!" и будкой с двумя большими руническими семерками СС на дощатой стенке, раскрашенной "под елочку". Охранник-эсэсовец в серой форме ваффен СС проверял документы у мотоциклиста, который только что прибыл на базу. Внимание Димки привлекла сумка из коричневой кожи размером побольше обыкновенной полевой сумки на боку у мотоциклиста, одетого в глухой костюм из мягкого черного хрома. А что, если?.. Димка быстро спустился по сосне. По-пластунски, энергично работая локтями и коленями, отполз метров на двадцать от своего наблюдательного пункта и колючей проволоки и вернулся к "опелю".

- Все в порядке, Олег! Фриц вел себя прилично? Слушай, по бетонке кто-нибудь проезжал?

- Проехал тут один хмырь на мотоцикле "вандерер" весь в черной коже.

- Достань-ка провод из багажника!

- Ясно! Я пойду с тобой.

- Отдыхай тут с Фрицем. Я справлюсь один. Не впервой.

Осторожно выйдя к бетонке, Димка привязал один конец тонкого, но крепкого серого провода к комлю сосны, переполз пластуном через шоссе и залег за кюветом.

Минут через пятнадцать со стороны ракетной базы появился крытый двухтонный грузовик "опель-блитц". Заметит или не заметит водитель провод на дороге? Нет, не заметил. В лесу стало уже довольно темно, а грузовик проехал с потушенными фарами.

Еще минут через двадцать в воздухе возник стрекот

мотоцикла. По бетонке мчался, нагнувшись над рулем, на скорости не меньше чем восемьдесят километров в час мотоциклист в черном хроме. Фара, прикрытая сверху маскировочным козырьком, ярко горела, освещая дорогу. Когда до мотоциклиста оставалось каких-нибудь пятнадцать метров, Димка привстал, резко натянул и обмотал провод вокруг сосны с таким расчетом, чтобы тот пришелся на уровень груди мотоциклиста. Можно было бы поднять его и повыше, до шеи, но тогда мотоциклист вряд ли смог бы отвечать на Димкины вопросы.

Л1отоциклист мешком слетел с мотоцикла, покатился по бетону. Машина со скрежетом проехала боком по полотну шоссе и заглохла, нырнув передним колесом в заполненный водой кювет. Не теряя времени, Димка спрятал мокрый мотоцикл за соснами и на руках притащил потерявшего сознание мотоциклиста к "опелю". Сквозь очки было видно- глаза у немца закатились.

- Ловко! - только и сказал Олег, завидев Димку с его драгоценной ношей. - Все сработано профессионально.

- Мой восемнадцатый! - с почти отеческой лаской и гордостью в голосе сказал Димка Олегу, бережно укладывая "языка" на заднем сиденье "опеля".

- Поехали! - бросил он перепуганному Фрицу. В кожаной сумке мотоциклиста, кроме кипы пакетов и конвертов, нашелся сверток с хлебом в станиоле, копченой колбасой и стаканчиком меда.

- Во дает Адольф! - проговорил с набитым ртом Олег. - Сам на ладан дышит, а солдат своих медом кормит!

- Эрзац, дешевка! - ревниво ответил Димка. - На, Фриц, пожуй!

Водитель выдавил прочувствованное "данке", пожевал без аппетита и неожиданно заявил робким голосом:

- В молодости я сочувствовал коммунистам и даже голосовал за них на выборах...

- Что он говорит, черт немой? - спросил Олег. Навстречу промчалась автоколонна моторизованной части с эмблемой "М" танковой гренадерской дивизии СС "Нордланд".

Фриц умолк, потом немного погодя добавил смелее:

- Я даже дрался с наци в пивной.

- Чего? - спросил Олег.

Судя по этим лояльным заявлениям денщика штурм-фюрера СА фон Ширера, он уже начал понимать, кого везет в этот поздний час без ночного пропуска. Димку больше интересовали документы и пакеты в сумке мотоциклиста, нежели душевные

переливы Фрица. Достав из сумки документы, Димка просматривал их, освещая фонариком.

- Я даже родился в родном городе Карла Маркса, - сдавленно произнес Фриц.

- Маркс? - спросил Олег. - При чем тут Маркс?

В сумке Димка обнаружил копию любопытного письма начальника главной ракетной базы и ракетного института в Пенемюнде генерала Дорнбергера (кодовое название штаба "00400"), в котором означенный генерал с типично немецкой педантичностью писал майору Веберу, что юридический отдел ОКБ главнокомандования вермахта, отвечая на запрос ракетного института, вынес решение, согласно которому ответственность за ущерб, причиненный ракетами, взрывающимися в населенных районах генерал-губернаторства и Вартегау, будут нести не ракетчики, а по решению соответствующего отдела ставки фюрера - СД, то есть управление государственной безопасности при СС-рейхсфюрере Генрихе Гиммлере. Таким образом, Гиммлер великодушно освобождал ракетчиков от всякой ответственности за жизнь поляков и фактически отводил населенные поляками земли под полигоны для испытания нового мощного оружия. Об этом преступлении Гиммлера мир еще не слышал...

Из других документов с грифом "Секретно" следовало, что в конце июля сорок четвертого генерал Дорнбергер позаботился о переводе ракетной базы из-под Близны на северо-восток, в связи с подходом советских войск. На базе, с которой удалось Димке познакомиться, размещался уже ракетно-испытательный дивизион из трех батарей. Дивизион возглавил подполковник Мозер. Кодовое название базы "Хайдекраут", что по-немецки означает "вереск". "Вереск" выпускал ракеты по отведенному Гиммлером полигону в... Бялоблотском лесу и некоторым другим испытательным мишеням.

Другое письмо генерала Дорнбергера предлагало подполковнику Мозеру в случае нового большого наступления советских войск базу передислоцировать в лес южнее прибалтийского городка Вольгаст, что расположен почти рядом с Пенемюнде, а в Борах Тухольских подобрать такой же удобный полигон, как в Бялоблотском лесу.

Из следующего письма стало ясно, что на железнодорожной ветке, соединяющей базу "Вереск" со станцией Линденбуш, курсирует особый поезд-ракетоносец. В письме указывалось, что в дальнейшем предполагается использовать такие поезда-ракетоносцы, которые будут скрываться от авиации противника в горных туннелях.

Из кармана куртки мотоциклиста Димка извлек пропуск на

имя Зигфрида Лоренца.

Позади вдруг раздался приглушенный громовой раскат... Стонущим эхом ответил ошеломленный лес.

- Стой! - крикнул Димка Фрицу.

Тот резко затормозил. Димка выскочил из "опеля". Олег - за ним, выхватив ключ от машины. Так и есть. Далеко позади, там, где спряталась в Борах Тухольских ракетная база "Вереск", все ночное поднебесье побагровело, словно пылал пожаром после бомбежки большой город.

- Вон она, вон она! - чуть не крикнул Димка, показывая в небо.

Собственно, он увидел не ракету, а выхлоп от ракеты, ее огненный, как у жар-птицы, хвост. Димке пришло в голову, что эти ракеты и были жар-птицами, за которыми с превеликим риском для жизни тайно гонялись в ночи "третьего рейха" сотни, а может быть, и тысячи людей многих национальностей...

Димка взглянул на светящийся циферблат часов: 23,18. Трудноуловимая невооруженным глазом искра почти затерялась среди звезд. Только через четыре с половиной минуты эта огненная точка, описав дугу, скрылась в дымке где-то на юге. Димка взглянул на компас и выругался. Судя по азимуту, "Вереск" опять выпустил ракеты по Бялоблотскому лесу. Южнее она не полетит - там густонаселенные земли промышленной Силезии.

- Не жахнула бы по нашим! - проговорил Олег, которого взволновала та же мысль, что и Димку.

- Наши, как договорились, засекут время взрыва, мы сможем точно установить скорость этих ракет. От стартовой площадки до места взрыва - сто пятьдесят пять километров. Гони, Фриц!..

Когда Димка усаживался на заднее сиденье, мотоциклист штабс-унтер-офицер Зигфрид Лоренц глухо застонал. Димка потряс его за плечо: еще неизвестно, что ожидает их этой ночью на дороге, а "языка" допросить надо, пока не поздно. Но Зигфрид еще не пришел в себя.

Ехали, по-прежнему объезжая контрольно-пропускные пункты, мимо темных боров, мимо затемненных городков и деревень, держа наготове немецкие автоматы. Все реже проносились встречные машины по шоссе. В прифронтовой полосе было бы иначе. Там, на востоке, за Саном, у Вислы, во избежание встречи с советскими штурмовиками и бомбардировщиками немцы предпочитают разъезжать ночью. Благополучно проехали посты на Нотце и Варте, уже миновали Гнезен и Врешен. Спидометр отсчитывал километр за километром. Димка уже начал думать, что им удастся беспрепятственно добраться до Бялоблотского леса.

По крыше машины забарабанил дождь. Заплакали оконные стекла, гусиным прусским шагом замаршировал "дворник".

Лоренц опять застонал. Димка осветил его лицо фонариком. Белокурая челка под черным шлемом слиплась от крови. Глаза Лоренца не дрогнули, белесые ресницы не шевельнулись. Димка пощупал пульс у своего "восемнадцатого". Сердце билось учащенно. Еще раз взглянув на "языка", Димка решил привести его в надлежащий вид: а вдруг кто остановит машину? Он достал из кармана куртки мотоциклиста скомканный носовой платок и стал вытирать лоб Лоренца. А через минуту, вынырнув из ночи, с "стелем" поравнялся мотоцикл с коляской. Кто-то посветил сквозь стекло фонариком. На рукаве - черно-белый ромб с буквами "СД". Яркий луч скользнул по помертвевшим лицам Олега, Фрица, Димки, по безжизненному лицу Лоренца. Потом фонарик погас, впереди пронеслись, моргнув кроваво-красными стоп-сигналами, три мотоцикла с колясками.

- Если остановят, - сказал Димка Фрицу прямо в ухо, - скажешь, что мы подобрали мотоциклиста, несчастный случай, везем в Позен в лазарет!

Мотоциклисты резко развернулись и стали на дороге, светя фарами прямо в ветровое стекло "опеля". Какая-то черная фигура соскочила и, размахивая красным фонариком, засигналила: "Хальт!" На груди качнулась светящаяся бляха на тяжелой цепи.

- Фельджандармы! - выдохнул Олег. - Их шестеро!

Фельджандармы - это еще куда ни шло! Но ведь по крайней мере один из немцев - сотрудник СД, службы безопасности СС! Это не случайно!

- Спокойно, - проговорил Димка, - Фриц, действуй!

Неизвестно, показалась бы версия Димки убедительной "цепным псам" или нет; потребовали бы они у пассажиров "опеля" документы, которых у них - у двоих по крайней мере - ив помине не было, - все Димкины расчеты опрокинул Фриц. Как только остановил машину, он тут же, теряя от ужаса голову, распахнул дверцу и выскочил вон с шалым визгом:

- Это русские! Русские!

Олег вскинул "шмайссер" и, не дожидаясь, пока фельджандармы среагируют на истошный вопль Фрица, стреляя прямо в ветровое стекло, выпустил длинную грохочущую очередь, почти на все тридцать два патрона в рожке. Хорошо, что попались неразрывные - те бы рвались, ударяясь о стекло... Двое упали, остальные бросились врассыпную. "Цепные собаки" не нюхали фронта и потому не отличались храбростью. Одно дело - зверски избивать собственных провинившихся солдат, другое - вести бой с русскими. Они бежали сломя голову, и только один - с ромбом

"СД" на рукаве - слепо отстреливался на бегу. Димка снял одной очередью и его и Фрица. Тогда уцелевшая тройка догадалась спрыгнуть в кювет справа. Выбросившись из машины, Олег выстрелил остаток рожка вдоль кювета. Оттуда донесся визг еще одного подстреленного "цепного пса".

- За мной! - крикнул Димка, хватая Олега за рукав.

Согнувшись, они метнулись влево, перепрыгнули через кювет, скрылись за придорожными деревьями.

- А сумка? Сумку взял? - вдруг спросил Олег.

- А ты думал? Вот она!

И Димка Попов ласково похлопал прыгающую на боку кожаную сумку с тайной Боров Тухольских.

Позади слитно прогрохотали автоматные очереди.

Двое уцелевших фельджандармов остановили грузовик со взводом юнкеров из познаньского училища СС и вместе с юнкерами обстреляли черный "опель-капитан". Потом они подошли к задымившему "опелю", осветив его фарами и фонариками. Один из фельджандармов заметил на заднем сиденье неподвижную фигуру Лоренца. Тот застонал, открыл глаза.

- Где я? Где моя сумка? - прошептал он.

8. Из записей Старшого

"К августу мы хотя и не выполнили план, но производство ракет достигло зенита. Личный состав базы пополнился на две тысячи человек. Но все же я не верил, что наши ракеты, эти летающие автоматические лаборатории, поступят на вооружение армейских ракетных частей. Может быть, это был, по выражению Брауна, подсознательный саботаж, не знаю... Было почти половина двенадцатого, когда завыли сирены. Нас не испугала воздушная тревога: обычно английские летчики летали над нами со стороны Балтики. Но в этот раз "томми" пикировали в своих четырехмоторных бомбардировщиках прямо на Пенемюнде. Воздушные волны первых же многотонных бомб снесли черепицу с крыш и выбили все стекла в окнах. Наши зенитные батареи открыли яростный огонь. Началась дуэль земли с воздухом. Вся база клубилась облаками тончайшей белой пыли. Англичане забросали ракетный центр канистрами с фосфором и зажигательной жидкостью. Браун, этот кавалер Рыцарского креста, был бледнее полотна и дрожал мелкой дрожью. Вовсю пылали конструкторское бюро, сборочные и ремонтные мастерские, электростанция, инструментальный цех, узел связи. Начались пожары и в жилой зоне. Ослепительно белым огнем горели зажигательные бомбы. Обрушивались крыши казарм и офицерских вилл, вздымая снопы искр. "Бомбовые ковры"

англичан один за другим накрывали Пенемюнде. В дыму и пламени исчезали административные здания, склады, гаражи, бензохранилища. Над развалинами военного городка стояло сплошное зарево.

Наш шеф, генерал Дорнбергер, показал себя во всем блеске, спасая не секретную документацию и чертежи в сейфах, а свое собственное имущество: фамильные бумаги, коллекцию марок, дорогие охотничьи ружья, чемоданы с барахлом. Его видели, когда он выбросился из окна своего особняка, завернувшись в горящее одеяло, прижимая какую-то пепельницу к груди... Налет длился полтора часа. Погибли доктор Вальтер Тиль, главный специалист по аэродинамике, главный инженер Вальтер, генерал-майор Шемье-Гличинский и много-много других - почти 750 человек. Среди них, конечно, были и подневольные рабочие - русские, украинцы, поляки, французы. Я ходил как безумный среди трупов мужчин, женщин и детей и думал: "А разве мы все не работаем в поте лица, чтобы вызвать еще большие разрушения?!" По сообщениям лондонского радио, в налете приняло участие шестьсот четырехмоторных бомбардировщиков, которые сбросили 1500 тонн фугасок и несчетное количество зажигательных бомб. Зенитчики и ночные истребители, подоспевшие из Берлина, сбили сорок семь бомбардировщиков. Англичане были довольны: они были готовы пожертвовать половиной своих бомбардировщиков, если только другая половина не промахнется. Фюрер рвал и метал. Перепуганный начальник штаба люфтваффе генерал Иошонек застрелился по приказу Гитлера, хотя наци пустили слух, будто он погиб во время пенемюндской бомбежки.

- И часто вас бомбили потом?

- То-то и поразительно, что после этого налета англичане, почив на лаврах, - ведь этот налет наверняка спас от разрушения Лондон, - оставили нас в покое на целых девять месяцев. Дорнбергер уверял, что его умелое использование развалин и пепелищ в Пенемюнде с целью маскировки убедило англичан, что ракетный институт уничтожен и не восстанавливается. Геббельс трубил миру о "\У\У" - "вундерваффе" - "чудо-оружии". Шестого июня сорок четвертого года началось вторжение союзников России, а немцы с горечью спрашивали друг друга: "Где чудо-оружие?" Разочарование охватило всю Германию. Помню на вагонах фронтового эшелона трагически горькую надпись: "Мы, старые обезьяны, вместо нового оружия!" Только двенадцатого или четырнадцатого июня, точно не помню, первые самолеты-снаряды "Фау-1" упали на Лондон: началась операция "Белый медведь", "оружие возмездия" вступило в бой. Генрих Гиммлер,

воображавший себя перевоплощением саксонского короля Генриха I, уже стал к тому времени вторым человеком в рейхе после Гитлера, оттеснив с этого места Геринга. Все в СС знали, что отнюдь не арийского вида, узкогрудый, хилый рейхсфюрер СС не смог сдать ни одной нормы учрежденного им эсэсовского "Спортивного значка". Я хорошо запомнил его: одутловатое бледное лицо с близорукими глазами и слабым подбородком, маленькие усики. Удивительно невзрачная внешность у этого странного человека. Умом он тоже не отличается - мистик, верит в алхимию и всякую чертовщину. Он был одет в свою форму ваффен СС с лавровым венком на воротнике. Нет, англичане не мешали нам, а вот Гиммлер и его СС почти полностью связали нам руки. Сам Гиммлер еще в апреле пожаловал в Пенемюнде и поручил охрану базы СС-группенфюреру Мацуву, шефу СС и полиции безопасности округа Штеттин. У СС работала своя научно-исследовательская ракетная база под Данцигом, но дело у них не ладилось, вот Гиммлер, эта очковая змея, и решил проглотить Пенемюнде. Действуя через ставку фюрера, Генрих Гиммлер стал исподволь снимать неугодных ему руководителей нашей базы. Какие-то таинственные переговоры Гиммлер вел за спиной Дорнбергера с Брауном. Недаром Вернер фон Браун обскакал своих коллег, став штурмбаннфюрером - майором СС. Не исключено, что "верный Вернер" давно сделался глазами и ушами "Верного Генриха" в Пенемюнде..."

9. Последние дни капрала Вудстока

Рано утром майора Велепольского, заночевавшего у бывшего ксендза, разбудил рыжий поручник.

- Пан майор! Они приняли самолет! Мы дежурили, как вы приказали, в Бялоблотском лесу, но самолет прилетел не на большую поляну около дома лесника Меллера, а на одну из маленьких.

- Откуда прилетел?

- С запада, пан майор.

- Так. И улетел на запад?

- Так точно, пан майор!

- Вы сами видели самолет?

- Так точно! Это был двухмоторный самолет, пан майор!

- Отлично! Место расположения русской землянки установили?

- Никак нет.

- Болваны, кретины!

- Пан майор, я бы попросил вас...

- Вот вы где у меня все, пся крев, холера ясна!.. Попросите моего денщика принести горячей воды для бритья.

За бритьем майор спросил поручника:

- О фон Ширере никаких известий нет?

- О нем нет, но теперь исчез куда-то Фриц с "опелем",

- Странно .. Расследуйте это дело, поручник! Капитан спит?

- Так точно.

Глядя прямо в глаза поручника, майор Велепольский понизил голос и медленно и раздельно произнес:

- Прошу вас, поручник, посматривать за паном капитаном. У меня есть веские основания думать, что Серый, как крыса, покидающая тонущий корабль, намерен переметнуться к банде этих красных хлопов под началом бандита Казубского.

- Этого не может быть!

- Более того, у меня имеются сведения, что Серый, неблагодарный пес, уже ведет за моей спиной переговоры с этим агентом НКВД Богумилом Исаевичем!

- Но мы так давно знаем пана капитана...

- Вам я всецело доверяю, поручник. Думаю, вскоре вам, именно вам придется занять место капитана. А там большевистская Россия покончит с затянувшейся агонией Германии и столкнется лбами с Англией и Америкой. Тут-то и пробьет час возрождения национального величия Речи Посполитой. Польский орел раскинет крылья от моря до моря, а мы, ее верные сыны, займем достойное место среди ее новых правителей!.. Вам все ясно, поручник?

- Так точно, пан майор!

- Тогда выплесните-ка эту воду из мыльницы. Дзенькую, поручник. И держите язык за зубами!..

За завтраком майор обсудил с капитаном и поручником план обмена документов на деньги.

- Я считаю, - твердо заявил капитан, сдвинув над тлеющими углями глаз в одну линию свои широкие брови, - что нам надо напасть на русских и отнять деньги. Ведь нас больше...

- Разве вы не знаете этих людей? - спросил с горькой усмешкой майор. Каждый из них стоит трех американских рейнджеров или английских коммандосов и пятерых моих солдат! Кроме того, я верю капралу Вудстоку и не хочу рисковать этой операцией. Вчера прилетал английский самолет!

- Я настаиваю на своем предложении! - уперся Серый.

- Ваше предложение меня не интересует, - презрительно ответил майор.

- Мне надоели ваши великопанские замашки, граф! - с угрозой вскричал Серый. - В конце концов, это я первый добыл эти документы!..

В это же время шло совещание трех командиров

разведгруппы "Феликс".

- Мой вам совет, - хмуро, с безнадежным упорством сказал Петрович, напасть на этих фашистских бандитов, навалиться всеми силами, документы отнять, а деньги из землянки до прихода наших войск не выносить.

- Нет, - решительно ответил на это предложение Констант Домбровский. Нахрапом тут все дело испортишь. Под вечер я увижусь с Богумилом Исаевичем. У него есть свой человек среди людей майора Ве-лепольского. Я надеюсь узнать истинные намерения этого графа. Вот тогда и примем окончательное решение.

В эту минуту отворился потайной люк землянки, и Пупок - он стоял на посту - чуть не закричал:

- Наши пришли! Димка с Олегом!

- Ну как? Здорово вчера ракета бабахнула? - первым делом спросил Димка.

- Еще как, - ответил Констант. - На этот раз ближе к кордону Меллера! Он, оказывается, недавно получил приказ прекратить регистрацию убытков, причиненных ракетами его лесу, и срочно выехать из леса. Но он не торопится, держит нос по ветру!

Когда улеглось радостное волнение и командиры выслушали рапорт Димки о "Вереске", о сумке Зигфрида Лоренца и о ночной стычке с фельджандармами, Констант так и вцепился в трофейные документы.

- Вера! - позвал он радистку. - Сегодня же будешь просить Директора, чтобы он еще раз прислал сюда самолет.

- Только опять пусть прилетает с запада, - с улыбкой напомнил Евгений Кульчицкий. - И улетает на запад.

- "Хвоста" мы за собой не привели, - сказал Димка, - снег сразу следы засыпает, но я ума не приложу, как мы будем выходить из лесу, когда ляжет снег.

- Во-первых, - ответил Констант, отрываясь от документов Лоренца, будем стараться ходить в снегопад, во-вторых, мы тут с Евгением заказали у Меллера специальные деревянные подбойки в форме кабаньего копыта. Прибьешь пару таких подбоек к подошвам сапог, возьмешь в руки другую пару, чтобы сдваивать шаг, и бегай себе по лесу!.. Нет, я серьезно...

Пупок тут же побежал на карачках по проходу, хрюкая по-кабаньи, под смех друзей.

Под вечер в назначенный час пришел Богумил Исаевич.

- А снег все валит, - сказал он, отряхивая конфедератку.

- Прежде всего, - сказал Констант, обнимая своего польского друга, разреши поздравить тебя, как говорится, от всей нашей группы с законным браком! Следовало бы, конечно, вам,

новобрачным, подарок преподнести, сказал Евгений, в свою очередь крепко пожимая руку Богумилу.

- А мы уже получили от вас подарок, - ответил, улыбаясь, поручник Армии Людовой. - Материал на подвенечное платье и фату для моей нареченной! Пупок преподнес этот подарок от всей вашей группы.

Тут Константу Домбровскому пришлось смущенно потупиться.

Вечером Евгений, Констант и Петрович выслушали подробный, почти дословный рассказ Богумила о совещании во время завтрака майора Велепольского и его двух помощников.

- А может, все это брехня? - сумрачно пробормотал Петрович.

- Как брехня?! - повысил голос Богумил. - Клянусь богом! С этим человеком меня свел мой штаб в Войске Польском, как только я радировал о приходе в наш район отряда майора Велепольского. Я доверяю ему целиком и полностью.

Когда Богумил Исаевич ушел, отказавшись от довольно скудного ужина, Петрович упрямо добавил:

- А я и этому поручнику Исаевичу не верю! Все они одинаковы!..

И тут Константа оставило его долготерпение.

- Вот что, лейтенант! - вскипел он. - Я отстраняю тебя от всех дел, связанных с ракетами. Ясно?

- Ясно-то ясно, да посмотрим, что Директор скажет, когда я ему все доложу...

- К тому времени мы закончим эту операцию.

- Поживем, увидим... - глухо произнес Петрович из своего темного угла, где он сидел скорчившись, словно изготовившись к прыжку.

Когда майор граф Велепольский раскрыл чемодан и увидел аккуратные стопки банкнотов Английского банка, перехваченные бумажными поясками, глаза его округлились, губы затряслись, запрыгали. Он бессильно опустил чемодан на землю, присел на корточки и стал беспорядочно считать банкноты с изображением Георга V, Георга VI, бормоча по-польски и по-английски:

- Езус Мария! Сразу и не сосчитаешь... Сколько в каждой пачке?.. Три, четыре, пять... Могли бы и больше отвалить - тут стоимость десятка танков!.. А ракета "Фау-2" одна стоит 15000 фунтов!.. Нет, эти тысячефунтовые!.. Боже мой, тысяча фунтов в одной бумажке!.. Семь, восемь... Нет, надо сначала... деньги счет любят... Но документы стоят этих денег, они и дороже стоят... Это настоящее сокровище!.. Езус! Сколько же это злотых?.. Один злотый одиннадцать центов. Три, четыре, пять...

Капрал молча разглядывал записи, чертежи, схемы в черной

полевой сумке. Все согласно описи. Часть бумаг, пачка мелко исписанных салфеток залита кровью... Капрал был взволнован не меньше майора, но его волнение было совсем иным волнением...

Кое-как пересчитав последнюю пачку банкнотов достоинством в сто и пятьдесят фунтов, майор трясущимися руками закрыл чемодан. По седым вискам его, по лбу из-под козырька конфедератки текли струйки пота.

- Капрал, от души благодарю... - заговорил он не своим голосом. - Вы не пожалеете... Разрешите пожать вашу руку, мой мальчик... И умоляю вас: просите, требуйте дня через два-три самолет... Я хочу скорее передать Лондону свою агентуру!.. Здесь ровно столько, сколько вы сказали?

- Не будь я Юджин Вудсток!..

Они сошлись на этой пустынной развилке лесных дорог, как сходились во время дуэли, и так же разошлись, оглядываясь друг на друга, соизмеряя свой шаг. У каждого из противников были свои секунданты. Только секунданты эти прятались в соснах и сами держали палец на спусковом крючке. И капитан Серый и старший лейтенант Домбровский, не видя друг друга, следили за каждым жестом капрала и майора.

Рядом с Серым лежал за молодыми елками Рыжий. Поручник не спускал настороженных глаз с капитана. Не вытерпев, капитан вскочил и хотел было броситься навстречу майору. Но Рыжий крепко ухватил его за руку повыше локтя.

- Не спешите, пан капитан! А то увидят!..

Капитан, метнув на поручника бешеный взгляд, прошипел что-то невнятное. Когда майор с полубезумным взглядом, держа чемодан обеими руками, подошел ближе, Серый рванулся так, что рукав затрещал.

- Ну что?! - почти закричал он майору.

Майор граф Велепольский отпрянул, согнулся, хищно оскалил зубы. Рука дернулась к кобуре пистолета. Но, увидев, Серого, он выпрямился, провел рукой по мокрому лбу, сдвинул на затылок конфедератку.

- Все в порядке, капитан! Все в порядке... Где кони? Скорее на базу!..

- Дайте посмотреть!.. - шагнул к нему капитан.

- Потом, потом!..

А за дорогой, за соснами и елками разведчики из группы "Феликс" молча встали, тесным кругом обступили Евгения, доставшего из полевой сумки документы, бумаги, залитые кровью...

- Кровь настоящая, - тихо сказал Димка.

- Значит, и документы настоящие, - уверенно проговорил

Пупок.

- Это еще не доказательство! - засомневался Петрович.

- Ну все! - перевел дух Константин. - Теперь скорее домой! Надо опять вызывать самолет. Настоящие или не настоящие - там разберутся. Мы свое дело сделали. - Он положил руку на плечо Евгения. - Молодец, капрал!

- Закурить бы, - улыбнулся Евгений. Константин первый приподнял люк и пробрался в землянку.

- Вера! Скорее за работу! Пойдешь с Олегом в сторону Яроцина. Будем срочно просить самолет!

Вера соскочила с нар. Сборы были недолгие: Константин еще не успел набросать текст радиограммы с просьбой немедленно выслать самолет за документами, а она уже сунула в карман курточки пистолет ТТ, надела пальто и платок, повесила на плечо авизентовую сумку с верным "северком".

- Костя! - сказала Вера, прочитав радиограмму, составленную командиром. - Это, конечно, твое дело, но стоит ли повторять сигнал "конвертом"? Ведь костры могли заметить с воздуха.

- Ты права, - ответил Константин. - Выложим костры не "конвертом", а буквой "икс". Тоже пять костров.

- "Икс"? - заговорил Евгений, слушавший Лондон. - Почему "икс". Это безыдейно! Предлагаю букву "фау". Это тоже пять костров.

- Почему "фау"? - спросил Константин, зачеркивая что-то карандашом в радиограмме. - Это Геббельс придумал: "Фау" - "фергельтунгсваффе" - "оружие возмездия".

- А вот послушай! - сказал Евгений, снимая телефоны "северка" и до отказа поворачивая вправо ручку регулятора громкости. - Слышишь?

В головных телефонах раздался словно стук в дверь, короткий, настойчивый, властный. Пауза - и опять этот стук.

- Позывные радио Би-Би-Си, - пожал плечами Константин.

- А почему они именно такие, эти позывные, для всей оккупированной Европы?

- Я знаю! - воскликнула Вера. - Это "фау" по азбуке Морзе! "Ти-ти-ти-та"...

- Правильно! Или римская буква "ви". А эта буква - символ всего движения Сопротивления в Европе. "Ви" - это "виктория", "победа". Эту букву чертили на стенах Парижа французские маки и франтиреры, кровью писали на камнях Варшавы герои-повстанцы. Черчилль и де Голль приветствуют англичан и французов знаком "ви", вот таким жестом, - Евгений поднял ладонь, отведя в сторону большой палец. - И по изумительному совпадению Бетховен, самый великий из композиторов, в самой

могучей своей симфонии задолго до Морзе обессмертил этот стук: "Ти-ти-ти-та". У него этот стук звучит как шаг судьбы, как поступь рока: "Бу-бу-бу-бум"!" Ну а какую роль "фау" сыграли здесь, в нашей жизни, мне вам не надо напоминать.

- Решено! - улыбнулся Константин. - Так тому и быть! Выложим костры буквой "фау" в честь нашей будущей победы!

Как только Вера ушла с Олегом, чтобы провести радиосеанс в восьми километрах от землянки, Константин сел с Евгением под "летучей мышью" за предварительную обработку и оценку тех документов, за которые они только что уплатили полмиллиона фунтов стерлингов.

- Присаживайся, Петрович! - позвал Константин. - Поможешь нам.

Петрович не спеша свернул себе козью ножку из легкого табака.

- Нет уж! Дудки! - медленно проговорил он. - Я в этом деле не участвую. Сами расхлебывайте.

Уже через полчаса Константин со вздохом произнес:

- Да-а-а!.. Данные о "Доре" и Пенемюнде просто великолепны. Это и нам с тобой видно. Ну, а с техникой нам не разобраться - тут нужен специалист.

- Ты обратил внимание, - перебил его Евгений, - им не хватает спирта! Давай ударим по спиртозаводу под Яроцином! Операция "Спиритус вини", или "Ин вино веритас!"

- Мировая идея! - с подозрительной горячностью откликнулся из-под одеяла Пупок. - Прошу поручить эту операцию по борьбе с зеленым змием лично мне.

Из дальнего угла землянки вскоре послышался храп Петровича. Уснули вскоре и другие. Но ни Евгений, ни Константин не могли спать. Чем подробнее знакомились они с "сокровищем" графа Велепольского, тем пуще волновались. Евгений затопил печку. В землянке постепенно стало тепло.

Было уже за полночь, когда Константин сказал:

- Как говорят немцы: "Колоссаль!" Кстати, и у нас кое-что появилось. Поляки Казубского и Исаевича выяснили, что Кендзежинские химические заводы под Бреслау - это по соседству от нас - производят горючее для ракет и отправляют его в Пенемюнде и Норд-хаузен. По моей просьбе Богумил Исаевич дал указание полякам-железнодорожникам установить постоянное наблюдение за тем, куда направляются грузы с этих заводов, и уточнить объем перевозок. Выяснилось также, что на "чудо-оружие" Гитлера работают в Бреслау и заводы "Дойче ваффен" и "Муниционефабрик". Мы с Казубским придумали еще один ход: выясним через польских рабочих, какие предприятия Вартегау и

Верхней Силезии поставлены под контроль СС. Они-то и должны интересовать нас в первую очередь.

- Это вы здорово придумали, - искренне восхитился Евгений.

- Тише вы, полуночники, - пробормотал Пупок. - Дайте спать людям.

- Ну что, на боковую? - сказал Константин. - Вера только под утро вернется.

- Нет, мне совсем не хочется спать. Дай-ка мне бумаги Ширера, ведь мы их еще не просмотрели как следует.

- Держи! А я тогда закончу обработку документов Лоренца. Куда девался словарь?

Просматривая бумаги штурмфюрера СА фон Ширера, Евгений то и дело издавал приглушенные восклицания, вроде: "Ну и ну!.. Вот это Да!.. Вот это номер! Невероятно!" Личные документы фон Ширера - удостоверения старого борца СА, члена НСДАП и СС - Евгения мало заинтересовали. Но вот на одной из папок Евгений прочитал тисненую надпись: "Секретные дела государственной важности. Только для командования".

- Да что там у тебя? - взмолился наконец Константин. - Опять сенсация?

- Еще какая! - ответил Евгений и вдруг громко безудержно рассмеялся.

- Что с тобой?! Ребята спят!

Евгений, ни слова не говоря, подтянул к себе чемодан из крокодиловой кожи - чемодан штурмфюрера СС фон Ширера, в котором еще оставалась четверть миллиона фунтов стерлингов. Он раскрыл чемодан, подцепил пятифунтовый новенький хрусткий банкнот, подошел к печке, сунул банкнот в "буржуйку" и небрежно прикурил от загоревшейся бумажки.

- Ты что, с ума сошел? - с угрозой спросил из своего угла бдительный Петрович.

И Константин и Петрович смотрели на Евгения круглыми глазами. А Евгений, глядя на горящий у него в руке банкнот, снова расхохотался, разбудив всех в землянке.

- Слушай, Костя, - сказал он наконец, - теперь я знаю, почему смотал удочки фон Ширер, король черного рынка! Ну и плут же этот Вильгельм фон Ширер унд Гольдбах!

Из бумаг штурмфюрера СА Евгений узнал немало интересного. Оказалось, что Ширер участвовал в Бельгии и Голландии в специальных операциях СД, которые возглавлял шеф СД Вальтер Шелленберг. Агенты СД проникали в подпольные антифашистские группы, имевшие радиосвязь с английской разведкой, и во многих из них верховодили. По заявкам этих провокаторов английская разведка, полагая, что снабжает

антифашистов-подпольщиков, не раз сбрасывала им ночью с самолетов грузы с валютой, взрывчаткой и оружием. Все это поступало в распоряжение СД.

Но оберштурмфюрер занимался не только тем, что выманивал фунты стерлингов у англичан. Он участвовал в "Акции Бернхард" - секретной диверсионной операции по производству фунтов стерлингов, долларов и советских червонцев. Фальшивые банкноты он затем обменивал на настоящую валюту и драгоценности на черных валютных рынках Берлина и Парижа, Рима и Варшавы, в нейтральных странах. Из документов следовало, что "фарцовщики" агенты СД действовали во многих странах Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, Африки и Азии; Разумеется, эти агенты, так же как и штурмфюрер СА Ширер, не забывали при этом набить собственные карманы, меняя фальшивую валюту на настоящую, на золото и драгоценности. ;

До 1941 года подделка фунтов мало интересовала гитлеровцев, ведь они собирались в ходе операции "Морской лев" захватить Британские острова и ввести оккупационный курс всего 9,60 рейхсмарки за один фунт стерлингов.

Первые опыты были проведены в здании СД на Дельбрюкштрассе в Берлине. Специалистам СД понадобилось два года, чтобы добиться высококачественной продукции. Было построено два "монетных двора" - в Рейнской области и Судетах. Нацистская агентура, действуя через швейцарский банк в Базеле, "проверила" качество фальшивых фунтов в "Бэнк оф Инглэнд" на лондонской Треднидл-стрит. Эксперты Английского банка, произведя химический анализ и обследовав банкноты с помощью инфракрасных лучей, сочли подделкой лишь десять процентов фальшивых фунтов. Уже было ясно, что Англия окажется вынужденной вскоре изъять из обращения все старые пятифунтовые банкноты и выпустить новые. Готовилась операция по "бомбежке" Англии фальшивыми фунтами, что вызвало бы крах всей финансовой системы. Конец стабильности фунта стерлингов! Англичане возвращаются к натуральному обмену: поросенок за бутылку виски! Реализации этого плана помешала острая нехватка горючего и превосход-5тво англо-американской авиации.

Среди документов эсэсовца-фальшивомонетчика находилось подробное описание истории и технологии поточного производства поддельных банкнотов, начатого в начале 1941 года. Основа бумаги - турецкое полотно. Закупка этого полотна в Анкаре. Его химический анализ. Водяные знаки. Эксперты из фирмы Шпехгаузен. Профессора математики и других точных

наук. Использование опыта тайного изготовления фальшивых денег в Берлине для Белой гвардии. Участие рейхсбанка в гигантской афере. Помощь рейхсминистра, директора Рейхсбанка Яльмара Шахта. Роль Гейдриха. СС-группенфюрера Иоста и оберштурмбаннфюрера Бернхарда Крюгера. Граверная и типографская работы. Помощь отечественных фальшивомонетчиков и их зарубежных коллег, специализировавшихся на поддел-; ке франка. Раскодирование системы серий и нумерации. Заполучение образчиков. Искусственное "старение" банкнотов. Их проверка при стократном увеличении. Порядок оплаты агентов СД и гестапо фальшивыми деньгами. Производство фальшивой валюты в бараке No 19 концлагеря Заксенхаузен силами ста тридцати заключенных...

Особый интерес представляло секретное письмо, из которого явствовало, что типография фальшивых денег была недавно переведена в "альпийскую крепость" в Редл-Ципф в Австрии, последний редут Гитлера.

- Ну и гангстеры! - удивился обычно невозмутимый Константа когда Евгений умолк.

- По размаху они давно обогнали гангстеров Чикаго, - снова засмеялся Евгений. - Пожалуй, это их самая грандиозная афера. Но больше всего меня смешит пан майор! Какую рожу состроит он, когда узнает, что все его богатство состоит из фальшивых денег!

Тут засмеялись и Константа и все, кто был в землянке. Никогда еще не хохотали так в "братской могиле". Невозмутимый Константа буквально катался по нарам. Только Петрович хранил гробовое молчание. Но вид у него был довольно глупый.

Хохот оборвался внезапно. В лесу опять грянул взрыв ракеты "Фау-2"...

Вера вернулась со своим эскортом около четырех утра.

- Все в порядке, - шепнула она командиру, протягивая ему расшифрованную радиограмму. - Директор сообщил, что самолет прилетит. Если завтра, то во время дневных сеансов мой корреспондент передаст нам условный сигнал: три семерки.

В девять утра Константа разбудил Веру, чтобы та послушала Центр. Но Центр молчал. Молчал и в следующие радиосеансы. Только в восемь вечера, настроившись на волну Центра, Вера приняла сигнал: "Та-та-ти-ти-ти, та-та-ти-ти-ти, та-та-ти-ти-ти". Три семерки!

Улыбаясь, Вера протянула телефоны Константу. Он поспешно .надел наушники, услышал: "Та-та-ти-ти-ти..."

Улыбаясь от уха до уха, Константа передал наушники Евгению: "Та-та-ти-ти-ти..."

Во втором часу ночи, как раз когда выглянула полная луна, штурман двухмоторного "Дугласа", низко пролетая с запада на восток над Бялоблотским лесом, заметил, как внизу вспыхнули выложенные буквой "фау" костры. На третьем заходе бортмеханику, выбросившему из открытого люка трос с кошкой, удалось зацепить туго натянутую между двумя мачтами парашютную стропу. Быстро перебирая руками, бортмеханик втащил в кабину самолета офицерскую полевую сумку. "Дуглас" - на нем не было опознавательных знаков - улетел, держа курс на запад, о чем поручник Рыжий рано утром доложил майору Велепольскому.

Через два часа "дуглас" благополучно приземлился на аэродроме под освобожденным польским городом Седлецом. Сумка с документами и деньгами была немедленно передана командиром корабля подполковнику Орлову, который тут же сел на краснозвездный бомбардировщик "ИЛ-4", стоявший близ взлетно-посадочной полосы с уже прогретыми моторами. Бомбардировщик тотчас взлетел и взял курс на Москву.

Вечером следующего дня Вера приняла радиограмму:

"Командование благодарит группу "Феликс" за материал огромной важности. По мнению специалистов, его трудно переоценить. Послезавтра в 02.00 прилетит самолет - "дуглас" без опознавательных знаков - на указанную вами посадочную площадку. Обеспечьте пассажиров. Директор".

Капрал Вудсток, Констант, Димка, Пупок - все они по нескольку раз перечитывали эту замечательную радиограмму.

- Как знать, - задумчиво сказал Димка, - может быть, мы первыми проникли в эту тайну Гитлера...

Только после войны узнали "капрал" и вся группа "Феликс", что еще в декабре 1943 года разведка белорусских партизан добыла первые сведения о "чудо-оружии" Гитлера, общем устройстве и тактико-технических данных ракет и о подготовке к их пуску против Англии.

Нет, разведчики Бялоблотского леса не были первыми среди тех, кто помог раскрыть тайну "вундер-ваффе", но и они сделали свое дело.

Констант молчал, но глаза его сияли.

Кто знает, может быть, Вера, эта неприступная гордячка Вера, прочитает радиограмму Центра о новом успехе "Феликса" и, немного оттаяв, скажет ему, как уже однажды после радиограммы с благодарностью за сведения о гитлеровской обороне на Варте: "Костя! Да это просто здорово!.. "

Костино чувство к радистке было так же глубоко запрятано, как самый нижний патрон в рожке его автомата. Он не признался

бы в нем не то что Вере, а даже Женьке, своему лучшему другу. Этот "сухарь" свято верил, что он как командир не имеет права заикнуться об этом чувстве до полной и безоговорочной капитуляции Германии, ну, по крайней мере, до конца задания и выхода "Феликса" из вражьего тыла.

- Берлин возьмут другие, - глубокомысленно проговорил тертый калач Пупок, - а мы свое сделали.

"Мы"? Увы, об этой радиограмме не суждено было узнать ни Старшому, ни доктору Лейтеру, ни Владлену Новикову, ни многим десяткам и сотням узников "Доры", по крупице собиравшим сведения о "фау".

Капрал Вудсток мчался во весь опор на короткохвостой чалой кобылке лесника Меллера, чтобы сообщить радостную весть своему другу майору графу Велепольскому.

Граф, наверное, не радовался так и в далеком двадцатом году, когда он "отшимал" крест "Виртути милитари" из рук самого "первого маршала Польши и начальника государства" коменданта Юзефа Пилсудского.

- Значит, летим? Значит, летим?! - восклицал граф, обнимая и целуя застеснявшегося капрала. - Летим в Лондон!..

- Вам-то хорошо, - печально улыбнулся капрал. - Вы улетите, и панна Зося улетит, а я останусь в этой волчьей яме...

- Ничего, капрал! - с воодушевлением произнес сияющий граф. - Я вам оставлю отличную агентуру! Вы написали письмо отцу, матери, любимой девушке?

Этот вопрос застал капрала врасплох. На радостях он совсем забыл о семейных узах, связывающих его с Лондоном. Но он тут же нашелся:

- Разумеется, написал! Я вручу вам эти письма на нашем лесном аэродроме. Возить их, согласитесь, опасно. Итак, ровно в полночь я жду вас на опушке.

И он, дружески стиснув руку майора, умчался в ночь. Чалая кобылка отлично помнила дорогу домой...

Праздничное настроение наверняка оставило бы капрала, если бы он только знал о действиях, предпринятых явно недооцененным им майором графом Велепольским сразу же после его отъезда. Майор немедленно позвал панну Зосю и Серого, возбужденно походил по горнице, выпил рюмку шварцвальдской водки.

Когда Серый и панна Зося постучали в дверь, майор встретил их холодно и деловито.

- Панна Зося! - тоном приказа сказал он. - Прошу вас сесть, подпоручник, а вы, Серый, заприте дверь на ключ и смотрите, чтобы нас не подслушали. Я даю вам задание - самое важное

задание, которое вы когда-либо получали от меня за все эти проклятые и великолепные годы. Великолепные потому, - явно сбивался на пафосно-театральную речь майор граф Велепольский, - что волею рока мы неуклонно шли к своему звездному часу. Завтра, точнее, послезавтра в два часа ночи мы улетим втроем в Лондон. И там нас встретят как героев, как желанных и небедных гостей! Там мы будем купаться в шампанском!

Серый побледнел от счастья. Панна Зося потупилась. После довольно затянувшейся преамбулы майор перешел к делу:

- Я не предвижу каких-либо осложнений с вылетом, однако меня недаром считали самым хитроумным помощником великого Сосновского, который сочетал удаль улана с расчетливостью шейлока из варшавского гетто. Короче: все это время моя агентура искала связи с Лондоном. И наконец буквально сегодня эти поиски увенчались успехом! Совсем недавно в районе Бреслау выбросилась шестерка разведчиков из числа наших соотечественников в Англии. Они связаны с "делегатурой"- представительством польского эмигрантского правительства в Лондоне. Главное, они держат связь с самим "Си", этим богом Эм-ай-сикс в Эс-ай-эс - секретной Интеллидженс сервис! Они укрылись в майонтке севернее городка Равич, на базе моего старого друга по бригаде и по штурму Киева ротмистра Адольфа Кита. Он не откажется выполнить мою просьбу. Пусть "Си" подтвердит, что капрал Юджин Вудсток его человек, что Эм-ай-сикс получила наши материалы и высылает за нами самолет! Как говорят немцы, осторожность мать фарфоровой посуды.

Майор граф Велепольский довольно потирал руки.

10. Из записей Старшого

"После катастрофы под Курском Гитлер перестал строить планы грандиозных наступлений на фронте, стал уповать исключительно на "чудо-оружие".

Помню беседу Гиммлера с руководителями института в Пенемюнде летом сорок третьего. Рейхсфюрер рассказал тонким голоском о планах мирового господства. Потом генерал Дорнбергер задал ему вопрос, уже начавший волновать наш директорат: в берлинском метро, дескать, ныне только и слышишь речь французских и других иностранных рабочих. Угроза саботажа и шпионажа на военных заводах представляется мне огромной... На это "король Генрих I", улыбаясь и поблескивая неоправленными стеклами круглых очков, ответил буквально следующее: "Саботаж можно свести к нулю с помощью немцев-надсмотрщиков. Шпионаж можно свести к минимуму тщательным надзором и суровыми наказаниями. Призыв к мобилизации европейских трудящихся на смертельную борьбу против варваров

азиатских степей уже побудил огромную массу людей работать на нас добровольно. Гиммлер свято верил, что все европейские народы признают превосходство "народа господ". Не признают его только евреи и большевики. С моей точки зрения, высокая зарплата и хорошая пища в Германии или в иностранной промышленности, находящейся под германским контролем, привлекут к нам новые массы европейцев. Фюрер полагает, что в итоге экономический потенциал Германии вместе с промышленностью Европы станет равным экономическому потенциалу противника". Эти слова я часто вспоминаю в этом подземном аду...

- Присутствовал ли сам Гиммлер при запуске "Фау-2"?

- Да, в тот же летний день на его глазах мы запустили две экспериментальные ракеты. Одна взорвалась над аэродромом в Пенемюнде, уничтожив три самолета; второй запуск прошел благополучно. А осенью Гиммлер назначил к нам своего надсмотрщика: СС-бригаденфюрера доктора Ганса Каммлера, который прежде возглавлял строительный отдел главного штаба рейхсфюрера СС и был приятелем генерала СС Фегелейна, представителя Гиммлера в ставке Гитлера. Саки понимаете, какая это работа, когда над душой днем и ночью стоит фанатик-людоед с черно-белыми убеждениями. Это он организовал строительство крематориев и газовых камер в лагерях смерти. Этот невежда среди ученых инженеров ненавидел всех, кто был образованнее и умнее его. Нас удивляли его отличные отношения с Брауном. Когда приступили к промышленному выпуску, начались неизбежные неудачи и аварии. Каммлер, а за ним и Гиммлер видели всюду только саботаж, саботаж, саботаж. И все же не было предела нашему изумлению, когда гестапо арестовало по обвинению в саботаже Риделя, Гроттрупа и... фон Брауна! Их обвиняли в том, что в разговоре друг с другом они утверждали, будто хотели использовать "Фау-2" не в военных целях, а научных, для исследования космоса и межпланетных сообщений! Я знал, что идеалист Ридель действительно носится с такой идеей. Значит, его выдал этот карьерист и завистник Браун. А арестовали его лишь для отвода глаз, очевидно, чтобы повысить его возможности в качестве информатора.

- Как же освободили эту тройку - Брауна и остальных?

- Генерал Дорнбергер поручился за них, дошел до самого Кейтеля, доказывая, что арест сорвет всю программу Гиммлер отказался принять Дорнбергера, послал его к этому страшному человеку - шефу СД Кальтенбруннеру. На Принц-Альбрехтштрассе, 8 нашего Дорнбергера принял не Кальтенбруннер, а эсэсовский генерал Мюллер. Этот Мюллер, его

зовут гестапо-Мюллером, заявил Дорнбергеру, что у гестапо имеется досье и на Дорнбергера, что и его можно арестовать в любую минуту за задержку промышленного выпуска "Фау-2": кто на свете сможет доказать, что подобная работа тормозится не предумышленно?! "Вы растратили сотни миллионов марок, а новое оружие еще не готово!"- бушевал Мюллер. И все же Гиммлеру пришлось освободить арестованных. Первым он освободил Брауна... Однако Ридель, как я уже говорил, вскоре погиб в "таинственной" автомобильной катастрофе, а после покушения на Гитлера 20 июля этого года Камм-лер стал группенфюрером генерал-лейтенантом СС, полновластным шефом программы по производству "Фау-2", особоуполномоченным Гиммлера. Именно этот злой волшебник, шеф зондеркоманды "Дора", создал подземный завод. Фриц Заукель, обергруппенфюрер СС и СА, генеральный уполномоченный Гитлера по использованию рабочей силы, прямо сказал, что иностранных рабочих и военнопленных следует "без всякой сентиментальности и романтизма эксплуатировать с наибольшим эффектом при минимально возможных затратах". Он-то и обеспечил подземный завод рабочей силой. Каммлер взял всю власть над "Фау-2" в свои руки 8 августа этого года. Через месяц на Лондон упали первые ракеты "Фау-2"...

- И вы, доктор, принимали участие в запуске этих ракет на Лондон?

- Нет, к счастью для моей совести. Но я продолжал испытывать и совершенствовать их в Пенемюнде. Работа не ладилась: ракеты то и дело взрывались или прямо над стартовыми установками, или на высоте в тысячу или две тысячи метров, или вблизи цели. Поначалу из десятка ракет лишь одна или две благополучно проделывали весь свой путь. Не везло и нашим конкурентам, обстреливавшим Англию снарядами "Фау-1". Однажды - это было 17 июля этого года, когда Гитлер приехал в свою ставку "WII" у Марживаля во Франции, чтобы встретиться со своими фельдмаршалами Роммелем и Рундштедтом, - один самолет-снаряд, направленный на Лондон, повернул обратно и взорвался над бункером фюрера! Никто, к сожалению, не пострадал, но Гитлер срочно отбыл в Берхтесгаден. Теперь-то я знаю, что виноваты в браке не только наши недоделки, но и саботаж, саботаж здесь, на Миттель-верке в горе Конштайн, и, наверное, даже и в Пенемюнде! Сотни раз приходилось нам проверять и перепроверять все четыре основные части каждой ракеты: боеголовку, приборный отсек, центральный отсек с баками горючего и корму с двигателями. И часто обнаруживали мы опасные неполадки. Саботаж? Генерал Дорн-бергер много раз

посылал фон Брауна сюда, на подземный завод, и мы знали, что Браун лютует как зверь, требует от эсэсовской комендатуры самых суровых наказаний для всех рабочих, подозреваемых в диверсиях. Каждый раз, когда телеметрическая система запущенной ракеты сообщала по одному из своих двадцати четырех информационных каналов о каких-либо неполадках в полете, фон Браун с пеной у рта требовал, чтобы вся рабочая команда, имевшая отношение к данному сектору, была повешена или расстреляна, хотя он прекрасно знал, что неполадки в экспериментальной стадии неизбежны. Вот такими методами мы шаг за шагом повышали эффективность германского "оружия возмездия". И все же из-за саботажа иностранных рабочих и из-за административного произвола со стороны чересчур ретивых опекунов новое оружие было брошено в бой слишком рано, чтобы дать максимальный эффект, и слишком поздно - 7 сентября 1944 года, - чтобы повлиять на исход войны. По мнению Дорнбергера, для этого нам не хватило полутора лет"...

11. Капрал, которого не было

В Лондоне в тот зимний день было холодно - градусов двадцать по Фаренгейту. Ветер разметал косицы снега в тихом парке Сент-Джеймс с его голыми деревьями и пустынными аллеями. Из мрачного зева станции Сент-Джеймс-Парк лондонского метро валил густой пар. Двухэтажные автобусы быстро проносились мимо тщательно расчищенных пепелищ на месте зданий, разбитых во время "блица" и недавнего ракетного обстрела. Из ближайшего "паба" - таверны - доносилась популярная песенка неунывающих лондонцев о чайках над белыми скалами Дувра, о сияющем солнце победы над "джерри", которое непременно скоро взойдет над этими скалами.

Почти во всех окнах кирпичного здания "Бродвей билдингс" (дом No 54), возвышающегося напротив станции подземки, в одном квартале южнее улицы Куин-Эннз-Гейт горел электрический свет. Никто из лондонцев, спешивших мимо, не знал, что в этом старом десятиэтажном здании с занавешенными окнами помещался мозг СИС - отдел британской Сикрэт Интеллидженс сервис, руководивший всей нелегальной разведывательной и контрразведывательной работой на иностранных территориях в глобальном масштабе. Именно СИС, или Эс-ай-эс, имеют в виду некоторые романисты, толкуя по старинке о "старой лисе" - Интеллидженс сервис.

В этот день никто из сотрудников не узнал бы полковника Вивиана Валентайна, заместителя шефа разведывательной службы Его Величества. Всегда непроницаемый и спокойный, он с самого утра, как только прочитал расшифрованную радиограмму,

поступившую ночью из-под Бреслау, неузнаваемо преобразился, словно внезапно оживший вулкан. Никто в СИС не подозревал в нем таких запасов кипучей энергии. Дважды заходил он с утра к самому "Си", затем бегал по разным отделам, звонил в какие-то ведомства по телефону.

И вот снова выбежал полковник Валентайн на площадку довольно обветшалой лестницы, хлопнул дверью лифта и пополз вверх в скрипучей деревянной кабине. Он вышел на четвертом этаже, прошел мимо дверей с матовыми стеклами. Кивнув секретарю в приемной шефа, он быстро прошел в кабинет "Си".

Мало кто даже в правительстве Его Величества знал, кто стоит во главе Эм-ай-сикс. Вот уже почти четыре века английская разведка тщательно скрывала имена своих шефов. В кабинете сэра Уинстона его называли Си-эс-эс, что означало "шеф секретной службы". Свое кредо "Си" часто выражал витиеватыми фразами, вроде: "Высшие интересы секретной службы Его Величества обязывают нас дышать разреженным воздухом высот, находящимся по ту сторону добра и зла". Иными словами, цель оправдывает средства, и да здравствует Его Величество!

За столом сидел импозантный, прекрасно одетый джентльмен. Лицо этого благовоспитанного джентльмена было невозмутимо, манеры безукоризненны. По костюму нельзя было отличить его от преуспевающего дельца из Сити.

Это был генерал сэр Стюарт Мэнзис. До того как он стал Си-эс-эс, он долгие годы руководил отделом военной разведки секретной службы. Служба МИ-6 была создана еще в 1883 году как особый отдел Скотленд-Ярда для борьбы с непокорными ирландцами.

Сотрудники этой службы называли шефа "Си" по традиции. Ведь первым "чифом" Сикрэт Интеллидженс сервис в ее современном виде (с 1910 года) был капитан королевского военно-морского флота сэр Мэнсфильд Камминг, чья фамилия, написанная по-английски, начинается с буквы "Си". Сейчас Эм-ай-файв - это британская контрразведка на британской территории, МИ-6, или Эм-ай-сикс, - британская разведка и контрразведка на небританской земле.

- Садитесь, пожалуйста, - сказал "Си" своему заместителю.

Тот сел, положив на край стола стопу бумажек с грифом высшей категории секретности.

- Итак, - медленно произнес "Си", буравя полковника Валентайна своими обманчиво пустыми, белесыми глазами, - что нам известно о капрале Юджине Вудстоке?

- Все сведения, которые мне удалось собрать, - быстро и тревожно проговорил полковник, подаваясь вперед, - абсолютно

негативны. Начальник отдела кадров категорически заявляет, что в наших списках личного состава никакого Вудстока не значится! Не значится он и в наших разведывательных школах в Брикендонбэрри-Холл, в Хартфорде и Болье, в Хэмпши-ре. Есть несколько других Вудстоков, офицеров и сержантов, но только не в Польше и не в Германии. Есть Вудсток в могиле под Тобруком... Американцы из управления стратегических служб также не признали этого Вудстока за своего разведчика.

- Связались ли вы с правительственной школой шифровальщиков в Блэчли?

- Вот ответ самого коммандора Трэвиса, переданный по телепринту. Школа также утверждает, что капрала Вудстока в природе не существует. Зато ее специалисты еще в ноябре обнаружили рацию в Бялоблотском лесу, в Вартеланде, где действует этот самозванец. По почерку радиста установлено, что это женщина, причем по характеру работы на ключе оказалось возможным определить, что она прошла подготовку в советской школе радиотелеграфистов.

- Это важно, - произнес "Си". - Удалось ли расшифровать переданные этой русской Мата Хари радиограммы?

- Нет, сэр! Дело в том, что каждая радиограмма построена на бессистемном, единовременном шифре.

- Понятно. Что говорят специалисты о частоте радиопередач из Бялоблотского леса?

- Они отмечают резкое повышение числа передач за последние две недели. Весьма интенсивно работает также рация, связанная с новым центром разведки "московских" поляков в Люблине.

- Словом, все это указывает на то, что капрал Вудсток - это советский разведчик?

- Этот вывод неизбежен, сэр.

- Но какие дела может он вести с нашим давним агентом Грифом II майором графом Велепольским, профашистские настроения которого нам были хорошо известны еще со времени его связи с полковником Сос-новским, этим асом старой польской разведки?

- На этот вопрос пока невозможно ответить, сэр. Видимо, ответ кроется в том месте радиограммы, в которой говорится о каких-то важных материалах, якобы пересланных нам графом через капрала Вудстока.

"Си" согласно покачал головой.

- Что предлагают наши контрразведчики из Эм-ай-файв? - спросил он.

- Они считают, сэр, что мы знаем слишком мало обо всем

этом деле, чтобы принять немедленное решение. Они допускают, что этот Вудсток, возможно, является действительно англичанином, бежавшим из немецкого лагеря для военнопленных, который решился сотрудничать с русскими разведчиками на свой страх и риск.

- Нет! - резко сказал "Си". - Необходимо действовать. И действовать немедля! Мы поставим этому "капралу" шах и мат. Знаете как, полковник?

- Откровенно говоря, не представляю себе... Во всяком случае, потребуется длительное согласование в высших сферах...

- Я поручаю это дело лично вам. Выйдя из этого кабинета, свяжитесь с контрразведкой американцев - у них меньше бюрократической волынки, чем у нас. К тому же у них имеются "дугласы" на аэродромах во Франции и Италии! Один такой "Дуглас" полетит в Польшу и за четверть часа до посадки русского самолета сядет на этой площадке в Бялоблотском лесу и вывезет майора графа Велепольского и его спутников! Послезавтра утром, полковник, я хочу видеть всю эту компанию и прежде всего капрала Вудстока в нашем центре для допросов на Хэмп-коммон. Не теряйте ни минуты, полковник. Один бог знает, какая ставка на кону. Мы обязаны сорвать банк в последний момент! Идите, полковник! Сразу же мобилизуйте этих парней по ту сторону парка!

По ту сторону парка помещалась контрразведка ОСС - американского Управления стратегических служб во главе с генералом "Диким" - Биллом Доновэном.

Глаза полковника Вивиана Валентайна расширились от восторга. Какое блестящее решение! Ум у "Си" острый, как лезвие опасной бритвы. Куда до него самому Валентайну, бывшему офицеру британской колониальной полиции в Индии! Даром что он удостоился чести работать с "Си" в качестве его заместителя по контрразведке. Не пора ли на пенсию?

Валентайн вскочил, распрямил длинную, тонкую фигуру, чтобы хоть выправкой показать начальству, что ему еще далеко до пенсии.

- Советую вам обговорить весь этот план с Патриком Рейли, а также полковниками Диком Уайтом и Джорджем Хиллом.

Рейли, представитель "Форейн оффис" - министерства иностранных дел при секретной службе считался специалистом по русской разведке. Хилл вместе с капитаном Сиднеем Рейли действовал в России.

- Постойте! - остановил "Си" Валентайна. - Граф Велепольский ждет ответа. Что мы ему ответим?

- Что капрал Вудсток - самозванец! - живо откликнулся тот и

сразу же пожалел о своей неуместной живости.

- Напротив, - проронил со слабой улыбкой генерал-майор, - мы заверим его, что капрал наш человек, что мы получили материалы графа и высылаем за ним самолет.

- Но... - пробормотал в растерянности Валентайн.

- Неужели вам не ясен ход моих мыслей? - чуть язвительно сказал "Си". Только так мы не вспугнем графа и его свиту вместе с капралом и заполучим этих чрезвычайно интересных людей и их материалы в наши руки. Вам все ясно?

- Да, сэр! - неуверенно ответил полковник Валентайн, пятясь к двери.

12. Из записей Старшого

"По-прежнему вредила нам грызня среди наших шефов. Генерал Дорнбергер все больше уступал свою власть этому нацистскому выскочке - группенфюреру СС Каммлеру. Этот эсэсовец совершенно обалдел от величия и власти после того, как его приятель и собутыльник генерал СС Герман Фегелейн женился на Гретль Браун, сестре Евы Браун, любовницы фюрера, тем самым как бы породнившись с Гитлером. Именно Каммлер возглавил специальную ракетную дивизию, которая 8 сентября выстрелила из Голландии первые ракеты по Лондону. В сентябре мы поставили ему 350 ракет, в октябре 500. Отсюда до Голландии мы доставляли ракеты за три дня. Ракетные транспортеры, оборудованные новейшими приборами ночного видения, мчались по автомагистралям днем и ночью. В ноябре и декабре мы должны были отправить на запад от шестисот до девятисот ракет.

- Вы до самого ареста оставались в Пенемюнде?

- Нет, в середине сентября я переехал на новую секретную базу для запуска "Фау-2" в окрестностях местечка Близка недалеко от железной дороги Крако-по - Лемберг, Львов по-вашему. Прежде мы выстреливали ракеты из Пенемюнде в море, где и теряли их. Теперь же было решено подобрать место на суше, чтобы по обломкам ракет без боевых зарядов найти неисправности в различных системах "Фау-2". В глухом лесу между Вислой и Саном насильно мобилизованные эсэсовцами поляки еще в конце сорок третьего проложили к лесной поляне железнодорожную ветку и бетонное шоссе, построили за месяц-два жилые дома, казармы, гаражи, ангар для ракет, служебные здания, обнесли поляну двумя рядами колючей проволоки. Меня смущало то, что теперь наши ракеты летели не в море, а через районы, населенные поляками. Я спросил об этом фон Брауна, и он холодно ответил, что это не моя забота, что ответственность за испытание ракет в Польше несет исключительно Гиммлер. А затем он разгневался и начал кричать, что настоящий ученый не

имеет права на сопливое человеколюбие, особенно тогда, когда речь идет о "нелюдях" поляках! А вскоре до меня дошел леденящий сердце слух, что эсэсовцы умертвили польских рабочих - строителей секретного объекта у Близны! - как фараоны умерщвляли строителей пирамид... Это заставило меня надолго задуматься, но еще по инерции я работал молча, слушал восторженные речи Брауна о тех кошмарных разрушениях, которые вызывали наши ракеты в Лондоне, о ракетной истерии на Британских островах. К тому времени мы довели потолок экспериментальных ракет до 170 километров, а дальность почти до 450 километров. Браун уверял, что мы сможем запустить на Лондон более пяти тысяч снарядов, убить полмиллиона лондонцев и принудить англичан эвакуировать свою столицу.

- Доктор Лейтер! Вы сможете начертить на память принципиальную схему этих новейших ракет?

- Разумеется, если вы достанете бумагу и карандаш.

- Непременно достану!

- И принципиальная схема, и скелетно-монтажная схема, и весь технический паспорт ракеты "Фау-2" у меня словно выгравированы в мозгу. Разумеется, что касается деталей, в ряде секторов я обладаю лишь общей спецификацией, основными техническими данными... Ну а о своем пути на Голгофу я уже вкратце рассказывал. Как-то незаметно накипело на душе. И вдруг - телеграмма из моего родного Гамбурга от сестры: "Срочно приезжай. Лотта и дети ранены". Я поехал поездом. В голове тяжелые мысли. Самоубийство Роммеля. Русские вышли к Варшаве, вступили в Восточную Пруссию, американцы захватили Ахен. Взрывы "фау" лишь привели к ожесточенным ответным бомбежкам всей Германии и моего Гамбурга. Сестра встретила меня на разрушенном вокзале. В глазах слезы. "Присядем, Вилли, на скамейку! Я должна тебе что-то сказать... Они не ранены... Они..." Я сидел и слушал будто каменный. Лотта, маленький Вилли, близнецы Клархен и Гретхен... Все они заживо сгорели вместе с домом. Потом часа три как безумный рылся я в еще горячих развалинах. "Это сделал я! Это я убил их! - сказал я сестре. - Всю свою сознательную жизнь, не видя дальше носа, строил я эти проклятые ракеты, копал яму другим и своей собственной семье... Это я бросил своих любимых в огонь! То же сказал я, вернувшись, и фон Брауну. "Ты сошел с ума!" - заорал он на меня. "Мы проиграли войну, - сказал я ему, - мы проиграли все на этом свете, мы отдали душу дьяволу, и бог накажет нас всех!.. Я ненавижу твои ракеты. Если бы не эта последняя надежда на победу, немцы бы давно воткнули штыки в землю!" На следующее утро меня арестовали, повезли на допрос в Штеттин... Меня

допрашивал СС-обергруппенфюрер Мацув, шеф полиции и СС Штеттинского округа. Он ничего не добился от меня и сказал, что отправит меня в санаторий подлечить нервы. Я все время плакал. Так я сменил белый халат ученого на полосатый арестантский костюм. Да, мой друг, я сделаю вам эти чертежи..."

13. Гуд бай, капрал!

Ночью на посадочную площадку вышла вся группа "Феликс". Необходимо было очистить "стол" - разобрать и отнести в сторону пожарную вышку, торчавшую посреди большой поляны, собрать валежник, подготовить сигнальные костры.

Капрал Вудсток должен был встретить майора Велепольского, как было условлено между ними, ровно в полночь. Капрал прибыл на место встречи вместе с Димкой Поповым, но на знакомой развилке у Бялоблот было пусто: ни майора, ни капитана Серого, ни панны Зоей. Эти трое должны были приехать верхом и пригнать двух коней для капрала Вудстока и сопровождавшего его русского разведчика.

Прошло десять, пятнадцать минут, потом двадцать, тридцать, капрал все чаще поглядывал на часы, а майора и его спутников все не было.

Потом до слуха капрала Вудстока донесся звук длинной автоматной очереди.

- Из "стен-гана", - безошибочно определил Димка Попов. - Стреляют метрах в трехстах за Бялоблотами.

Наверное, за всю операцию "Альбион" никогда еще так не волновался капрал Вудсток. Напряжение последних дней достигло наивысшей точки.

Прошло несколько минут, послышалась частая дробь конских копыт. Это был майор. Он прискакал на вороном жеребце. Рядом гарцевал серый в яблоках конь, тоже под седлом.

- Где капитан? Где панна Зося? - спросил капрал, подходя к вороному. Он был искренне рад видеть пана майора.

- Панна Зося... эта неблагодарная дура, - зло проговорил майор, отказалась ехать... А Серый, как говорите вы, англичане, пережил свою полезность. К дьяволу их! Скорее на аэродром!.. Самолет прилетит - это точно?

- Это так же точно, как то, что меня зовут Юджин Вудсток, - бодро ответил капрал.

- Да, но ведь есть еще "люфтшутц" - немецкая служба противовоздушной обороны.

Капрал Вудсток увидел на майоре две туго набитые полевые сумки. Их ремни перекрещивались на груди, поверх болтался вороненый "стен-ган".

- Майор! А где конь для русского?

- Его нет, долго рассказывать... Поехали, капрал! Ведь мы опаздываем!

- Тогда так: русский сядет с вами. Впрочем, нет - не выдержит конь. Я поеду с вами на одном коне, а русский - на другом. Он один из нас знает, где находится эта посадочная площадка. Вперед!..

Они поехали рысью по лесным дорогам. Вот уже скоро и импровизированный в сердце Бялоблотского леса аэродром. Вудсток все чаще поглядывает на фосфоресцирующие стрелки "Омеги" - не опоздать бы. Чтобы успокоить графа, капрал тихо насвистывал "Путь далек до Типерери".

Констант Домбровский тем временем волновался едва ли меньше пана майора и капрала Вудстока. А вдруг случится что-либо неладное и командование не вышлет самолет? Сколько раз уж так бывало... Вдруг собьют этот самолет немецкие зенитчики или ночные перехватчики?

Когда всадники подъехали к большой поляне, окруженной смешанным чернолесьем, там уже стоял только что приземлившийся двухмоторный "Дуглас" без опознавательных знаков и пылали костры, выложенные буквой "фау", нацеленной острием на запад, на Берлин.

- Карета графа подана! - не удержался от шутки Евгений, весь охваченный в эти счастливые для него минуты духом какого-то ликующего, буйного озорства. - Прошу, ваше сиятельство!

- Я ваш вечный должник, капрал, - растроганно проговорил майор. Голос его дрожал. - Для вас я не пожалел бы звания кавалера ордена Британской империи. Между прочим, мне удалось связаться с Лондоном. Эм-ай-сикс подтвердила, что вы действительно ее человек. И все материалы они получили...

Капрал Вудсток откашлялся.

- Вот и отлично! - проговорил он с трудом.- Стоило ли сомневаться во мне!

Капрала спасла темнота. Иначе майор увидел бы, как на лбу капрала выступил пот.

"Дуглас" развернулся носом к поляне, почти касаясь хвостом сосен на опушке. Лунное серебро плавилось на краях медленно клубившихся над лесом иссиня-черных туч. Вдали, над Познанью, горела "рождественская елка", так немцы называли советские осветительные многозвездные ракеты. Познань бомбили. Возможно, для того, чтобы отвлечь внимание "люфтшут-ца" от той драмы, что разыгрывалась посреди Бялоблотского леса?

- Гуд бай, корпорал! - крикнул пан майор.

- Счастливого пути, ваше сиятельство! - усмехнулся капрал.

В этот волнующий миг майор граф Велепольский, этот

ясновельможный бандит, уже видел себя в Лондоне, в черном, лихо заломленном берете, погонах и нарукавных шевронах подполковника, а быть может, и полковника штаба генерала Андерса, в котором нашли прибежище многие друзья графа из "двуйки".

Майор чуть не упал, карабкаясь вверх по трапу. Кто-то протянул руку сиятельной особе, рывком втащил в самолет.

К самолету спешили двое: Констант и Петрович.

- Это безобразие! Я буду жаловаться! - бормотал Петрович.

- Жалуйся сколько хочешь, - отвечал Констант. - Я отправляю тебя на Большую землю, чтобы тебя там подлечили. А здесь ты можешь заразить остальных.

- Чем я болен?! Что ты выдумываешь? Чем я могу заразить остальных?

- Бациллой подозрительности. Улетай от греха подальше!

Дверца люка захлопнулась за Петровичем.

- Гуд ивнинг! - проговорил, задыхаясь, майор граф Велепольский, беря под козырек конфедератки и вглядываясь в темноте в лицо человека в кожаном комбинезоне.

- Майор Велепольский? - спросил этот человек по-английски.

- йес, йес, сэр! - отвечал граф.

- Сдайте оружие! - по-русски резко приказал человек в комбинезоне.

Сильнее взревели моторы, в два мерцающих круга слились трехлопастные винты.

Пилоту пришлось взлетать в изморозь и гололед. Разбежавшись по белому кочковатому полю, прихваченному заморозком, "Дуглас" с трудом оторвался от земли. Констант больно сжал руку Евгения повыше локтя: на мгновение казалось, что самолет заденет шасси о черную хребтину соснового леса. Но нет! Едва коснувшись верхушки высокой сосны, растрепав ее крону вихрем от винтов, "Дуглас" взмыл в небо... Вот он сделал круг над поляной, где разведчики поспешно тушили костры, моргнул красно-зелеными бортовыми огнями и улетел, набирая высоту. Улетел на Восток. И хладнокровный Констант, этот стоик, не любивший проявлять своих чувств, крепко обнял за плечи Евгения, прислушиваясь к замирающему в ночи рокоту моторов.

- Пошли к подводе, - сказал Констант, когда смолк за лесом этот рокот. - Нам и Казубскому прислали груз - боеприпасы, радиопитание, продукты... Сам Казубский что-то запаздывает...

Казубского, Исаевича и других поляков-разведчиков не пришлось долго ждать: они уже встретились с разведчиками группы "Феликс". Поляки мигом перетащили на свою подводу предназначенный для них авизентовый тюк с грузом. На подводе

смутно белели в темноте пятиведерные молочные бидоны.

- Откуда столько молока? - спросил Евгений Пупка.

- Это не молоко, а спирт! - гордо ответил Пупок. - Под моим руководством мы провели операцию "Спиритус вини"!

- Хелло, корпорал! - услышал Евгений за спиной знакомый мелодичный голос.

Резко обернувшись, Евгений с трудом разглядел в темноте стройную фигуру молодого подпоручника в полной полевой форме, со звездочкой на конфедератке. Да, это была панна Зося. Такой и запомнил он ее на всю жизнь: в офицерской конфедератке, с распущенными, ниспадающими до погон светлыми волосами, с кобурой "вальтера" на боку, в шинели цвета хаки, застегнутой не на правый, а на левый борт.

- Вы не узнаете меня, капрал? - спросила панна Зося.

- Капрала Вудстока больше нет, - в смущении проговорил вполголоса по-английски Евгений. - Но я вижу, что нет и прежней панны Зоей.

- Да, прежней панны нет. Есть подпоручник Зося.

- Вы не захотели улететь со своим опекуном?

- Я не захотела стать спасающейся крысой, потому что не считаю Польшу тонущим кораблем... Из темноты вынырнула чья-то фигура.

- Эй, кто здесь? Осторожнее со светом! А, это вы!.. Привет, Женя!

Это был Богумил Исаевич. За ним шел, конфузливо улыбаясь, поручник Рыжий.

- Знакомьтесь, друзья! - с широкой улыбкой сказал по-польски Исаевич.

- Мы знакомы, - довольно холодно произнес по-русски Евгений, живо припомнив, как стоял он в кабинете фон Ширера под дулом пистолета Рыжего.

- Знакомство у вас было только шапочное, - засмеялся Богумил Исаевич. Майор Велепольский подозревал Серого в связи со мной, а на самом деле эту связь по указанию штаба Армии Людовой держал РыМосква - Познань - Варшава - Москва

1944-1974

В 1974 году в серии "Стрела" выйдут следующие книги:

И. Акимов. Легенда об ушедших на задание

Г. Голубев. След золотого оленя

О. Шмелев, В. Востоков. Ошибка резидента

Е. Коршунов. Операция "Золотой лев"

С. Стрельцов. Белые призраки

А. Вайнер, Г. Вайнер. Гонки по вертикали